

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ КУФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В истории арабской письменности Средняя Азия занимает особое место, но сохранившиеся памятники, к сожалению, не дают полной картины ее развития в Маверā'ннахре. В процессе закрепления арабов в Средней Азии администрация и представители власти при сношениях с центром омайядского халифата пользовались, несомненно,

арабским письмом, как было, например, в Египте уже с 22/643 г.¹ Деловые документы, расписки, приказы, паспорта писались более или менее курсивными почерками. В надписях на монетах, напротив, долгое время в почерке придерживались горизонтальной линии, стволы некоторых букв имели вертикальное положение. Со времени 'Абд ал-Малика в восточном Хорасане чеканили монеты в Нишапуре и в Мерве, что способствовало созданию каллиграфической традиции, которая проникла и в среду местной хорасанской знати. В 76/695—696 г. в Мерве был выбит дирхем (рис. 1).² Единственное письмо согдийца Дй-вāсти (Дивастича) к арабскому эмиру ал-Джаррāху 99—100/718—719 гт. показывает, что арабская каллиграфия в Маверā'ннахре совершенно не уступала образцам из западных провинций халифата (рис. 2).³

Рис. 1. Дирхем, чеканенный в Мерве 76/695—696 г.

Куфические Кораны первых веков хиджры в среднеазиатских копиях не известны. Грандиозный, так называемый „Османовский“ Коран из мечети Хōджа Ахрара датируется началом II первой четвертью VIII в., но А. Шебунин устано-

¹ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ в Средней Азии. Согдийский сборник, I, Л., 1934, стр. 74, прим. 1; стр. 73, прим. 3.

² Henri Lavoix. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale, t. I, Paris, 1887, № 203. — Н. П. Остроумов демонстрировал медный фельс с арабскими надписями, битый в Мерве и найденный в Байрам Али в земле; В. Бартольд датировал его VIII в. (ИТКАА, г. XVIII-й, 1913, протокол № 4, заседание 10 II 1913 г., стр. 58).

³ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. соч., табл. к стр. 54 и стр. 89—90.

Рис. 2. Письмо согдийца Дивасті 99—100/718—719 гг. Деталь.

Рис. 5. Шелко-льняная ткань с тиразом из Мерва 278/891 г.

Рис. 6. Шелко-льняная ткань с тиразом 293/891 г.

вил его не среднеазиатское происхождение.¹ Отсутствие рукописей VIII—IX вв. чрезвычайно досадно; многие из них, вероятно, были написаны на самаркандской тряпичной бумаге, которую выделявали с середины VIII в.²

О чистоте стиля куфи II—III/VIII—IX вв. можно судить по надписям на ранней поливной керамике, богато представленной на разных городищах, из которых особенно известно городище Афрасиаб. Надписи (по большей части) исполнены черным или красным красителем, лишены пунктуации и знаков чтения; линии очень смелы и прямолинейны, фон свободен от рисунка (рис. 3, а—б). Оба тона наиболее употребительны в оформлении арабских рукописей. Постепенно буквы обогащаются декоративными элементами; например нун украшается полупальметкой (рис. 4), появляется иногда пунктуация, подобно *zā* в слове المنزاج 'уравновешенность'. Редкая по красоте и строгости стиля надпись на светлом фоне фаянсового қаламдана дает имя محمد بن فضل 'Мухаммад сын Фадла', вероятно имя владельца.³ Керамисты Мавера'ннахра понимали, что изящно написанное изречение достаточно украшает изделие.

На предметах утилитарного характера, где орнаментация излишня, куфи в конце III/IX в. прямолинеен и прост; такова надпись на бронзовой гире с именем Исма'ила Сāmānī (261—295/875—907 гг.)⁴ или штемпеля на кирпиче.⁵ На предметах обихода знати, которые, кроме официального содержания, были рассчитаны на художественный эффект, надписи выполнены изысканным почерком. Образец подобного рода представляет надпись с именем халифа ал-Му'таmid ал-алā-Ллā, вытканная красным шелком на льняной ткани по приказу ал-Му'тадида би-Ллā в дворцовой ткацкой мастерской (тирāз) в Мерве بطراز الحامّة بمره в 278/891 г. (рис. 5).⁶

Ал-Му'таmid би-Ллā, сын ал-Муваффақа Талха, племянник халифа ал-Му'тамида и будущий халиф, унаследовал права и обязанности отца, в число которых входило командование войсками и охрана границ. Ал-Муваффақ умер

¹ А. Шебуни. Куфический Коран имп. СПб. Публичной библиотеки. ЗВО РАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 123—124.

² Китайская тряпичная бумага известна со II в., согласно исследованию А. Stein (Sir Aurel Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, стр. 65), 673); ср.: W. Barthold. *Turkesian down to the Mongol Invasion*. Gibb Memorial Series, New Series, V, London, 1928, стр. 237.

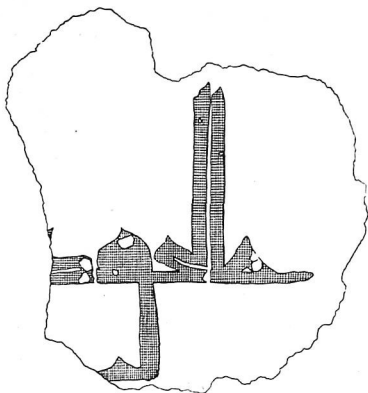
³ Цитированная надпись украшает фаянсовый қаламдан, обломанный, из собрания С. М. Дудина-Столярова, № 1332—57, Государственный Эрмитаж.

⁴ М. М. Дьяконов. Бронзовая гира с именем Исмаила Самани. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 165—176, с. 4 рис.

⁵ См. рецензию В. В. Бартольда на „Справочную книжку самаркандской области. Выпуск VIII. Самарканд, 1906“. ЗВО, т. XVIII, стр. 0188.

⁶ Hassan Moh. Nawary. Un tissu abbaside de la Perse. *Bulletin de l'Institut d'Égypte*, t. XVI, Le Caire, 1934, стр. 61—71, с 3 табл. — Ср.: В. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР. Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г., Труды Института востоковедения Академии Наук СССР, XXIV, М.—Л., 1937, стр. 131.

8 сафара 278/22 мая 891 г.;¹ следовательно, надпись выткана в Мерве между 22 мая 891 г. и 3 апреля 892 г., когда закончился 278 г. х.

а

б

Рис. 3, а — б. Надписи на полевой керамике II—III/VIII—IX вв. Афрасиаб.

Рис. 4. Надпись фаянсового каламдана III/IX в.

Известны еще четыре образца тканей, на которых Мерв назван как место производства: на тирāзе 277/890 г. вытканы имена халифа ал-Му'тамида,

¹ K. V. Zettersteen. Al-Mu'tamid. Enzyklopaedie des Islam (цитируется сокращенно: EI), т. III, стр. 841. — Al-Mu'tamid, там же, стр. 839. — W. Barthold. Turkestan. „E. J. W. Gibb Memorial Series“, New Series, V, Oxford, 1928, стр. 217, 219.

ал-Муваффақа и в конце надписи — имя 'Иса (вероятно имя мастера); два тирāза преемника ал-Му'тамида, халифа ал-Му'тадида, 283/896 и 286/899 гг., и один тирāз времени халифа ал-Му'тафи́, но без его имени, 293/905 г.¹

Почерк на мервском тирāзе 278/891 г. очень своеобразен и сильно отличается от многих аббасидских тканей, близких по времени. Компактные знаки у линии строки создают впечатление горизонтальной полосы, хотя в надписи имеются дугообразные лигатуры и дуги вāва свисают ниже строки. Высокие буквы в 4—5 раз выше низких букв, кроме слова الله, в котором стволы последовательно понижены;² окончания вāва, rā и зāйна подняты вверх.³ Необычная форма дāль, напоминающая джим-хā, встречается в словах:

الحمد، المعتهد، احمد، المعتضد، آيدہ، سعاده

столь же необычайна форма мйма в виде треугольника, поставленного на одну из вершин بسم; среднее tā наклонено параллельно предшествующему айну.

Фон ткани около надписи свободен от украшений; над надписью орнаментальный узор плохо сохранился. Отступя от конца надписи, немного мельче и суше, выткано красным шелком имя سهيل بن شادان 'Сахл сын Шадāна', предположительно имя ткача; отступя от начала надписи, в вертикальном положении, мелко и небрежнее, красным и голубым шелком изображено: بركة للجوهري بن الخباز 'Благословение Джаухару сыну пекаря'; здесь может быть назван владелец ткани, и это пожелание было вышито позднее.

На мервском фрагменте тирāза 278/891 г. узор имеет строго орнаментальный характер. В нем различаются S-образные мотивы и сердцевидные, но основной мотив ткани представляет непрерывную серию овалов, с четырьмя светлыми „глазками“ внутри каждого овала, на фоне попеременно светлом или темном. Окаймление овалов в виде белой ленты, с темной полоской посредине ее, вьется волнообразно. Нижний край узора занимают полуовалы с тремя светлыми точками.

Подобный рисунок бордюра имеется на анонимном и недатированном фрагменте шелко-льняной ткани с тирāзом в лондонском собрании.⁴ В этом экземпляре была замечена некая „странность“ бордюра, причем происхождение мотива осталось для исследователей неясно. Так как мервский датированный тирāз 278/891 г. и лондонский фрагмент № 11/127—1891 сходны по материалу и по орнаменту, можно предположить, что оба они вытканы в Мерве и, следовательно, лондонский фрагмент можно датировать 275—300 гг. х.

¹ Н. М. Hawary, ук. соч., стр. 63, прим. 1. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, т. II, Le Caire, 1932, № 753, Coll. Tano; т. III, № 810, Афины; № 865, Капр.

² В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии. Труды Музея палеографии АН СССР, т. III, Л., 1929, табл. I, рис. 2, 233/848 г.; табл. II, рис. 2, 242/856 г.; табл. V, рис. 1, 243/857 г.; стр. 28, прим. 3—4; стр. 34, прим. 3.

³ В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 99—100: об удлинении окончаний букв вверх.

⁴ A. R. Guest. Notice of some arabic inscriptions on textiles of the South Kensington Museum. JRAS, April, 1906, стр. 397, табл. III, № 11.

Весенние ткани из Мерва и осенние с двойным утком славились при Сасанидах, как передает Та'алиби в известном отрывке из разговора Хосроя с пажем.¹ Хлопчатые ткани были главной специальностью средневекового Мерва. Особенно знамениты были тонкие мервские головные повязки и толстые ткани; их вывозили в различные страны, а в некоторых центрах халифата выделяли подражания им. Арабский географ ал-Мукаддаси сопоставлял по качеству ткани из некоторых иранских городов с мервскими: „оттуда [из Тустера] поступают красивые ткани вроде Мерва“. „В Исфакане ткали мервские ткани“. Толстые ткани, вроде мервских, и тончайшие покрывала вырабатывались в пригороде Исфакана, Йахүдийе.²

Ткани из льна в Мавер'аннахре были также известны: Исма'ил Самани одаривал своих военачальников льняными одеждами, которые ценились особенно высоко. Конечно, на одеждах саманидских военачальников, пожалованных не самим халифом, не могли быть вытканы официальные формулы.³ Отмеченный лондонский фрагмент ткани с тир'азом происходит с кладбища в Верхнем Египте, что несколько не противоречит мервской атрибуции, так как все документированные мервские образцы найдены в Египте.

Ткацкое ремесло в Мерве было сосредоточено в квартале ткачей.⁴ Нельзя, впрочем, утверждать, что „тир'аз ал-хацца“ 'частный, личный тир'аз', т. е. ткацкая мастерская халифа, находилась в квартале ткачей, а не при дворце. Производство тканей было поставлено под наблюдение ответственного управителя — мухтасиба или фақыха, который был обязан следить за качеством тканей и изображением имени халифа на изделиях.⁵

В Мичиганском университете имеется фрагмент ткани из хлопка и шелка; красным шелком на ней выткано имя халифа ал-Муктафи и неполная дата [2]93/905—906 г. Замечателен на этом фрагменте стиль почерка и сходство его с экземплярами в некоторых других коллекциях;⁶ как правило, все они хлопчато-шелковые. Место изготовления сопоставленных фрагментов не известно; исследователи допускают три центра производства: Йемен, Иран (без дальнейших уточнений) или Месопотамию, причем Египет, согласно Пфистер (Pfister), исключается.⁷ Следует признать громадное палеографическое сходство мичиганского тир'аза ал-Муктафи 293/905—906 г. (рис. 6; ср. рис. 5) и мервского 278/891 г. Стиль обеих надписей одинаков, с той разницей, что в позднейшем образце

¹ Arthur Christensen. *L'Iran sous les sassanides*. 2-е изд., Copenhagen, 1944, стр. 473. — P. Schwarz. *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen*. T. IV. Leipzig, 1929, стр. 356, прим. 8; стр. 425; т. V, стр. 599. Относительно вывоза тканей из Самарканда при Сасанидах см.: W. Barthold. *Turkestan*, стр. 295; о мавераннахрских шелках и хлопчатых тканях — стр. 236.

² P. Schwarz, *ук. соч.*, т. VII, стр. 889.

³ A. R. Guest, *ук. соч.*, тексты №№ 10 и 11.

⁴ A. Jakoubovsky. *Merw al-Shahdjan*, EI, дополнительный том, вып. 3—4, стр. 160.

⁵ A. Mez. *Die Renaissance des Islam*. Heidelberg, 1922, стр. 393—394, 435.

⁶ Florence E. Day. *Dated Tiraz in the Collection of the University of Michigan. Ars Islamica*, т. IV, 1937, стр. 426—427, рис. 6.

⁷ Florence E. Day, *ук. соч.*, 427.

треугольных букв больше (кроме мйма, конечного хā); появились добавочные вертикали над низкими буквами tā и нўн *سنة المكتفى*; среднее *فآ للخليفة* получило „подставку“.

На основании поразительного палеографического сходства, единства материала и близости даты, к небольшому циклу из пяти тканей, вытканых в Мерве, можно с полной уверенностью присоединить фрагмент Мичиганского университета 293/905—906 г. Гадательный вопрос о месте производства тирāзов с надписями такого стиля совершенно точно решается в сторону Мерва, а почерк должен быть связан с именем Сахля сына Шādāна.

Рис. 7. Дирхем Наcра II, сына Ахмада, Нйшā-пўр, 305/917—918 г.

С датой мервской ткани конца III/начала X в. почти совпадает новое течение в графике надписей на саманидских монетах, до того времени только кувфических. На самаркандском дирхеме 296/908—909 г. имя халифа ал-Муқтадира би-Ллā попрежнему изображено кувфическими знаками, но имя амйра Ахмада сына Исма'йла — курсивным почерком на-

схи.¹ С этих пор на саманидских монетах соседство двух арабских почерков обнаруживается нередко. Те же сочетания прослежены на монетах, битых в Шāше, в Самаранде в 297/909—910 г., в разных городах Мāверāннахра в следующем году, в Шāше и Самарханде в 300/912—913 г., в Āмоле в 302/914—915 г. Система продолжается на монетах Наcра II сына Ахмада, битых в Андерāбе в 304/916—917 г. и в Нйсāбўре (Нйшāпўре) 305/917—918 г. (рис. 7). При Манcўре I, сыне Нўха I, в 356/966—967 г. в г. Ахсикет на лицевой стороне монеты почерком насхи было изображено имя Ахмад.

Выделение имени амйра другим почерком, вероятно, имело целью оттенить могущество Саманидов и слабую зависимость от халифа.

При Алп Тегйне в зарождающееся газнавидское государство проникла из Мāверāннахра традиция смешения двух почерков на монетах; через некоторое время она отразилась также на стиле лапидарных надписей в г. Газна; появился насхи и на монетах Караханидов в конце IV/начале XI в.²

Лапидарные надписи Саманидов не известны. Погибли саманидские архивы и библиотека, которую Та'алибй называл: „дом славы, Ка'ба верховной власти, место собрания знаменитых людей века...“ Библиотеку в Бухаре при Нўхе I, сыне Манcўра (ум. 387/997 г.), посещал и оценил в своей автобиографии Ибн Сйнā — Авиценна³ следующими словами: „ни до того, ни после мне не прихо-

¹ В. А. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. I. С.-Петербург, 1855, стр. 211.

² V. Kratchkovskaya. *Nuskhī Inscriptions. A Survey of Persian Art*, т. II, стр. 1770—1771. — Stanley Lane-Poole. *Catalogue of Oriental Coins in the British Museum*, т. II, London, 1876, № 449.

³ W. Barthold. *Turkestan*, стр. 9.

дилось видеть такой библиотеки...¹ Впоследствии бухарская библиотека пополнилась за счет библиотеки султана Мас'уда I из Газны.²

Потеря стольких рукописных сокровищ невознаградима; каковы были некоторые почерки тщательно оформленных манускриптов при Саманидах, можно установить путем изучения эпиграфических мотивов на саманидской керамике.

В Бухаре, вероятно, встречались экземпляры куфических Коранов IX в., артистически переписанные и подобные Корану, который в 256—260/869—874 гг. пожертвовал в вакф Амәджур, дамаский наместник 'аббасидского халифа ал-Му'тамида³ (рис. 8). Не позднее середины III/IX в. расписана чаша из руин

Рис. 8. Коран 869—874 гг. Вакф Амәджүра.

Нийшәпүра (рис. 9) (из холма Сабз Пушан), замечательная не только архаичностью почерка, но и обводкой толстых черных букв по самому контуру тонкой красной линией.⁴ Типичные для керамики Афрасиаба варианты куфи имели тонкие, стройные вертикали и аккуратно растянутые горизонталы (рис. 10).⁵ Ритмически чередуются устремленные к центру по две или по три высокие буквы и горизонтальные отрезки изречения; корпуса букв дәль и кәф перевиты. К этому почерку приближается фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, происходящий с Афрасиаба; на нем низкие буквы ясно пунктированы и меньше прижаты к линии строки (рис. 11).⁶ По каллиграфическим достоин-

¹ Акад. А. Кримський. *История Персії та її письменства*, I. Київ, 1923, стр. 84.

² Heffening. *Kitābhāna*. EI, т. II, стр. 1123.

³ B. Moritz. *Arabische Schrift*. EI, т. I, табл. IV: страница из Корана Амәджүра.

⁴ The Metropolitan Museum of Art. *The Iranian expedition 1936*, New York, 1937, стр. 10, рис. 2.—Fr. Sarre. *Die Keramik von Samarra*. Berlin, 1925, Anhang I, Epigraphisches von Ernst Herzfeld, рис. 174: пальметка над буквой ṭā.

⁵ S. Flury. *Calligraphy*. В. *On Pottery*. SPA, т. II, стр. 1752, рис. 607; т. V, табл. 560 А.

⁶ Государственный Эрмитаж, Собрание С. М. Дудина-Столярова, № 1332—735.

ствам эпиграфические мотивы саманидской керамики III/IX в. стоят неизмеримо выше находок в Самарре.¹

В IV/X в. каллиграфы чаще применяли „подъем вверх“ в окончаниях букв. Излюбленное в качестве хорошего предзнаменования слово „счастье“ *باليمن*, вместо правильной орфографии, при небрежной работе искажалось, распалось

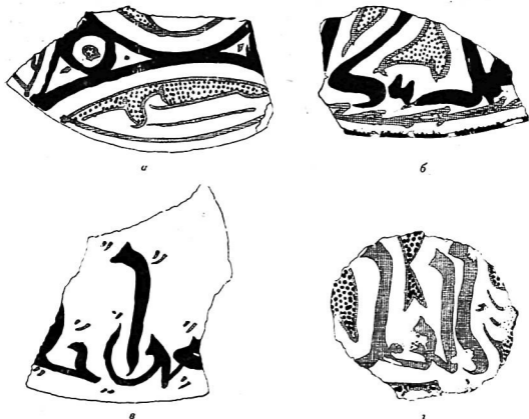

Табл. I.

а — г — обломки половинных чаш X в., Афрасиаб.

на отдельные буквенные элементы (рис. 12, а) и превратилось в повторяющийся мотив (рис. 12, б; табл. II, а).

К концу III/IX — началу IV/X в. на самаркандской керамике часто выделяли светлые буквы куфи резервом по белой обмозке красной контурной линией, а прилегающий участок фона усеивали черным пунктиром, как видно на фрагменте из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе (табл. I, а),² на двух изображениях, изданных В. Л. Вяткиным,³ и на многих других.

Чтобы выделить темную надпись на светлом фоне, отступая от букв и почти параллельно им, проводили контур красным, прочие участки фона заполняли пунктиром. При удачном подборе слов из высоких буквенных стволов и пунк-

¹ Fr. Sarre, ук. соч., рис. 174, таблица шрифта и другие рисунки.

² В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927, рис. на стр. 44. — S. Flury. Ornamental kufic Inscriptions... SPA, т. II, рис. на стр. 1765.

³ В. Л. Вяткин, ук. соч., табл. VI.

а

б

Табл. II.

а — полноразное блюдо с энграфическим узором; б — полноразное блюдо X—середины XI в. Афрасиаб.
Фото А. И. Тереножкина.

тира фона создается почти симметричный радиальный узор, главным образом за счет буквы *лām*. Верхняя часть ствола *лāма* загнута налево; стволы алифа сильно наклонены направо, полулежат, извилисты, а вершина загнута налево; конец алифа, после загиба направо, обрывается наподобие запятой. Таков бордюр блюда, случайно найденного А. И. Тереножкиным на городище Афра-

Рис. 9. Чаша из Нйшāпūra, середины III/IX в.

сиаб летом 1946 г. в пункте № 22. В этом почерке ощущаются нажимы руки писца и курсивное движение¹ (табл. II, б).

Интересно проследить взаимоотношение рукописных и керамических почерков рассматриваемого периода. На первой строке в начале сур из недатированного Корана Узбекского центрального Государственного музея, в отличие от остального текста, алиф и *лāмы* имеют все особенности, отмеченные

¹ Приношу искреннюю благодарность А. И. Тереножкину за предоставленные два снимка афрасиабской керамики эпохи Саманидов. См. также: В. А. Вяткин, ук. соч., стр. 48, табл. IV, два нижних блюда.

в последнем образце керамического почерка. Наиболее извилист и склонен алиф в начале суры 67-й; лигатуры остроугольны (табл. III, а).¹

Чтобы уточнить дату почерков этого рода, сравним извилистый алиф в куфическом заголовке „Географии“ Абу Зайда ал-Балхи 320/932 г., без курсивного загиба в окончании,² и копию сочинения „Биографии грамматиков Басрийской школы“ ас-Сирāфи,³ переписчик которой — уроженец города Рейй,

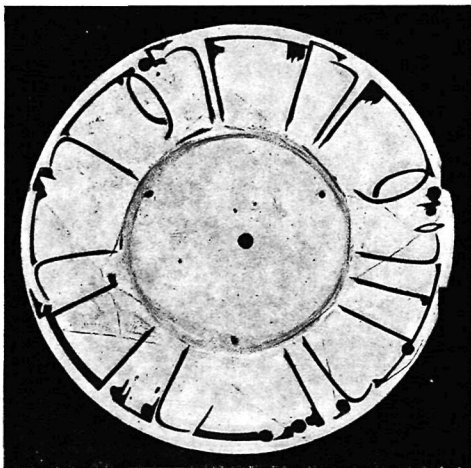

Рис. 10. Поливная чаша IX в. Лувр.

по имени Шадан ар-Рāзй, традиционист — оказался первоклассным каллиграфом: прозу он переписал почерком куфи, стихи — наском. „Басмала“ на л. 2 и строка 2 на л. 34 выделены крупным почерком переходного, смешанного характера (табл. III, б). Горизонтальная линия строки нарушается угловатыми лигатурами;

¹ Почерк определяется здесь по фотографиям с 8 листов Корана из Узбекского центрального Государственного музея, на которых имеются начала сур 43, 45, 67.

² Ahmed Mousa. Zur Geschichte der islamischen Buchmalerei in Aegypten. Cairo, 1931, табл. IV (14): лист из „Географии“ Абу Зайда ал-Балхи.

³ F. Krenkow. Biographies des grammairiens de l'école de Basra. Bibliotheca Arabica publiée par l'institut d'Études orientales, Faculté des lettres d'Alger, Paris-Bevrouth, 1936. — Полное имя автора „Биографий“: Абу Са'ид ал-Хасан бен'Абд Аллах бен ал-Марзубан ас-Сирāфи; он родился на берегу Персидского залива, умер в Багдаде в 321/933 г.

высокие буквы сверху написаны с сильным нажимом и загибом в левую сторону; стволы несоединенного алифа наклонены направо под углом в 20° , ствол tā — на 25° . Окончания алифа в виде запятой, небольшой загиб hā в имени الاحطل 'ал-Ахтал' и другие детали являются следствием курсивных изменений, которые особенно заметны на л. 34, строки 1 и 3, и в остальном тексте; совершенно курсивно начертание بَغْضَرِيْمٌ (л. 2, строка 2 снизу). Основной почерк рукописи „Биографий“ ас-Сирāфӣ имеет громадное сходство с Кора-

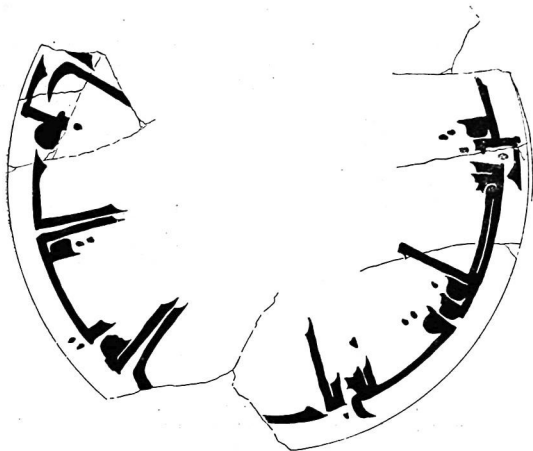

Рис. 11. Фрагмент поливного блюда IX в.

ном Узбекского центрального Государственного музея. Копия Шāдāна ар-Рāзӣ датирована месяцем джумāда I 373/11 октября — 9 ноября 983 г.

Почерк уроженца Хорезма Абӯ-р-Райхāна Мухаммада бен Ахмада ал-Бирӯнӣ (сам он называл себя ал-Байрӯнӣ), автограф которого в Константинополе датирован 20 раджаба 416/16 сентября 1025 г., напоминает руку Шāдāна ар-Рāзӣ (табл. IV, а — б).¹ Ал-Бирӯнӣ говорил: „Арабское письмо, со всей его красотой, имеет два серьезных дефекта. Один — тот, что многие буквы имеют одинаковую форму и могут быть отличены только диакритическими знаками, которые часто

¹ F. Krenkow. Abu r-Rathan al-Beruni. Islamic Culture, т. VI, № 4, Hyderabad Deccan, oct., 1932, стр. 528—534, с 2 табл.; автограф издан по рукописи „Tahdid Nihayat al-Amākin fi Tashih Masāfāt al-Masākin“; цитата переведена со стр. 531 издания.

пропущены писцами и, в дополнение, для правильного понимания необходима огласовка...“ Сообразно со своими воззрениями, ал-Бируй щедро пунктировал свой автограф.

В копии „Фармакологии“ Муваффака бен 'Али ал-Херави на персидском языке переписчик по имени 'Али, сын поэта ал-Асади из Туса, писал в 447/1065 г. одни слова насхом, другие куфи и связывал буквы то дугообразными, то ломаными лигатурами; в заголовках „Фармакологии“ насх крупнее¹ (табл. IV, в), Абū Бакр ал-Газнави в 566/1171 г. продолжал ту же хорасанскую традицию, но почерк у него для основного текста сур Корана строже, а колофон совершенно курсивен.²

Сравнение алифа на среднеазиатской керамике (табл. I, б—г) с почерками уроженцев Хорасана и Хорезма между 320—447/932—1055 гг. позволяет уточнить соответственно датировку этой керамической группы (рис. 13). Можно

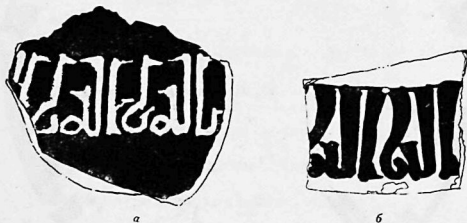

Рис. 12, а—б. Два фрагмента поливной керамики X в. „Ал-юмн“.

предположить, что в саманидских рукописях употреблялся подобный почерк, но на современной стадии исследования нельзя еще решить, где возникла эта манера письма. В заголовках и титульных листах роскошных рукописей, вероятно, имело место крапление фона, отделенного от текста контуром; оно гораздо чаще встречается на среднеазиатской керамике времени Саманидов, чем на 'аббасидской керамике из Самарры,³ и среднеазиатские каллиграфы, может быть, являются инициаторами декорации фона рукописей, которая в последующие века получила богатое развитие.

¹ V. A. Kratchkovskaya. Ornamented naskhi Inscriptions. SPA, Vol. II, стр. 1770. — W. Wright. The Palaeographical Society. Facsimiles of ancient Manuscripts. Oriental Series, Part I, London, 1875, табл. VIII—IX. — В. Moritz. Arabische Schrift, I, т. I, стр. 409.

² Ahmed Mousa, ук. соч., табл. XIX (31): лист из Корана Абū Бакра ал-Газнави. — В. Moritz, ук. соч., табл. V: два других листа из того же экземпляра.

³ Fr. Sarre. Die Keramik von Samarra, стр. 85, рис. 180; табл. XIV, рис. 2: чашечка, расписанная люстром.

К особой группе декоративного куфи принадлежит роспись фрагментированного сосуда киевского собрания (рис. 14). Дугообразные выступы образованы на вертикалях алифа и лāма, сложный узел сплетается с ниакой буквой;

Рис. 13. Буква алиф VIII—X вв.

1—719 г.; 2—IX в.; 3—932 г.; 4—5—983 г.; 6—9—X в.

на стволах букв типа кāф надеты кольца. В почерке египетских надгробий дуги известны на горизонтальных линиях с конца II/начала IX в., а в начале III в., с 816 г., — на вертикальных стволах, не только в лапидарных надписях,¹

Рис. 14. Блюдо с надписью XI в.

но и на тканях. На востоке халифата наибольший сравнительный материал дают монументальные надписи начала XI в., к которым мы и перейдем.

Надпись хōрезмшāха Ма'мūна II на свинцовой плите 401/1010—1011 г. с упавшего минарета в Ургенче² (рис. 15) незатейлива по сравнению со слож-

¹ В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 77—79.

² Н. Катанов. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куля-Ургенча, ЗВО, т. XIV, СПб., 1902, стр. 015—017, с 1 рис. — W. Barthold. Khwarizmshah, EI, т. II, 1927, стр. 980. — А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАНМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 33, прим. 1.

ными плетениями из кирпича на минарете в Термезе (Тирмид) 423/1032 г. (рис. 16)¹ и на башне в Радкәне 407—411/1016—1021 г. (рис. 17). Относительная простота свинцовой надписи зависит от фактуры, сложности формовки

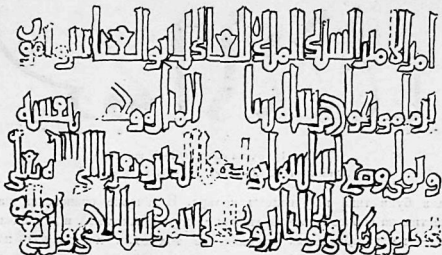

Рис. 15. Надпись минарета 401/10—1011 г. Ургенч.

и экономии материала. Почерк сжат максимально и лишен плетений; в нем преобладают вертикали, но имеются курсивные детали.

На известной каменной колонне Джум'а мечети в Сайраме (рис. 18)² горизонтальная линия в двух поясах создает впечатление архичности; тем не менее,

Рис. 16. Минарет в Термезе 423/1023 г. Деталь надписи.

подъем окончаний вверх и сплетение конечного йā роднят сайрамскую надпись с узлами и плетенками радканского алфавита (рис. 19),³ в частности, с сердце-

¹ S. Flury. *Islamische Schriftbänder*, табл. XX: вид башни; стр. 49, рис. 16: деталь надписи.

² М. Е. Массон. *Старый Сайрам*. Ташкент, 1928, стр. 29—31, рис. по фотографии А. Ю. Якубовского и таблица. — Фототека ИИМК, №№ 87345—87347, 87557, фотоснимки А. Ю. Якубовского. Ср.: М. С. Андреев. *По Таджикистану*. Отчет по экспедиции 1925 г., вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 13.

³ S. Flury, *ук. соч.*, табл. XIV.

کتاب ابن سینا محمد بن ابی بکر
در مدد نباتات الارض
الناکث

تصحیح محمد بن علی بن
لحمی و سیاح
و در حدیث
سینه

۷۸

باب غر خرف الداک

باب اول در غر خرف الداک
بسیار است مفرد و مرکب
جمله امراض اول در غر خرف الداک
و بوم: کل و مجرمه را به خود کند
و در غر خرف الداک هر دو در وقت انجام
السهل در غر خرف الداک
مجرمه را به خود کند
و غر خرف الداک شیرین
و شیرین است که بود
دهن السور و غر خرف الداک
و بعد در وقت انجام

Табл. IV.

а - б - автограф ал-Бирuni 416/1025 г.; в - фармакология Музэфакс 447/1065 г.

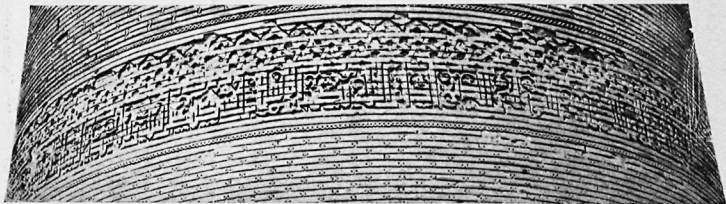

Табл. V.

а — деталь бронзового клямдана Маджд ах-Мулда 607/1210 г.; б — Ургенч. Деталь надписи минарета.
 Фото А. Ю. Якубовского; и — подражание кувфической надписи. Мавзолей № 3. Шэх-и Зинда

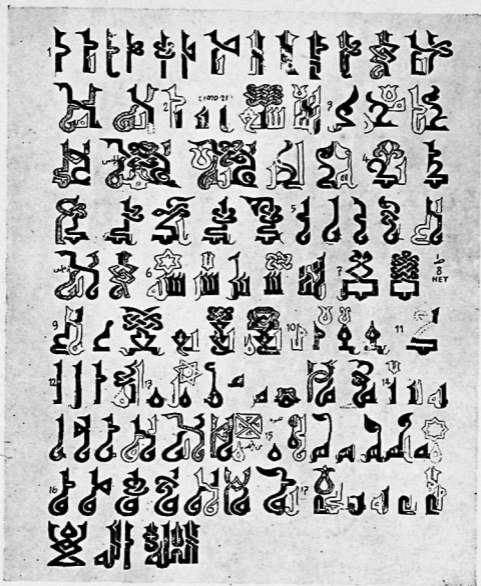

Рис. 17. Алфавит башни в Радкане 401—411/1016—1021 гг. по С. Флюри.

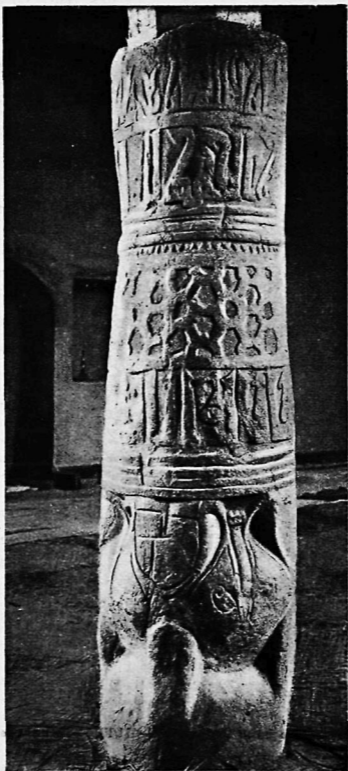

Рис. 18. Сайрам. Каменная колонна мечети.
Фото А. Ю. Якубовского.

видными узлами и подобиями восьмерки (рис. 20). Склонение широких буквенных окончаний на сайрамской колонне соответствует сильным нажимам в почерке куфи переходного периода IV—V/X—XI вв.

Дуги на стволах алифа, лама и прочих букв в радканском алфавите позволяют датировать киевское блюдо (рис. 14) первой четвертью XI в. в отличие от датировки X в., которую предлагал С. Флоры.¹

Рис. 19. Сайрам. Верхняя надпись каменной колонны мечети, 404/март — апрель 1014 г.

В резьбе по дереву и стуку рельеф разнообразнее и пластичнее, чем на камне. Между прочим, надпись „цветущим“ куфи хорошего стиля на колонне мечети Джум'а в Хиве можно датировать V/XI в. К этой группе и периоду относятся надписи на трех михрабах: в селении Искодар, в Мешхеде и Дан-

Рис. 20. Узловидные плетения из алфавита 411/1021 г. Радкан.

данакане.² Все три надписи очень скупо изукрашены растительными мотивами. В Мешхеде и Данданакане низкие буквы вершинами достигают верхнего уровня высоких букв и поднятых окончаний; посредством тонких или уширенных стрелок создано равномерное заполнение эпиграфического пояса или строки (рис. 21, а, д, е). Для заполнения фона введены в Мешхеде, кроме того, каплевидные вставки. Не вполне уцелело обозначение даты на михрабе в Данданакане; оно колеблется между 440—490/1048—1097 гг., т. е. в пределах полувека. Судя по аналогии с Данданаканом, михраб в Мешхеде предпочтительнее датировать позднее, чем предлагал Г. И. Котов.³

Газнавидскому стилю была свойственна острога клиньев, с типичным стрельчатым мимом (рис. 21, б—г).⁴ Вытянутая стрелка сглаживала впечатление

¹ S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on pottery. SPA, II. — S. Flury. Islamische Schriftbänder, стр. 26.

² B. Denike. Quelques monuments de bois sculpté au Turkestan occidental. Ars Islamica т. II, ч. I, 1935, стр. 70, рис. 4.

³ Г. Котов. Михраб Мешед-и Мисрнана. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935. М.—Л., 1939, стр. 105—106.

⁴ S. Flury. Ghazni, табл. IX; X, г; XI; XIX, рис. 5.

пустоты над низкими буквами. Стрельчатые формы вершин появлялись на неполивной (штампованной) среднеазиатской керамике, которую можно датировать V—VI/XI—XII вв.;¹ представлены они также и в надписях иранских надгробий первой половины VI/XII в.²

На монументальном портале Рабат-и Малик Караханида Шамс ал-Мулк Насра, сына Тамгач хана Ибрахима (460—472/1068—1080 гг.),³ кроме букв из кирпича и побегов на фоне надписи, введены местами дополнительные стволы над низкими буквами и U-образные украшения, ради равновесия

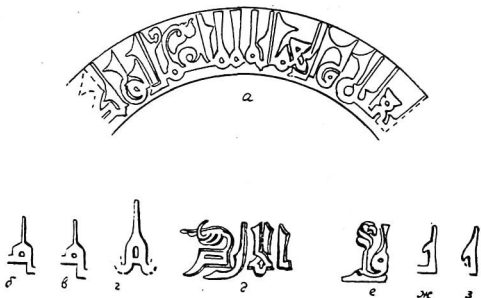

Рис. 21. Детали надписей и алфавитов в Данденакане, Газне и Мешхеде.

с густо заполненной письмом нижней зоной эпиграфического пояса на обводе арки (рис. 22). Такие дополнения к надписям есть на надгробии Себуктегина в Газне (ум. в 387/997 г.)⁴ и в надписях его потомков. К сожалению, саманидские образцы этого рода не известны. В мавзолее Мухаммада Ханая 506/1112—1113 г. близ руин Мерва был создан ритмический рисунок в верхней зоне фриза с помощью обоих дополнительных элементов (добавочных стволы и U-образных украшений), но не связан гармонично с текстом (рис. 23): орнаментальные вставки помещены то над вершиной одной буквы, то над двумя соседними буквами, то над начальным выступом трехзубчатой буквы; сплетения

¹ Фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

² SPA, т. IV, табл. 519, E, 535/1141 г.; табл. 520, 533/1138 г.

³ И. И. Умняков. Рабат-и Малик. Сборник, посвященный В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, стр. 179—192; стр. 187 — транскрипция надписи, с ладунами; рис. 3 — деталь портала с надписью по обводу арки. — W. Barthold. Turkestan, стр. 248, прим. 3. — SPA, т. II, рис. 461, стр. 1278, 1723; т. V, табл. 272, B.

⁴ S. Flury. Le décor épigraphique des monuments de Ghazna. Syria, т. VI, 1925, табл. VI—VII, 1; табл. XI, 2; XII, XXIV.

букв немногочисленны, причем встречаемые здесь узлы конечного йā надолго закрепляются в эпиграфике Средней Азии.¹

Эпиграфические памятники VI/XII в. по богатству рисунка стоят на большой высоте, особенно резанные по глине и обожженные плитки в Узгенде. Надписи северного мавзолея в 1947 г. издал А. Ю. Якубовский.² Над входом в северный мавзолей 547/1152 г. в блестящем образце куфи сочетается повторяющийся узор из звезд с плетениями буквенных стволов, а при отсутствии восходящих стволов от строки надписи смело введены дополнительные петли и линии.³ На обводе арки портала северного мавзолея надпись с датой постройки насыщена элементами скорописи и реминисценциями куфи; достаточно сравнить плетеное окончание йā в словах „Алй“, „мудж-таба“ из куфического фриза и слова „Мустафа Мухаммад ал-наби ʃалла...“, завитки буквы джйм и другие украшения на обводе арки (рис. 24).

На портале южного мавзолея в Узгенде 581/1186 г., как на северном мавзолее, надписи почерками куфи и насхи одинаково важны по содержанию; ни тот ни другой стиль почерка не имеет подчиненной роли. Насхи здесь меньше, чем на северном мавзолее, насыщен куфическими элементами, но в случае отсутствия вертикалей введены вставные украшения вроде ижицы⁴ (рис. 25). В мавзолее султана Санджара в Мерве (ум. 552/1157 г.) на щеках сводов галереи первого яруса встречается подобный

Рис. 22. Рабат-и Малик 460—472/1068—1080 гг. Деталь надписи арки.

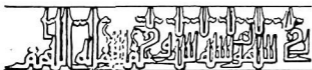

Рис. 23. Надпись мавзолея Мухаммад Ханапая 506/1112—1113 г. По фото Н. М. Бачинского.

и образуют, таким образом, повторяющиеся мотивы в средней зоне фриза и

насхи и более бедный плетениями куфи.⁵ В Узгенде куфический фриз южного мавзолея выписан с широкими лигатурами: буквы связаны с плетеными так называемыми „узлами счастья“ трех видов, заканчиваются парными полупальметками

¹ Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Москва — Ашхабад, 1939, рис. 42; в датировку памятника на стр. 33 вкралась ошибка: на нижнем рисунке ясно читается дата 506 г. арабскими словами. — М. В. Smith. Material for a Corpus of early Iranian Islamic Architecture. *Ars Islamica*, т. IV, стр. 36, эскиз В: надпись михраба в Барсиан, где соблюден ритм стволов и U-образных вставок.

² А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947, стр. 27—32, рис. 1—9.

³ Ср.: А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 31—32, рис. 1—3. — В. А. Kratchkovskaya. Ornamental naskhi inscriptions. SPA, т. II, стр. 1774, рис. 626. — Борис Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927, табл. 4—5.

⁴ S. Flury. Ghazni, табл. XXI, 17. — Ср. выше, стр. 18, прим. 4.

⁵ Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 26—27.

непрерывный бордюр у верхнего края (рис. 26: деталь фриза южного мавзолея). Фон обоих куфических фризов отделен от надписей контурной линией в виде рельефного шнура, но в отличие от контура в саманидской керамике здесь контурная линия прилегает к самим буквам; остающееся пространство фона заполнено стилизованными побегам или мелкими геометрическими узорами. Отметим попутно формулу 'Ал-муак ли-Лла' в конце надписей.

Третий вариант куфи того же стиля, как на северном мавзолее, украшает верхние барабаны виедренных колонок портала южного мавзолея. Стволы букв и ложные стволы сплетаются под углом в 45° , образуют над буквами последовательно ряд крестов и восьмиконечных звезд; у верхнего края надписи концы буквенных стволов расходятся под прямым углом; в общем, композиция фона имеет ковровый характер и состоит из звезд и крестов. Реминисценция коврового мотива имеется на одной плитке обрамляющего фриза слева от колодки.¹

Рис. 24. Уггенд, мавзолей 547/1152 г. Деталь надписи арки.

Рис. 25. Уггенд, южный мавзолей. Деталь фриза насхй.

Итак, на уггендских мавзолеех XII в. представлены надписи двух стилей; в Газне минарет первой половины XII в., при султани Мас'уде III (492—

¹ Фот. отдел ИИМК, фото А. Ю. Якубовского, № 0—122, 6 и др.

508/1099—1114 гг.) был украшен тремя разновидностями арабского письма.¹ Кроме ритмически скомпонованной надписи куфи очень крупного масштаба по верху минарета (в его сохранившейся части) и обрамлений наском очень плохой сохранности в средней зоне башни, в квадратном поле на входящем углу второго пояса облицовки, считая снизу, изображено имя 'Мас'уд'. Имя выполнено особым „квадратным“ стилем куфи, из кирпичей, уложенных ложком с напуском, и с поворотами в очертаниях букв только под прямым углом тогда как фон заполнен вертикально поставленными кирпичами. Чтение имени Мас'уда теперь проверено на лучшем снимке, сравнительно с 1931 г.² К сожалению, надписи этого рода в Средней Азии в начале XIII в. пока не установлены, но, вероятно, некогда были, судя по богатству узоров из кирпича в облицовках среднеазиатских построек. Флюри и Херцфельд (E. Herzfeld) предполагали

Рис. 26. Узгенд, деталь фриза южного мавзолея 581/1186 г.

зависимость „квадратного“ куфи от письма на китайских печатях. Ошибочное мнение Херцфельда, что квадратное письмо не могло появиться ранее нашествия монголов,³ опровергается надписью на минарете в Газне.

В монументальных сооружениях XIII и XIV вв. для надписей большого масштаба удержался куфи с непрерывным бордюром, дающий самые широкие возможности для каллиграфа-художника. Небольшой отрезок бордюра на портале мечети в Мешхед-и Мисриан (Месториан) с именем Хорезм шаха Мухаммада сына Такаша (596—617/1200—1220 гг.) опубликован А. А. Семеновым⁴ (рис. 27). Хотя в Средней Азии куфи не совсем утратил ведущее место, все же насху в XIII в. давали предпочтение. Это соотношение почерков засвидетельствовано весьма интересным предметом художественного ремесла начала XIII в. На крышке бронзового каламдана с инкрустацией сохранилась пространная

¹ S. Flury. Ghazni, табл. XIV, рис. 6—7, стр. 75—78.

² V. Kratchkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Vêramine. Revue des études islamiques, cahier 1, Paris, année 1931, стр. 42. — S. Flury. Ghazni, табл. XIV, рис. 7, стр. 75—78. — S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on Pottery. SPA, т. II, стр. 1748, прим. 1. — SPA, т. IV, табл. 356.

³ E. Herzfeld. Die Gumbadh-i Alawiyyan und die Baukunst der Ikhbani in Iran. A Volume of oriental Studies presented to E. G. Browne, Cambridge, 1929, стр. 192.

⁴ А. А. Семенов. ПТКАА, год XI, Ташкент, 1907, стр. 26—27, протокол № 2. — Ср.: V. A. Kratchkovskaia, ук. соч., стр. 25—26.

титулатура и имя вазіра Хорезм шаха Мухаммада, Маджд ал-Мулка, который погиб в Мерве при разгроме его монголами. По низу предмета идут пожелания владельцу, украшенные антропоморфными и зооморфными деталями. Почерк обеих надписей — насхи, но фигурные украшения явно подражают декорровке куфических букв. На задней стенке крышки расположена третья надпись; имя мастера в ней и дата 607/1210 г. исполнены почерком куфи, с оригинальными окончаниями букв йā и сйн в виде утиных головок; оба отрезка куфической надписи разделены „узлом счастья“, вариант узла помещен на донышке каламдана (табл. V, а).¹ Владелец каламдана, Маджд ал-Мулк, был основателем крупной библиотеки в Мерве, в которой работал знаменитый арабский ученый Йāкūt.²

عماد علی بن ابراهیم بن محمد

Рис. 27. Надпись портала мечети Месториан, 1200—1220 гг. Деталь.

Последняя историческая надпись куфи из кирпича украшает нижний эпиграфический пояс на минарете Кутлуг Тимūra в Ургенче (табл. V, б); русский перевод ее опубликован А. Ю. Якубовским.³ Нижняя половина пояса занята текстом из букв с растительными побегам; верхняя половина пояса представляет сложный узор из продолжений буквенных стволов и ажурной ленты с повторяющимися ромбами. Открытие этой в высшей степени декоративной надписи позволило доказать в 1931 г., вопреки существовавшей теории о совершенном исчезновении монументального куфи из текстов исторического содержания в самом начале XIII в., что куфи мог появиться в прекрасной стилистической обработке еще в сороковых годах XIV в.⁴ В следующем эпиграфическом поясе минарета в Ургенче на большой высоте изображен „Тронный стих“ из 2-й суры Корана.

Портал в Месториан и минарет в Ургенче по своим надписям, несомненно, уникальны. Монументальный куфи в Средней Азии достиг апогея, и многие памятники XIV в. свидетельствуют о доминирующей роли скорописи. Перечислять их излишне; важно показать в немногих примерах, какое место в них отведено надписям куфи и реминисценциям предшествующих образцов.

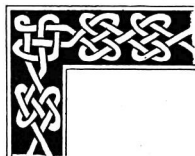

Рис. 28. Мавзолей Наджм ад-дин Кубра. Бордюр изразца.

¹ E. Herzfeld. A bronze pen-case. *Ars Islamica*, т. III, ч. 1, рис. 1—9, стр. 35—43.

² W. Heffening. *Kitabhana*, EI, т. II, стр. 1125.—W. Barthold, *Turkestan*, стр. 34.

³ А. Ю. Якубовский. Раввалины Куя Ургенча, стр. 33 и сл., рис. на стр. 32, 33, 35, 37.

⁴ V. Kratchkovskaja, *Notices ...*, стр. 42.

Над входом в мавзолей Наджм ад-дин Кубра в Ургенче обрамляющая надпись насхом прервана при повороте на верхних углах подобием куфических букв с сердцевидными плетениями. В окаймлении тимпана повторяются ходовые религиозные формулы, изображенные почерком куфи (табл. VI). Бордюр расписного изразца, которым завершено обрамление входа в мавзолей, состоит только из сердцевидных узлов в виде непрерывного орнамента (рис. 28); зачатки этой композиции намечаются в раджанском алфавите (ср. рис. 20). Стереотипная формула 'Ал-мулк ли-Лла' повторяется на угловых колонках надгробия.¹

Мазар Мухаммада Башара в селении Мазар-и Шариф упомянут впервые М. Е. Массоном² и исследован в 1947 г. Согдийско-таджикской экспедицией

Рис. 29. Панно мавзолея Мухаммада Башара 743/1342—1343 г.

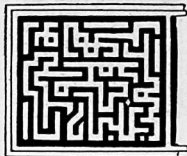

Рис. 30. Шах-и Зинда. Панно мавзолея Кутлуг Ага.

с участием сотрудников Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственного Эрмитажа под руководством А. Ю. Якубовского.³ На портале в прекрасную надпись насхом с датой 743/1342—1343 г. вставлены украшения, ранее употреблявшиеся только для декорации надписей куфи. Над михрабом находится прямоугольное панно с изречением:

الدنيا دار الفتن

'Здесьняя жизнь — дом испытаний'.

Здесь почерк куфи хорошего рисунка, надпись построена почти симметрично, с плетениями и коленчатым алифом (рис. 29; ср. роспись киевской чаши); под панно, над замком арки, помещен плетеный мотив.

В некрополе Шах-и Зинда (Самарканд) куфи широко использован в качестве декоративного элемента. Встречаются панно с «лабиринтом» из квадратных письмен (рис. 30), в данном случае с именами четырех халифов по пери-

¹ А. Ю. Якубовский. Развалины Куяя Ургенча, рис. на стр. 62—64.—Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 92—93.

² М. Е. Массон. Старый Сайрам. Ташкент, 1928, стр. 30, прим. 1.

³ Пользуюсь случаем поблагодарить А. Ю. Якубовского за предоставление фотографии из последней экспедиции, а также за несколько фотоснимков прежних экспедиций.

метру и именем Мухаммада в центре панно; фризы и переплетающиеся ленты с надписями такого же стиля, квадратные письмена, расположенные симметрично, вроде чисто геометрического орнамента, перемежаются и сливаются с арабесками, геометрическими узорами и скорописными надписями. Для одиночной формулы 'Ал-мулк ли-Лла' постоянно изобретаются новые детали и варианты стилистической обработки. При всем подобии прототипам XI в. стиль этих надписей к XV в. сильно видоизменился: буквы грациозны, но тонки, лишены прежней силы и выразительности; там и сям включены очень архаичные элементы куфи, но линия строки постоянно ломается (рис. 31, а—в).

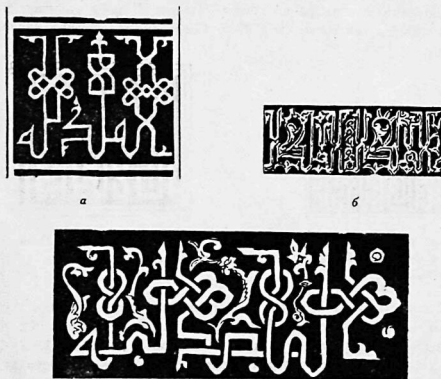

Рис. 31.

а — мавволей Кутлуг Ага. „Ал-мулк ли-Лла“; б — мавволей Амйр заде. „Ал-мулк ли-Лла“. Шйх-и Зинде; в — мавволей Туркйн Ага. „Ал-мулк ли-Лла“.

В грациозных постройках Тимўра и Тимўридов куфические надписи не исторического содержания занимают в декоративном убранстве самое видное место. На фоне кирпичной облицовки ярко выделяются имена: Мухаммад, 'Алй, Аллāх и т. п., вписанные квадратным письмом из поливных кирпичей в виде квадратов; или короткие формулы из двух слов заполняют прямоугольники; примеры многочисленны на памятниках Самарканда и других пунктов Средней Азии.¹ Особенно красивые квадратные письмена сложного

¹ М. Е. Массон. Мавволей Гур Эмир, Ташкент, 1926. — А. Ю. Якубовский, Самарканд при Тимуре и Тимуродах. Л., 1933. — Н. Б. Баканов. Герих. Советская археология, т. IX. М.—Л., 1948, рис. 8.

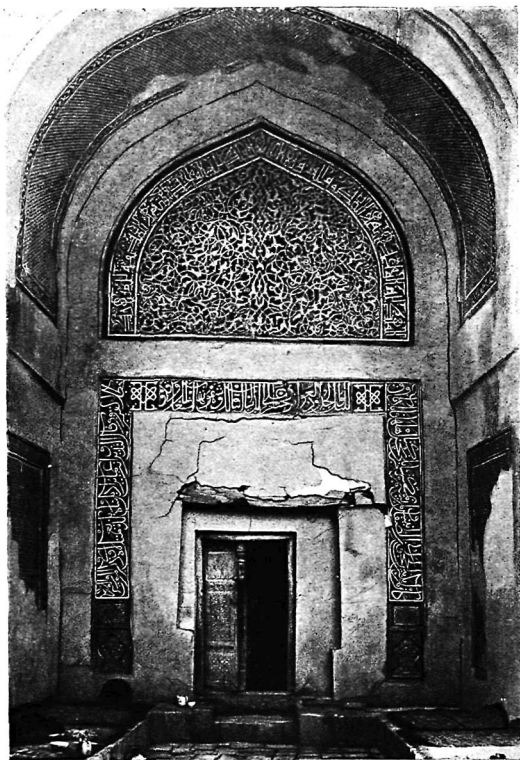

Табл. VI. Ургѣнч. Портал мавзолея Наджм ад-дин Кубра.

рисунка в уступчатых, из-за специфики кладки, контурах; они покрывают башни Ақ Саря (Шахрисляб), минареты мечети Бибі Ханым 1399—1403 г., медресе Улуг-бека, или вьются лентами на минарете около мавзолея Гур-и Эмир.¹

Внутри мавзолея Гур-и Эмир великолепны, например, полихромные мозаичные розетки из куфических надписей,² панно с плетеным куфи, в котором белая надпись на синем фоне урзновешена наверху золотыми буквами насхи.³ Но чаще куфи и насхи меняются местами: главная надпись эпиграфического пояса внизу выпсана крупно насхом, второстепенная куфическая надпись меньшего масштаба вверху пересекает ее по горизонтали.⁴ Под куфи стилизованы колоссальные по размерам надписи на барабанах купольных зданий и на пиштаках с типичными для насхи наклонными лигатурами.⁵

Рис. 32. Деталь надписи бронзового котла Тимюра. „Ал-мулк ли-Лла“.

а

б

Рис. 33.

а — б — два фрагмента поливной керамики. „Ал-мулк“.

В прикладном искусстве времени Тимюра и Тимүридов декоративный куфи не был исключен. На огромном бронзовом котле из мечети Хаджа Ахмада Ясави в нижнем поясе двадцать два раза повторяется формула ‘Ал-мулк ли-Лла’; замечательно, что алиф заменен U-образной фигурой, которая знакома по мавзолею Мухаммада Ханашья;⁶ аналогичная фигура вставлена над буквой кâф и усложненная петлей — над лигатурой ‘ли-Лла’ (рис. 32). На поливной

¹ М. Е. Массон. Соборная мечеть Тимура..., Ташкент, 1926. — Мечети Самарканда, вып. 1, Гур-Эмир. Изд. Археологической комиссии, С.-Петербург, 1905, табл. VI; издание цитируется сокращенно: „Гур-и Эмир“.

² SPA, т. V, табл. 543.

³ SPA, т. V, табл. 542.

⁴ Гур-и Эмир, табл. II, VIII, XI.I—XV. Многочисленные образцы эпиграфической орнаментации времени Тимюра и Тимүридов имеются в цит. выше, книге: Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, особенно в гл. 5.

⁵ А. Ю. Якубовский. Самарканд, рис. 3: барабан мавзолея в группе Шах-и Зинда, слева. — Гур-и Эмир, табл. VI—VII.

⁶ См. выше, стр. 19, рис. 27.

керамике эта формула повторялась, видимо, не реже, чем 'Ал-юми' или 'Барака' на саманидской керамике, но с худшими графическими качествами (рис. 33).

Орнамент куфического стиля был весьма распространен в тимуридском искусстве. Имитация букв алиф и лām и их скрещения встречаются на мону-

Рис. 34.

а — в — ванграфические орнаменты мавзолея Шāх-и Зинда.

ментальных сооружений (рис. 34, а—в; табл. V, в), например, на облицовке портала мавзолея № 3 в некрополе Шāх-и Зинда; она уже отмечалась на мавзолее Наджм ад-дин Кубра.¹

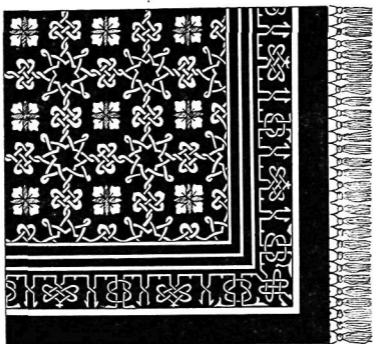

Рис. 35. Мотивы ковра по миниатюре начала XVI в.

Подобные композиции использовали на бордюрах ковров, оригиналы которых не сохранились, но на миниатюрах гератской школы, созданных художниками

¹ См. выше, стр. 23, табл. VI.

времени Тимүридов, „узлы счастья“ являются одним из существенных узоров главного поля ковров и даже единственным повторяющимся мотивом.¹ Возможно, что часть этих ковров была выткана в среднеазиатских центрах производства. Это предположение особенно напрашивается, когда ковровые мотивы мы видим на миниатюре с изображением личности, которая узами родства и своей карьерой (хотя и мимолетно) была связана с Самаркандом, подобно султану 'Али Мирза Барлāсу, потомку Мйрāншāха (рис. 35).²

В заключение можно признать, что с той поры, когда мастерам и каллиграфам Средней Азии стал известен куфический почерк, они верно оценили его богатые графические возможности и неустанно обогащали им сокровищницу среднеазиатского и мирового искусства.

¹ См.: SPA, т. V, табл. 870 и 874, 833/1429 г.; табл. 875, 844/1440 г.; табл. 880, 874/1469 г.; табл. 882, 901/1496 г.

² Рукопись Нйрāмй, Брит. Музея (Or. 6810), изд.: F. R. Martin and Sir Thomas Arnold, Vienna, 1926, стр. 4 и миниатюры 1, 2, 9, 10, 12.

М. Е. МАССОН

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ „ГУМБЕЗА МАНАСА“

(По данным анализа надписей на памятнике)

Так называемый „Гумбес Манаса“ расположен в 12 км восточнее города Таласа на правом берегу одноименной реки, близ впадения в нее Кенкола. Находясь в стороне от больших транзитных дорог, этот архитектурный памятник, один из интереснейших на территории Киргизской ССР, долгое время оставался вне поля зрения специалистов. Первые сведения о нем с неверным указанием местонахождения попали в научную литературу в 1897 г. после опубликования результатов историко-археологической маршрутной экспедиции В. В. Бартольда и С. М. Дудина в 1893/94 г. от Ташкента через все Семиречье.¹ Несколько лет спустя В. В. Бартольд, получив в свое распоряжение список надписи „на дверях куполообразного здания Манас-гумбес“, писал в 1899 г., что текст ее читается с трудом, что принадлежит он усыпальнице некоей Керик или Кезик-хатун, дочери какого-то эмира, и что от даты сохранилось лишь слово „четыре“, поэтому времени постройки мавзолея определить нельзя.²

Осматривавший его в 1923 г. П. П. Иванов, отметив исчезновение плиток с указанием года, от датировки памятника воздержался, ограничившись признанием, что он относится к сооружениям „во всяком случае не позже XV века“.³ Через два года мне совместно с К. И. Массон удалось побывать в долине Таласа, осмотреть мнимый мавзолей Манаса, произвести первые его обмеры, составить план, прочитать имя покойницы как Клявизяк-хатун и указать наличие в дате ее смерти месяца рамадан. По характеру декораций неглазурованными резными плитками я ошибочно признал памятник относящимся к концу домонгольского периода (конец XII — начало XIII в.).⁴ В том же 1927 г. появилась

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг., ЗАН, VIII серия, по Ист.-фил. отд., т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 19.

² Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 III 1899 г., ЗВО, т. XII, вып. 1, СПб., 1899, стр. V.

³ П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сборник статей „Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности“, АН СССР, Л., 1934, стр. 246—248.

⁴ М. Е. Массон. Рецензия на статью Б. Н. Засыпкина „Архитектурные памятники Средней Азии“. Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 237, прим. 1.

первая небольшая публикация, специально посвященная этому мавзолею Б. П. Денике, где автор на основании сведений, полученных от П. П. Иванова и М. Е. Массона, а также в результате рассмотрения фотографических снимков этого здания, датировал его концом XII столетия. После этого „Гумбез Манаса“ фигурировал в краеведческой литературе как памятник то XII, то XIV—XV вв.

В 1938 г. экспедиция А. Н. Бернштама произвела археологическое вскрытие внутри памятника, а надписи на нем были подвергнуты изучению членом экспедиции А. М. Беленицким, усмотревшим в ней имя амира Абӯка. Последний был сочтен за одного из амйров Тимӯра, в связи с чем А. Н. Бернштам несколько позднее находил возможным более уточненно датировать мавзолей концом XIV—началом XV в., поскольку так определяется эпоха правления Тимӯра.¹

Между тем, значительно возросший в тридцатых и сороковых годах уровень научного знания в области истории среднеазиатской архитектуры не позволял уже разделять высказанных определений времени появления „Гумбеза Манаса“. Окончательное выяснение этого явилось одной из главных задач при проводившемся в 1945 г. всестороннем изучении данного памятника мной и архитектором Г. А. Пугаченковой по предложению Управления по делам архитектуры Киргизской ССР. В результате исследовательской работы обоими авторами была написана специальная монография и был детально проработан вопрос, когда и для чего было сооружено здание „Гумбез Манаса“; ответ на вопрос, за отсутствием сведений об этом в письменных исторических источниках, должен был дать сам памятник и прежде всего находящиеся на нем надписи.

Резные терракотовые декорации его портала содержат две надписи. Одна выполнена кувфическим почерком с витиеватыми венчаниями линий высоких букв, причем, будучи по ошибке нанесена из-за неверно наложенного трафарета слева направо, не была распознана при исследовании 1938 г. Она содержит повторение одного и того же слова „ал-мулк“ (الملك), т. е. „власть“, под которым подразумевается благочестивое восклицание: „власть принадлежит Аллаху“ (рис. 1).

Вторая надпись — та, которая частично была разобрана в свое время В. В. Бартольдом и мной. Предложенная в 1938 г. А. М. Беленицким полная ее расшифровка была приведена в популярной брошюре о мазаре Манаса, изданной во Фрунзе² в 1945 г., а в несколько иной редакции текст и перевод ее были любезно предоставлены в мое распоряжение в начале 1946 г. самим автором.

Рис. 1. Плитка с надписью „власть“ с мавзолея „Гумбез Манаса“.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 109 и сл. — Он же. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, стр. 18.

² А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1946, стр. 7.

В результате наших работ 1945 г. в транскрипцию и перевод последнего, а равно и в истолкование представляется возможным внести некоторые изменения.

Надпись начинается внизу восточного пилона, затем, изламываясь под прямым углом, обрамляет тимпаны входной арки, после чего сбегает вертикально вниз по западному пилоу. Начало и конец ее утрачены. В 1936 г. памятник лишился еще трех верхних плит надписи, чтение каковых восстанавливается по старым фотографиям. В сохранившихся до 1936 г. частях надписи значится (рис. 2, а—в):

[هذا روضه] عليه الصالحه المستوره المخدّره نتيجه السعادات فاتحه الخيرات رابعه الزمان مفخره النساء كنيته خاتون بنت الامير الاجل المحترم المكرم منبع الجود و الكرم ناصر الصيف والقلم¹ امير ابوكا وسقا الله سقاها وجعل الجنه مشاوعها وكان ذلك في غرة من شهر رمضان وهو سنه الله المبارک سنه اربع....

[Эта усыпальница вы]сокая добродетельной, целомудренной, честной, зародыша благополучий, начала добрых дел, Раби'и эпохи,² славы женского пола, Кяниязк хатун, дочери амира превосходного, почитаемого, уважаемого, источника щедрости и благородства, защитника меча и пера,³ амира Абүка⁴, — и да напоит Аллах могилу их обоих и да сделает рай их жилищем! И было то в первый день луны месяца рамадана, а он — тайна аллахова благословения — года четвертого...⁵

Утрата плиток с проставленными некогда на них словами, указывавшими цифры сотен и десятков года, когда последовала смерть Кяниязк хатун, лишает теперь возможности установить абсолютно точно эту дату, которая в известной мере определяет и время возникновения памятника, отстроенного, несомненно, вскоре вслед за упомянутым событием. Решение этого вопроса наталкивается

¹ Так! См. по поводу данного титула ниже, стр. 38, примечание от редакции.

² Как любезно сообщил Т. Миргиязов, помогший мне уяснить смысл этого эпитета, Раби'а — это имя, ставшее на мусульманском Востоке синонимом женщинам исключительной доброты и милосердия. Согласно широко распространенному апокрифу, некая Раби'а, бывшая одно время женщиной легкого поведения, после искреннего раскаяния для замалывания своих грехов решила совершить хадж в Мекку. По дороге в пустыне она встретила заблудившуюся и погивавшую от жажды собаку и из жалости к несчастному животному наполнила ее, уделав ей свой скудный запас воды. Последствием этого поступка было полное прощение ее Аллахом, и знамением этого послужило то, что уже не Раби'а [продолжала путь для зпарата далекой Ка'бы, но сама Ка'ба чудесным образом предстала перед ней. Таким образом, Кяниязк рекомендуется как новоявленная Раби'а своей эпохи.

³ См. ниже, стр. 33, прим. 2 от редакции.

⁴ Об ошибочности начертания имени „Абукаа“ вместо правильного „Абүка“ см. ниже. Вообще, в надписи имеется ряд неправильностей, которые следует, повидимому, отнести за счет каллиграфа — машшака, а не резчика, неплохо справившегося с своей частью работы. Недочеты начертания или транскрипции отмечаются с самого начала. Так, при эпитете „добродетельная“ в арабском члене „алиф“ слит с „ламом“.

⁵ Ср. перевод А. М. Беленицкого в статье: Иа мусульманской эпитафии в Таласской долине. Надпись мавзолея Манас-Гумбез. Эпитафия Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 17.

на ряд трудностей, поскольку приведенные в надписи имена лиц даны без уточненной генеалогии и, таким образом, возможное отождествление их с известными по письменным источникам историческими персонажами также является подлежащей выяснению загадкой.

Установление эпохи появления памятника помогает уточнить прежде всего эпиграфический анализ самой надписи, выполненной не очень опытным каллиграфом своеобразным почерком дивани, не имеющим в Средней Азии полной аналогии. Шрифт, употребленный на „Гумбезе Манаса“, абсолютно не похож на надпись мавзолея Сырлытам, расположенного в Кызыл-кумах в 70 км от Кызыл-орды и относящегося к самому концу XIII столетия, и на почерк люстрового михраба Эрмитажа с датой 1305 г.¹ Больше всего сходных признаков он имеет со шрифтом исторической надписи на портале Куны-ургенчского мавзолея монгольской эпохи над могилой Наджм ад-дина Кубра, отстроенного в правление Кутлуг Тимюра (1321—1333 гг. н. э.). Это прежде всего: тенденция размещать слова под некоторым углом сверху вниз; почти исключительно вертикальное и параллельное расположение створов высоких букв (алифа, лāма и кāфа); лāм-алиф с вертикальным алифом и резко направленным после сплюсненной петли лāмом далеко направо вверх, но не до высоты алифа; как бы треугольное навершие высоких букв; очень растянутое вправо с мягким изгибом венчание кāфа, имеющего вертикальный ствол; начертание хā (ح) с малой круглой нижней петлей, лежащей несколько правее второй, верхней, более плоской, вытянутой вверх, с заостренным поворотом самой петли. К резким различиям относится отсутствие в надписи „Гумбеза Манаса“ поворота конечного йā (ي) направо, как это имеет место на мавзолее Наджм ад-дина Кубра. Надо учитывать при этом, что разницу в начертании их следует относить также за счет различной техники исполнения надписей, которые в одном случае даны с глубокой резьбой по терракотовым плитам, а в другом — плоской майоликовой росписью. Поворот направо — назад конечного йā типичен для всех надписей на более поздних местных архитектурных памятниках XIV столетия.

Характерно, что все надписи, выполненные резьбой по терракоте не куфическими почерками, на среднеазиатских памятниках домонгольского периода совершенно лишены точек, в то время как на „Гумбезе Манаса“ таковые уже имеются, правда лишь в шести случаях при начертании пяти слов, а именно: дважды под бā (ب) и по одному разу над тā (ت), хā (ح), зā (ز) и фā (ف). Вместе с тем, в майоликовой надписи мавзолея Наджм ад-дина Кубра подстрочных и надстрочных знаков очень много, а рельефные изразцовые надписи всех более поздних памятников XIV в., начиная с мавзолея Мухаммада Башāра в верховьях Зерафшана 743 (1342—1343 г. н. э.), их не имеют. Они появляются в изобилии с самого конца XIV в. на тимуридских памятниках в мозаичных надписях почерком сьюльс.

¹ В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран“, I, Л., 1926 (1927), стр. 73 и сл.

Плоскорельефные майоликовые и резные изразцовые надписи среднеазиатских архитектурных памятников XIV столетия, начиная с мечети 1334—1335 г. у мавзолея Куṣама, мавзолеев Муḥаммада Башара, Буянкули хана (1358 г.) и кончая усыпальницами 1360, 1371 и 1375 гг. из ансамбля Шах-и Зинда, написаны почерком насхи, совершенно не имеют тенденции наклонного размещения слов сверху вниз и отличаются от почерка „Гумбеза Манаса“, между прочим, иными венчаниями ствалов высоких букв и соединениями лам-алифа. При этом большее сходство с нашим памятником отмечается у мечети при мазаре Куṣама и мавзолея Муḥаммада Башара, т. е. у наиболее ранних из них, причем надписи их даны более компактно. У всех же памятников второй половины XIV столетия, начиная с бухарского мавзолея Буянгули хана, овалы букв групп айн (ع, غ), фа-қаф (ق, ف) и вав (و) очень укрупнены, ха (ح) замещается обычно угловым начертанием и совершенно ины венчания ствалов высоких букв.

Специфику надписи „Гумбеза Манаса“ составляют, между прочим, слитые начертания вообще несоединяемых букв, особенно ра (ر) с конечным ха (ح) в четырех случаях и вав (و) с конечным даль (د).

Не вдаваясь в большую детализацию и подводя итог приведенным наблюдениям, нельзя не констатировать, что с точки зрения эпиграфической „Гумбез Манаса“ совершенно не похож на памятники второй половины XIV в. и более позднего тимуридского времени, резко отличается от таковых же конца XIII — начала XIV в. и может быть сближен с сохранившимися зданиями 20—30-х годов XIV столетия.

Показателем эпохи служит отчасти самое назначение „Гумбеза Манаса“ — быть погребальным сооружением над могилой титулованной женщины. Для домонгольского периода в Средней Азии женские мусульманские надгробия типичны. В свое время В. Л. Вяткин даже утверждал, будто среди надгробных галек нет кайраков с женскими именами.¹ В действительности они имеются, причем текст эпитафии не всегда называет самое имя покойницы, ограничиваясь сообщением ее положения в отношении какого-либо мужчины: например что она жена такого-то лица. Встречаются именные женские кайраки с указанием, что усопшая была матерью такого-то амира, дочерью такого-то отца, а в одном случае дочерью такой-то, очевидно, весьма популярной в свое время матери. Далеко не все женские кайраки точно датируются. Наиболее ранним из них пока, по видимому, надо считать хранящийся в археологической коллекции бывшего Главного среднеазиатского музея и содержащий дату 596/1199—1200 г. Кроме этого единственного известного в настоящее время домонгольского женского датированного кайрака, женские надгробные гальки с проставленными годами выявлены только для XIV столетия и, что характерно, лишь в Фергане и в более северных областях Туркестана. Так, в 1927 г. нами был обнаружен в Узгенде женский кайрак с датой 5 джумада II 775/22 ноября 1373 г.,

¹ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Известия Среднеазиатского музея, вып. III. Ташкент, 1928, стр. 278.

Рис. 2.

- а — "Домба Манса", Начало главной надписи на портале.
- б — "Домба Манса", Середина главной надписи на портале.
- в — "Домба Манса", Конец главной надписи на портале.

а в только что упомянутом музейном собрании находится еще кайрак Тāдж хātūн, дочери Ҷадра мавлāнā Бурхāн ад-дīна, умершей 14 рабīʿ II 778/16 апреля 1386 г.¹

Что касается женских мавзолеев, то таких для домонгольского периода в Средней Азии совершенно не выявлено. Наиболее ранние из известных и могущие быть сближенными с „Гумбезом Манаса“ существуют в северных районах Туркестана, а именно: упоминавшаяся усыпальница Сырлытам конца XIII в. и мавзолей Бабаджи хātūн (находившейся в каких-то отношениях с амīром Мухаммадом), расположенный в селении Головачевском близ города Джамбула. Стоящий рядом с последним памятник народная молва упорно связывает также с некоей женщиной 'Ā'иша-бībī. Число более поздних мавзолеев, приходящихся на время Тīmūра и Тимуридов, довольно значительно. Все это очень отчетливо подчеркивает общественное положение женщины у среднеазиатских монгол, унаследованное позднее Тимуридами вместе со многими другими традициями кочевого быта.

Уточняющим датировку „Гумбеза Манаса“ может служить также анализ титулатуры или вернее набора почетных прозвищ упомянутых в надписи лиц, учитывая, что сочетание таких прозвищ в эпитафиях более или менее стандартно для каждой отдельной исторической эпохи. В этом отношении большой интерес представляет оставшаяся до сих пор никем не прочитанной полностью надпись кызыл-кумского мавзолея Сырлытам (что значит „Полированная усыпальница“). Изготовленный с него в 1900 г. по поручению В. А. Каллаура Тюлекбергенем Джилькибаевым схематический рисунок главного фасада был опубликован в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, причем Н. П. Остроумов в надписи усмотрел дату 678/1279 г.² Начало и конец надписи, проходящей в виде обрамления входной ниши по всему portalу, как и у „Гумбеза Манаса“, в значительной мере утрачены. В сохранившейся части текста нами читается следующее:

‘... жизнь неопытная скрылась с благостью в начале Ҷафара года 698. И дух отдала ради отбытия из вместилища тленности в обитель вечности целомудренная сила, честная, начало добрых дел, зародыш благополучий Кизл хātūн, дочь...’ (рис. 3).

В отдельной филёнке щипцовой стены ниши, над дверью, указано имя мастера: عمل جمال خيانت ‘Работа Джамāля Хайāта.’

Ҷафар 698 г. х. начался 8 ноября 1298 г. н. э., и, таким образом, в надписи мавзолея самого конца XIII столетия мы имеем буквальное совпадение пяти слов почетных прозвищ с таковыми же в эпитафии Кянйзак хātūн.

¹ Образцы женских кайраков из Джеттысу см.: Н. Пантусов. Кладбище на реке Кунгей Аку близ селения Сазановки. ПТКЛА, год II, Ташкент, 1906, стр. 9, 12, 15, 16, 19, 20.

² В. А. Каллаур. Развалины Сырлытам в Перовском уезде. ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 14—17. Определение Н. П. Остроумова помещено в примечании на стр. 17. В рисунке допущена явная перестановка некоторых слов верхней части надписи.

В качестве сравнительного материала по мужским почетным прозвищам очень интересен текст надгробной плиты сипāхсālāра Улуг Бильгā Икбал

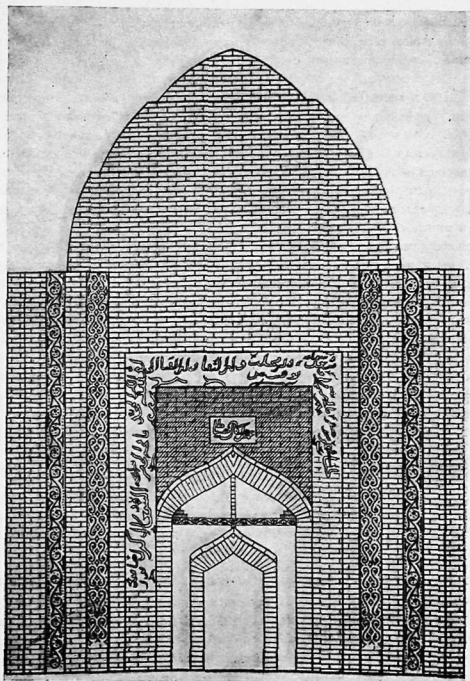

Рис. 3. Мавзолей Сырлытам.

хāна Давūd бека, скончавшегося 7 рабī' II 660/31 марта 1262 г. и похороненного на кладбище города Тарāза (ныне Джамбул) близ мавзолея Қарахāна.

В исключительно пышной титулатуре этого тюркского военачальника монгольской эпохи, заключающей в себе свыше пятидесяти слов, с почетными эпитетами отца Кяйняк совпадает лишь характеристика его как „источника щедрости и благородства“, причем в джамбульском памятнике для первого понятия употреблен термин „ма‘ден“ (معادن). т. е. собственно „месторождение“, „рудник“, а не „источник“, „начало“ или „фонтан“, как на „Гумбезе Манаса“.¹

Отчасти также могут быть сближены выражения „владелец меча и пера“ и „покровитель ученых“ (مولى العلماء — у В. В. Бартольда — „дающего пропитание ученым“) с эпитетами амира Аб̄ука — „защитник блеска и пера“.²

Значительно больше совпадений с мужской титулатурой надписи „Гумбеза Манаса“ отмечается в эпитафии еще не опубликованного валуна из собрания Фрунзенского музея истории и истории культуры Киргизии, принадлежащей также монгольской эпохе, но относящейся уже к началу XIV столетия. Впервые я обратил внимание на этот кайрак в 1927 г. при своей работе во Фрунзенском музее в качестве инструктора Средазкомстариса по музейной секции, когда мной было дано определение памятника и списана большая часть основного текста эпитафии. При осмотре этого памятника в 1945 г. для уточнения транскрипции выяснилось, что часть текста за истекшие годы сильно сбита какими-то ударами, и восстановление его более или менее полностью оказалось возможным только благодаря сделанному двадцать один год назад списку. В эпитафии значит (рис. 4):

- [1] Прибегаю к помощи Аллаха от дьявола, побивенного камнями.
- [2] Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!
- [3] Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха!

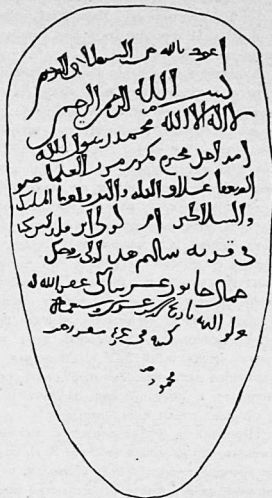

Рис. 4. Кайрак амира Люли 726 г. х.

¹ Перевод джамбульской намогильной плиты 1262 г. сделан был В. В. Бартольдом по копии надписи, присланной В. А. Каллауром. См.: Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 марта 1899 г. ЗВО, т. XII, вып. 1, стр. V.

² Ср. выше, стр. 30, прим. 1 и 3.

[4] Амӣр превосходный, почитаемый, уважаемый, покровитель ученых, свет
слабых, преизобилие душевного беспокойства и набожности, ... госу-

[5] дарей

[6] и султāнов, амӣр Лӯли, сын [мясно]...

[7] В близком свойстве благополучном этому Лӯли женка

[8] Джамāль хātун, несчастная созидательница. Да простит Аллāх его

[9] и родителей его. Дата года семьсот двадцать шесть'.

В 10 и 11 строках остатки подписи мастера-резчика эпитафии: 'работа
Махмуда'.

Характерно, что число эпитетов амӣра Лӯли почти в пять раз меньше по сравнению с таковыми же Дāvūd бека. Даты их смерти отделены друг от друга промежутком времени примерно шести десятилетий. Вполне совпадает у обоих только прозвище „покровитель ученых“ и по смыслу сближаются эпитеты „свет слабых“ у амӣра Лӯли с „укрепляющий слабых“ у Дāvūd бека. Зато начальная титулатура у амира Лӯли — „амӣр превосходный, почитаемый, уважаемый“ — целиком, в том же самом месте и в той же самой последовательности повторена в наборе прозвищ отца Кяниязк хātун. Общим для них является также относительная количественная скромность титулатуры (в десять слов у одного и в четырнадцать у другого). Эпитафии амӣров эпохи Тимӯра, начиная со второй половины XIV в., совершенно не похожи по заключенной в них титулатуре на таковые же предшествующего периода. Таким образом, рассмотренные надписи „Гумбега Манаса“ со стороны заключенных в них наборов пышных мужских и женских прозвищ, также как и анализ эпиграфический, позволяют сопоставить этот мавзолей с надгробными памятниками первых десятилетий XIV в. Могущая же быть предложенной в силу уже сказанного датировка его серединой первой половины XIV столетия вполне совпадает с результатами разбора „Гумбега Манаса“ Г. А. Пугаченковой со стороны стили и конструкций.

Переходя к упоминаемым в надписи „Гумбега Манаса“ лицам, следует отметить, что предполагавшаяся В. В. Бартольдом расшифровка имени женщины, для которой строился этот мавзолей, как Керик или Кезик ('очередь', 'сутки') основана на недоучете особенностей принятого на памятнике стили начертания, при котором соединение букв группы бā и пā с конечными группы рā дается слитно, без особого выделения предшествующего знака. Подлинное ее имя „Кяниязк“ есть уменьшительное от персидского „кяниз“, что значит 'рабыня', 'служанка', но также — 'девица', 'девственница', откуда „кянизи“ — 'девственность' и 'служба в рабстве'. Совершенно очевидно, что в приложении к высокопоставленному лицу женского пола значение 'служанка', 'рабыня' отпадает.

Соответствующий имени Кяниязк эпитет „хātун“ является тюркским словом, [несомненно, одного корня с „хвaten“ ('женщина'), встречающимся еще в буддийских текстах, написанных по-согдийски. Термин „хātун“ в значении 'дама', 'госпожа из высшего общества', 'султанша' был распространен в Средней Азии еще в XII в., когда хātунями титуловались жены и дочери караки-тайского гӯрхана, хōрезмшāха и других династов. Он особенно широко приме-

ялся здесь при монголах, встречаясь в эпитафиях и в современных исторических источниках. Так, арабский путешественник Ибн Баттута, проехавший по Средней Азии в 30-х годах XIV столетия, иначе и не титулет монгольских принцесс, как „хатунями“.¹ При Тимуре и Тимуридах эпитет „хатун“ хотя и не утратил своего аристократического оттенка, но применялся уже реже, а ханши титуловались обычно как „ханум“.

Согласно одним современным народным представлениям, Кянйязк хатун есть искаженное в надписи имя Каныкей, дочери Қарахана и жены Манаса, жившей якобы пятьсот лет тому назад. По другому толкованию, так звали ту невесту Манаса, которую герой долгое время не брал в жены, поскольку она была дочерью не мусульманина. Это как будто переключается с буквальным значением имени Кянйязк хатун, которое вообще было скорее прозвищем, удивившимся за этой дочерью амира в связи с тем, что она так и осталась девственницей до самой смерти. В этом аспекте легко было бы допустить чтение вместо „ниса“ نسا 'женщина, женский пол' — „сана“ (سنا), буквально 'свет' и одновременно широко известное, ставшее почти нарицательным словом имя женщины, на которой женился пророк Мухаммад, но которая скончалась до установления супружеских отношений. Если бы это было так (что эпиграфически не находит решительного подкрепления), то в эпитафии до нас дошел бы намек на какую-то деталь из жизни Кянйязк хатун, чья биография исторически пока остается невыясненной.

По надписи на мавзолее она является дочерью амира, имя которого А. М. Беленицкий транскрибировал как „Абүкә“ с конечным ә. При таком начертании получается слово уйгурское со значением „дед“. Между тем, в нем после кәфа в надписи на „Гумбезе Манаса“ стоит алиф, а внизу расположен знак, который можно принять за нун, и, таким образом, имя формально следует как будто читать „Абүкән“. С другой стороны, за именем следует восклицание — „да напоит Аллах могилу их обоих!“, которое по строю фразы могло бы начинаться союзом „и“, а тогда в мнимом знаке нун надо видеть искаженное мастером изображение буквы вав.

А. Н. Бернштам неправильно именует отца Кянйязк хатун Букой,² каковое имя по-узбекски пишется с мягким к и алифом, что согласно Бабуру, значит 'сильный человек'; в джагатайском — это 'герой', 'боец'. Есть в джагатайском слово „Букан“ 'плотина'; как собственное мужское имя оно встречалось в Средней Азии у кочевников еще в XVIII в. Так звали, между прочим, атамана разбойников, по имени которого, якобы, получили свое современное название кызылкумские горы Бакантау. Имя же Абүкән не известно. Упомянутое в надписи имя „Абүкә“ может быть сближено с киргизским „Абыке“ в эпосе „Манас“, где так назван один из двух врагов киргизского народного героя, объявивших себя после его смерти ханами, принуждавших Каныкей

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, I. СПб., 1884, стр. 302 и др.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110. — Он же, Культура..., стр. 18.

сделаться по старому киргизскому обычаю женой одного из них и настаивавших на казни младенца Семетея.

Надпись на „Гумбезе Манаса“ очень мало сообщает об амīре Абӯк̄а, но, во всяком случае, она опровергает высказывавшееся А. Н. Бернштамом утверждение, будто именно он отстроил этот памятник в качестве усыпальницы для своей дочери.¹ Фразы „да напоит Аллах их (т. е. отца и дочери) могилу и да сделает рай их жилищем!“ заключают в себе обычные пожелания, которые высказываются лишь в отношении ушедших из жизни, и, следовательно, к моменту сооружения мавзолея, на котором проставлен год смерти Кяниязак х̄ат̄ун, амīра уже не было в живых. Датировка памятника серединой первой половины XIV столетия в известной мере определяет и период жизни амīра Абӯк̄а.

Самое появление „Гумбеза Манаса“ — показатель видного места, какое занимали в обществе своего времени Абӯк̄а и Кяниязак х̄ат̄ун, так как над могилой дочери рядового амīра не стали бы возводить роскошного архитектурного сооружения. Лаконичность эпитафии, в которой не указывается даже отец Абӯк̄и, не говоря о приведении более детальной генеалогии покойницы по восходящей мужской линии, свидетельствует, что имя ее отца было тогда достаточно популярным и не нуждалось в уточненной расшифровке его родственных отношений с достаточно, очевидно, хорошо известными предками. Абӯк̄а и Кяниязак х̄ат̄ун по своему происхождению, несомненно, джагатаидские аристократы и при этом, как явствует по упомянутым в надписи на мавзолее мусульманским религиозным формулам, из числа лиц, уже принявших ислам и даже более глубоко приобщившихся к оседлой городской культуре, поскольку отец объявляется „защитником блеска [подразумевается городской мусульманской культуры] и пера“ (т. е. литературных занятий).² Все это вместе взятое делает очень соблазнительной попытку отыскать среди джагатайских амīров, близких ханскому дому, подходящую личность.

Для самого конца XIII и начала XIV в. в числе младших сыновей знаменитого Дува (Дув̄а) действительно находится Абӯк̄а, который, повидимому, не играл большой самостоятельной роли в государстве, а возможно и умер относительно рано, так как почти не упоминается в описаниях событий политической жизни Средней Азии первой половины XIV столетия, когда на страницах истории фигурируют имена многих из его братьев, а затем детей.

Небезинтересно, что современное киргизское население долины Таласа считает, что Дув̄а х̄ан был дедом Манаса. Исторический Дув̄а или Тув̄а был очень популярной личностью в конце XIII в. Он являлся долгое время правой рукой х̄ана Хайду и много способствовал восстановлению порядка в разди-

¹ А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.

² *Примечание от редакции.* В тексте надписи, повидимому, резчик допустил ошибку в первой букве второго слова сложного титула: с̄ад вм. с̄ин; титул употреблялся для обозначения двух видов власти, объединяемых одним лицом, — военной и гражданской; наиболее употребительна была форма: 'с̄ах̄иб ас-сайф уа-л-калам' и другие варианты XIV—XV вв. См.: M. van Berchem. Corpus Inscriptionum Arabicarum. Mémoires publiés par les membres de la Mission française au Caire, Tome XIX, Première Partie, Égypte. Paris, №№ 54, 56, 233, 418; стр. 244, 368, 402.

равшемся междоусобиями Джагатайском улусе. По его распоряжению, в Фергане был отстроен город Андижāн. Вместе с хāном он вмешивался в распри Белой и Синей орды, бывшей фактически независимой ст золотоордынских джучидских хāнов. К тому времени центр этого так называемого улуса Орды уже переместился из северной части Семиречья, где он был в первой половине XIII в., к низовьям Сыр-дарьи. После смерти Хайду Дувā оставался главным столпом власти его сына Чапара, и ему же принадлежит инициатива в попытке восстановить единство монгольской империи в форме федерации, что сразу же встретило противодействие в государстве персидских Хулагидов. В 1305 г. н. э., во время столкновения джагатайских царевичей с Чапаром, военачальники Дувы, проводившие зиму в южной части Семиречья, выступили на стороне первых, оказавшихся в конце концов победителями и разграбивших в долине Таласа и „Золотую орду“ брата хāна и сына Хайду, Шāха. После смерти Дувы в 1306 г. джагатайские царевичи подвергли разгрому весь бывший эль Хайду, предав разграблению между прочим земли Таласа и Янги. Хāном был избран около Алмалыка сын Дувы, Кунджук, умерший в Юлдузе в 1308 г., после чего его престол захватил престарелый царевич Тāликū, который был мусульманином и вызывал своим покровительством исламу недовольство многих Джагатаидов.

Вскоре же на политической арене в видных ролях стали появляться другие сыновья Дувы, которых считали законными претендентами на ханский престол в Джагатайском улусе. Сперва это был Есенбукā, выдвинутый в хāны около 710 г. своим братом Кепеком после удачи в заговоре против жизни Тāликū. Хотя в правление Есенбукā войска хāна, нанеся ему ряд поражений, разбили его зимнюю резиденцию около Иссык-куля и летнюю ставку около Таласа, тем не менее ему удалось восстановить известный порядок в стране. Затем, примерно около 1318 г., его место занял сам Кеpek, не принявший ислама, но покровительствовавший мусульманам и перенесший свою резиденцию в долину Кашка-дарьи. Его правление ознаменовалось заботами о благополучии страны, причем преимущественное внимание уделялось землям Мāверāннахра и Афганистана. При нем имели место некоторые реформы, в частности денежного хозяйства.

В 1326 г. Кепека сменяли на престоле его поочередно правившие братья Ильчигидай, Дувā Тīmūr и в конце года Тармāшйрин. Последний, проведя удачные военные операции в Афганистане и совершив поход на Индию, своим постоянным пребыванием избрал опять-таки южные области Мāверāннахра и почти не ездил в Алмалык. Вначале он оставался язычником, но затем, все более порывая с кочевыми традициями, принял ислам, который провозгласил господствующей религией в государстве. Это вызвало открытый раскол в среде монгольских родов; некоторые из них оказались в открытой вражде с хāном. Судя по нумизматическим данным, при Тармāшйрине Таласом управлял в качестве соправителя его сын, Санджар. Поднятое против Тармāшйрина как нарушителя ясы возмущение заставило его бежать в Газну, но по дороге он был захвачен сыном Кепека, а затем убит под Самаркандом в 1334 г.

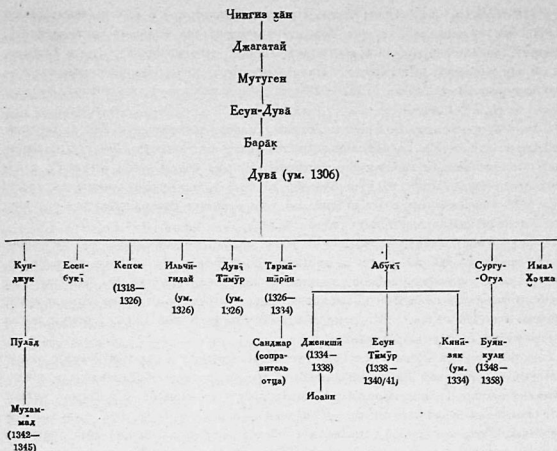
Одним из последствий этого события было перенесение столицы в северо-восточную часть государства и приход к власти племянника Тармāшйрина и внука Дувы, Бўзўна, в противоположность своим предшественникам притеснявшего мусульман, покровительствовавшего евреям и христианам и казнившего большое число своих видных политических противников. В том же году ему наследовал его двоюродный брат и сын Абўкā, Дженкшй, не бывший сторонником ислама, покровительствовавший буддийским жрецам и католическим миссионерам, даже крестившим его сына, Иоанна, которого они сумели излечить от тяжелой болезни. Дженкшй был убит своим братом Есун Тймўром в Алмалыке в 1338 г., когда все Семиречье было объято эпидемией чумы. Этот второй сын Абўкā, помешавшийся на почве братоубийства, был низложен на третьем году правления царевичем 'Али султāном из потомков Угедая, мусульманином по вероисповеданию и жестоким тираном.

В начавшийся после этого смутный период, приведший к еще большему разобщению западной и восточной части улуса Джагатая, хāнами дважды оказывались потомки Дувы; а именно между 1342 и 1346 гг. таковым был его правнук Муҳаммад, а в промежутке с 1348 по 1355 гг. — его внук и племянник Абўки, Буянқули. Последний являлся лишь подставным хāном, так как фактическая власть находилась в руках всесильного амира Казагана.¹

Коль скоро, учитывая приведенную выше аргументацию, Кянйязк хātўн была внучкой Дўвы, племянницей хāнов Есенбуки, Кепека, Ильчйгидая, Дувā Тймўра, Тармāшйрина, сестрой хāнов Дженкшй и Есун Тймўра, двоюродной сестрой хāнов Бўзўна, Санджара и Буянқули и, наконец, теткой хāна Муҳаммада и монгольского царевича — католика Иоанна (см. генеалогическую таблицу, стр. 41), то вполне оправдан сам факт сооружения над ее могилой дорогостоящего парадного мавзолея.

Общий исторический фон эпохи и картина той обстановки, которая была в долине Таласа в момент появления там „Гумбеза Манаса“, довольно ясна. В полупатриархальное общество с кочевой аристократией, каковое представляли собой пришедшие в Среднюю Азию монголы, ислам начал проникать уже в XIII в., хотя противоречия и экономическая борьба между кочевниками и оседлым населением поддерживали в народной толще завоевателей антипатию к мусульманской культуре вообще в течение длительного времени и много позднее. Мусульманские авторы хвалят Хайду за справедливость и покровительство исламу. Таликў не только покровительствует ему, но сам принимает его. Во втором и третьем десятилетиях XIV в. при Кепеке, хотя и оставшемся язычником, но целиком перенесшем политические симпатии и делавшем ставку в государственном устройстве на оседлое культурное мусульманское общество Мāверā'нахра, а также при его брате Тармāшйрине, уже провозгласившем ислам господствующей религией, среди монгольской знати

¹ Более подробные данные об этом периоде имеются в ряде работ В. В. Бартольда, в частности в его труде „Очерк истории Семиречья“ (цит. соч., изд. 1-е: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 129—141; изд. 2-е, Фрунзе, 1943, стр. 54—64.

было немало лиц, принявших мусульманство. Это сопровождалось углублением раскола не только между отдельными монгольскими родами, но даже между членами одной семьи, чему наглядным примером могут служить сами потомки Дувы. Хотя джагатайские ханы в XIV столетии обычно легко принимали ислам, не в пример своим кочевым подданным, в большинстве упорно остававшимся „неверными“, но даже среди сыновей и внуков Дувы мы находим и язычников, явно патронирующих исламу, и новоявленных откровенных адептов этой религиозной системы, и ярых ее противников. Несмотря на противодействие последних, исторический процесс шел своим чередом, и мусульманская культура все глубже проникала в среду пришельцев из далекой Монголии, отвоевывая себе постепенно территории бывших культурных земель.

Внешне это нашло себе выражение отчасти и в архитектурном строительстве. В долине Кашка-дарьи над могилой хана-язычника Келека вскоре после его смерти был возведен мавзоль мусульманского типа, вероятно не без участия в этом Тармашірина. Должно быть тогда уже в Ходженде, в западной части города, была возведена усыпальница Дувы, обнаруженная мной в 1929 г., нигде пока не описанная, до сих пор не состоявшая на учете и не вошедшая в научный обиход. В более северных районах, по течению Сыр-дарьи, на территории, входившей в состав Белой Орды, в эту эпоху большую строительную деятельность развивает хан Эрзене, сын правившего в самом

начале XIV в. хана Сасы Бука. По словам автора XV в., так называемого „анонима Искандера“,¹ самим Эрзене была возведена большая часть медресе, ханака, мечетей и других богоугодных зданий, находившихся тогда в Отраре, Сабране, Дкенде и Барчекете.² Правление этого хана, современника золотоордынского хана Узбека (1312—1340 гг.), по данным того же автора, продолжалось до 745/1344—1345 г.³

В эту пору в верхней части долины Таласа, служившей с XIII в. ханским яйлаком, в котором ко времени курултая потомков Чингиза 1269 г. одичавшие поля представляли прекрасные пастбища, и появился „Гумбез Манаса“, а несколько, повидимому, позднее близкое по типу здание усыпальницы, стоявшее до 1936 г. на кладбище Боботеряк, в 1,5 км западнее селения Ключевое, к югу от большой дороги из Джамбула в Талас.⁴

Если отец Кявнйяз хатун и сын Дувы, Абукā, — одно лицо, то последний мог принять ислам вместе с членами своей семьи около того же времени, когда стал мусульманином его ханствовавший брат Тармāшйрин. Наиболее же вероятной датой смерти Кявнйяз хатун, даже независимо от этого, повидимому, можно считать первый день рамадāна 734 пятницу 6 мая 1334 г., вскоре после чего и был отстроен сам мавзолей.

С 40-х годов XIV ст. вся Средняя Азия вступает в смутную полосу, когда в северных районах Туркестана не было благоприятной обстановки для создания в долине Таласа парадных архитектурных памятников. Семиречье чахнет от постоянных междоусобиц, и долина Таласа не была при этом „тихим уголком“; о беспокойной обстановке в ней свидетельствуют ныне находки вещевых и монетных кладов середины XIV в. Это положение было справедливо и для соседней территории по Сыр-дарье, где к концу этого столетия уже перестали существовать города Дженд и Барчкент. Когда Тимур задумал свой грандиозный поход на Китай, он вынужден был направить в Семиречье своего внука и наследника престола Мухаммад Султāна не только для возведения укрепле-

¹ Имя автора этого сочинения, историка Му'ин ад-дин Натанзи, установил В. В. Бартольд. Определение „анонима Искандера“. ДАН, 1927, № 6, стр. 115—116.

² В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, V, III серия, по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 85.

³ С этой датой смерти Эрзене легко согласиться, так как якобы мнимо противоречащая этому монета, чеканенная в Сыгнаке, по чтению А. К. Маркова, в 723 г. х. (=1327/8 г. н. э.) от имени сына Эрзена, Мубарек хаджи, могла быть выбитой при жизни отца, подобно тому, как это имело место с 1330 по 1334 гг. в улусе Джагатая с Санджаром, фигурирующим в чекане под именем хана при жизни своего отца Тармāшйрина, хотя он был только его сопративителем. Противоположную точку зрения см.: А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929, стр. 130. Как известно, чтение 728 г. х. даю А. К. Марковым взамен изображенной на монете даты 768, в которой покойный нумизмат допускал возможность ошибочного проставления цифры „6“ вместо „2“.

⁴ Купольное здание мавзолея на кладбище Боботеряк впервые зафиксировано нами при осмотре в 1925 г. В 1930 г. нами попутно был произведен обмер этого памятника, составлены небольшие схематические чертежи и сделано краткое описание памятника. В 1945 г. с трудом удалось отыскать место, где находился этот мавзолей, разобранный на кирпич в 1936 г. в связи с проведением новой дорожной трассы.

ния, но для восстановления по намечавшемуся пути следования армии земледелия, чтобы иметь некоторую продовольственную базу на месте и, в частности, по речке Ашпаре. Как известно, эти мероприятия не принесли существенных результатов, и в начале X в. долина Таласа описывалась беспристрастными очевидцами как пространство, неоднократно перед тем опустошавшееся, покрытое развалинами многих городов и давно покинутое рассеявшимся населением.

Попытки последних лет относить „Гумбез Манаса“ к памятникам „типа мусульманских мавзолеев XIV—XV столетий“ начались с голословного высказывания И. Чеканинского,¹ который сам, возможно, был под влиянием расплывчатого определения времени сооружения этого памятника П. П. Ивановым, считавшим его „возведенным во всяком случае не позднее XV в.“, без указания первого предела времени.² В более развернутом виде обоснование такого же порядка датировки содержится в печатных работах А. Н. Бернштама, в одной из которых, а именно „Мазар Манаса“ (1945), автор одновременно на разных страницах предлагает три различные варианта времени сооружения памятника: 1) пору подготовки начатого Тимӯром в 1404 г. похода на Китай (стр. 9); 2) вторую половину XIV в. (стр. 10); 3) середине XIV в. (стр. 11, где одиннадцать строками ниже указывает, что этот мавзолей „построен накануне той эпохи, когда сюда направил свои походы всемогущий Тимӯр“, который, как известно, начал свои вторжения в Семиречье с 1377 г.). Вместе с тем, автор, повидимому, считает свои датировки не очень убедительными, поскольку на стр. 10 признает нашу датировку 30-ми годами XIV в. „весьма вероятной“. Следуя за А. Н. Бернштамом, и Н. Рябцов утверждал, что „постройка мазара Манаса относится к концу XIV или началу XV в., т. е. к послемонгольскому периоду“.³

По А. Н. Бернштаму, отец Кяниязак хатун, которого он именует „Бука“, признается возможным сподвижником Тимӯра.⁴ Между тем близкого по созвучию тимуровского амира звали „Ақбуқа“, или „Ақбуга“, что значит „Белый бык“, т. е. антилопа-сайга (ақ-киик — по Бāбуру; ақ-куйрук — по-казахски), причем слово это пишется, в отличие от имени амира, упомянутого на портале „Гумбеза Манаса“, с твердым кяфом“ или даже с гайном. Относя постройку этого мавзолея в одном случае к эпохе Тимӯра,⁵ в другом, более широко к эпохе Тимӯридов, включая время правления Шāхруха и Улугбека, т. е. захватывая всю первую половину XV в.,⁶ А. Н. Бернштам утверждал, будто Тимӯр, его младший сын и внук, прославившийся в качестве астронома, развили активную деятельность в части восстановления городской жизни в Киргизии „в целях создания себе опорных баз для осуществления похода на Китай“.⁷

¹ И. Чеканинский. Манас. Советская Киргизия, 1936, № 209, стр. 4.

² П. П. Иванов. К вопросу о древностях..., стр. 248.

³ Н. Рябцов. Мазар Манаса. Комсомолец Киргизии, 1941, № 35, стр. 4.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.

⁶ А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.

⁷ Там же.

В действительности, о походе на Китай при Шахрухе и при Улугбеке не могло быть и речи, а при Тимуре, как отмечалось выше, осуществлялись лишь некоторые мероприятия, не принесшие существенных результатов, по созданию на пути следования армии промежуточных укреплений и по восстановлению на Ашпаре земледелия, а не городской жизни в Джеттысу. Ничего подобного не делалось Тимүридами и позднее в первой половине XV в.

Еще менее убедительно звучит довод идеологического порядка, якобы Тимүриды, „распространяя идею ислама“, „строили мусульманские памятники в целях насадить здесь, в Киргизии, монументальные центры мусульманской пропаганды“, причем, однако, „такие произведения архитектуры, как, например, мазар «Кянизяк хатун»... были одиноки среди моря кочевников и враждебной исламу массы тюрок и монгол“.¹

Во-первых, нет никаких данных о миссионерской деятельности Тимүридов в части распространения ислама в Джеттысу. Во-вторых, совершенно ничего не известно о построении при них в Киргизии „мусульманских памятников“. В-третьих, возведение одного сравнительно небольшого здания „Гумбеза Манаса“ едва ли можно расценивать как создание „монументального центра мусульманской пропаганды“. В-четвертых, мавзолей светского лица, притом женщины, даже в глазах правоверных, не говоря о лицах, не принявших мусульманства, отнюдь не представляет собой „центра ислама“ или „мусульманского форпоста“, — как пишет А. Н. Бернштам. В-пятых, такие мавзолеи, как „Гумбез Манаса“, в XIV и XV вв. не были столь одинокими в долине Таласа. Главное же, что самый облик этого мавзолея, конструкции, декор, стиль, содержание надписей — все это характеризует его как памятник совершенно чуждый историко-культурной обстановке эпохи Тимүра и Тимүридов, но типичный для архитектуры первой трети XIV в. в северных туркестанских областях.

¹ Там же.

А. А. СЕМЕНОВ

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТИМҮРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

(Окончание)¹

Надпись на могиле Шāх-Роҳа (807/1405—850/1447) в склепе

Вверху, в изголовье, крупным сульсом вырезан символ мусульманства (рис. 1)

لا آله آلا الله محمد رسول الله

‘Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — посол Аллаха’.

В верхнем окаймлении этой надписи начинается текст надгробной надписи, сделанной довольно сжатой вязью, на персидском языке попеременно с арабскими выражениями:

این روضه ایست از ریاض رضوان و
گلس[تا] نیست [از] بساتین جنان که مصعج² ||

Отсюда текст переходит влево и тянется по всей левой (от зрителя) кайме плиты:

این بهشت حضرت سلطان مبرور بیرون پادشاه مرحوم و مغفور و سلطان السلاطین معین السلطنة والدنیاء والدين شاه رخ بهادر سلطان است اسکنه الله تعالی علی سریر نعه و توجه بتاج الکوامه که متولد شده در پنجشنبه خامس عشر شهر ربیع الآخر سنه تسع و سبعین و سبعماية ||

Далее текст переходит на нижнее поперечное окаймление:

یتزین الملك بوحوده الشریف فی شهر سنه سبع و ثمانماية و متوجه بارض خلد ||

Затем текст переходит на правое (от зрителя) окаймление, поднимаясь снизу вверх: برین شد فی يوم الاحد اربع عشرين ذی الحجة المعه (?) خمسين و ثمانماية الحجوة القمرية بمرحله ری من امهات ولایت عراق و بعد از انک منتقل شد بدار الامان سمرقند باهتمام بنائة این مادون سليلة این پادشاه عادل زاهد کامل عالم فاغر له عظمة الدنیا و الدین پاینده سلطان بیکه ||

¹ Начало см.: Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49.

² Вертикальные штрихи в тексте надписи и в переводе обозначают распределение строк по линиям-каймам надгробной плиты.

Текст заканчивается переходом на поперечную линию под крупною надписью вышеупомянутого мусульманского символа:

دامت عصمها يا ارحم الرحيمين يا ارحم الرحيمين

‘Это — сад из садов рая, это — розовый цветник из цветников райских садов, который [является] местом вечного покоя; это — райская обитель его величества, в бозе почившего государя; || [это —] внешнее [место] покойного и прощенного падишаха, султана султанов, помощника государства, мира и веры, Шāх-Роха бахадур-султана, да поместит его всевышний Аллах на престоле своих милостей, да увенчает [его] короною почета — каковой [государь] родился в четверг пятнадцатого числа раб¹ ул-ахира 779 года; ¹ || украсил же царство своим благородным бытием в месяцы 807 года ² и отправился в землю рая вечности || в воскресенье двадцать четвертого зй-л-хиджэ 850 года хиджры по лунному летосчислению ³ в месте [своей] остановки, в Рее, принадлежащем к числу главных областей Ирака. После же того он перенесен в обиталище безопасности, в Самарканд, попечением строительницы сего нижнего [т. е. могилы-саркофага с надгробною плитою], дочери этого справедливого государя, совершенного, ученого аскета, — прости его [Аллах! — непорочности мира и веры, Паенде Султāн-бике, || — да длятся ее добродетели! О, милостивый из милостивых! О, милостивый из милостивых!]

Таким образом, приводимое в этой надписи последнее известие — о похоронах Шāх-Роха в Самарканде — совершенно определенно опровергает столь категорическое утверждение историка, что перевоз останков Шāх-Роха из Герата в Самарканд для погребения в мавзолее Тимūra был сделан Улуг-бѣком. ⁴ Как видно из этой надписи, дочь Шāх-Роха, Паенде-Султāн-бике, не только перевезла тело отца в Самарканд, но и соорудила мраморный гроб для него с надгробной плитой. К сожалению, мне не удалось найти каких-либо подробностей в известных мне источниках об этой дочери Шāх-Роха. По свидетельству персидского историка XV—XVI вв., Хондемйра, у Шāх-Роха были две дочери (их имена он не приводит), из них одна была замужем за Мирзой Джехангиром, сыном Мирзā Мухаммед-султāна [т. е., очевидно, внука Тимūra]; от нее родился Мирзā Хайль-султāн. ⁵

При вскрытии погребения Шāх-Роха привлекла общее внимание одна интересная и загадочная деталь — рядом со скелетом покойника, завернутого когда-то в саван, лежал небольшой деревянный ящичек, типа школьного пенала, но большего размера, в котором находилось 144 штуки мелких речных камешков (галька) серого и белого цветов.

¹ 21 августа 1377 г. н. э.

² 1405 г. н. э., по смерти своего отца, амира Тимūra.

³ В воскресенье 12 марта 1447 г. н. э. (у Хондемйра в ч. 3, т. III, стр. 204) 25 зй-л-хиджэ 850 г., т. е. 13 марта 1447 г.

⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия, Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 127. — Он же. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 30.

⁵ حبيب السيرة Хондемйра, стр. 207.

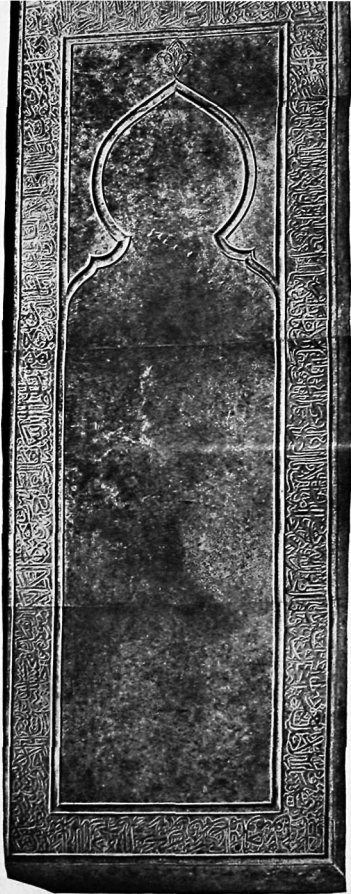

Рис. 1. Надгробная плита на могиле Шэх-Роха.

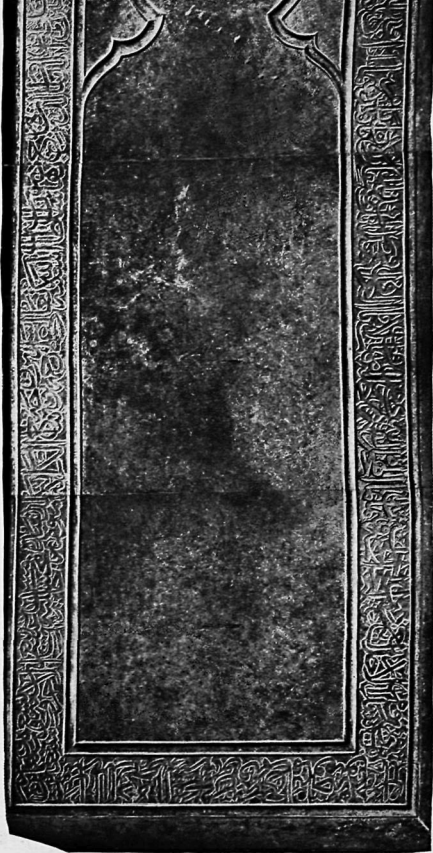

Рис. 1. Надгробная плита на могиле Шех-Роза.

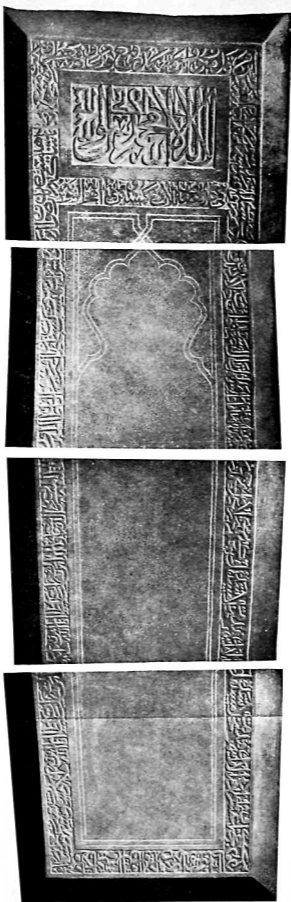
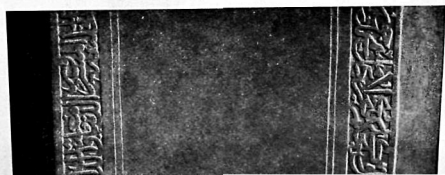
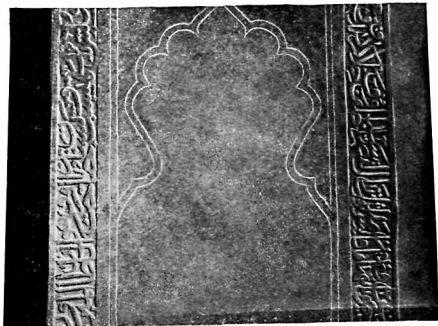

Рис. 2. Иллюстрация из книги на языке Уйгурском.

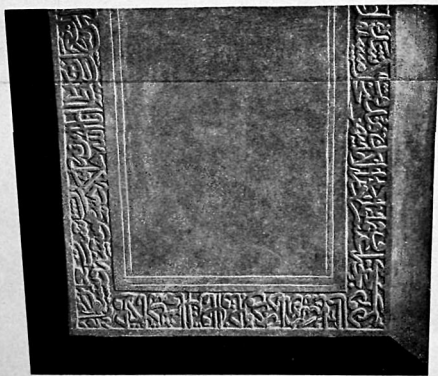
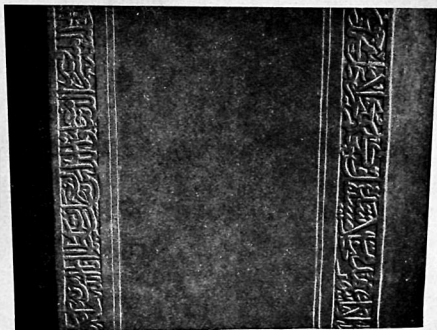

Рис. 2. Надгробная плита на могиле Улуг-бека.

Надпись на могиле Улуг-бэка в склепе

В верхней перемычке-ленте, что в изголовье (рис. 2) над крупно вырезанным сульсом мусульманским символом

لا إله إلا الله محمد رسول الله

'Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — посланец Аллаха' начинается следующая персидская надпись:

این مرقد منور واین مشهد رفیع واین روضه معطر واین ترابت منیع خوابگاه بادشا
هیست که زیاض رضوان از نزلش بانز اهتیسست و بیستان جنان با فرحت و هو السلطان
المبرور و خلیفه المسرور معیث الدنیا و الدین الغ بیک سلطان انار الله برهانه که در شهر
سنه ست و تسعین و سبعمایه || ولادت با سعادتش اتفاق افتاده بود در بلد سلطانیه و
در ای الحقه عشر و ثمانمایه در دار الامان سمرقند بخلافت مستقل شده و بحکم کل
یجری لأجل مسمی چون مدت حیواتش بانتهای زمان فالش بمجدول نزل القضاء رسید
خلف او خلاف کرد بدو تیغ خنجر بروی کشید فقد استشهد بدو متوجهاً الى رحمة ربّه
الغفور ||

и отсюда переходит на нижнюю, под символом, кайму, на которой и заканчивается так:

فی عاشر رمضان ثلاث و خمسين و ثمانمایه الهجرية النبویة

'Эта светоносная могила, это славное место мученичества, этот благоухающий сад, || эта недостигаемая гробница есть место [последнего] успокоения государя, нисхождением [в нее] которого услаждены сады рая и осчастливлен цветник райских обитателей, — он же — прощенный султāн, обрадованный халиф, помогающий миру и вере, Улуг-бэк — султāн, — да озарит Аллах его могилу! — счастливое рождение которого совершилось в месяцы 796 года¹ || в г. Султанийей;² в месяце [же] зй-л-хидже 810 [года]³ в городе Безопасности, в Самарканде, он стал полновластным в наместническом достоинстве; подчиняясь же приказанию [Аллаха] — „каждый плывет до назначенного ему срока“,⁴ когда время его жизни достигло до [положенного] предела, а предназначенный ему судьбою срок дошел до грани, указанной неумолимым роком, — его сын совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием меча [букв. кинжала], вследствие чего тот принял мученическую смерть в пустыне [сего мира], направившись к [дому] милосердия своего всепрощающего господя || 10 [числа месяца] рамадāна 853 г. пророческой хиджры'.⁵

¹ Т. е. в 1393/94 г. н. э. Более точно: Улуг-бэк родился 19 джемад-ул-эввеля 796 г. х., т. е. в воскресенье 22 марта 1394 г. н. э. (В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 37).

² Султанийя — город, основанный монгольским йльдāном Аргунем, лежал в районе гор, к северу от Хамадава, между городами Абхаром и Зенджаном.

³ Т. е. между 28 апреля — 27 мая 1408 г.

⁴ Коран, сура XIII, ст. 2.

⁵ Т. е. 27 октября 1449 г. н. э.

Из содержания усматривается, что надгробная плита с подобной надписью, весьма недвусмысленно осуждающей отцеубийцу, 'Абдуллаффа, сына Улуг-бека, не могла быть положена при нем и, несомненно, водружена позже, — по мнению акад. В. В. Бартольда, вероятнее всего в кратковременное царствование другого сына Улуг-бека, Абдуллы.¹ Да и был ли здесь первоначально похоронен Улуг-бек, погибший насильственной смертью? Может быть он перенесен сюда потом? Вскрытие его гроба, так же сделанного из белого мрамора, как гробы его деда и отца, обнаружило скелет с отсеченной прочь голову, причем удар шашки был нанесен с такой силой, что голова была моментально отделена от верхнего шейного позвонка, наискось срезанного, как кочан капусты.² Остатки на скелете шелковых цветных штанов на шелковых ушкурах (поясе) и шелковой рубашки показывают, что Улуг-бек был похоронен, как шахид, в том костюме, в каком он был убит, едва успев перед смертью совершить омовение. Возбуждает недоумение этот факт ношения государем мусульманской страны шелкового нижнего белья, ибо это категорически запрещено шариадом. Ни один среднеазиатский хан или амир последнего времени никакого другого нижнего белья, кроме как сшитого из белой хлопчатобумажной ткани (карбос, араб. كِرْبَاسٌ „кирбас“), не носил, и даже шелковый халат, надевавшийся поверх белья, должен был иметь бумажную подкладку, дабы более отделить от тела роскошь шелковой ткани. Шелковая или полушелковая подкладка на парчевых или бархатных халатах допускалась лишь потому, что таковые халаты носились обычно поверх 2—3 халатов.

Надпись на могиле внука Тимүра, Мухаммед Султана, за мраморной решеткой

Прямо перед зрителем сохранилось продолжение очень крупной арабской надписи, высеченной по мрамору вязью (рис. 3):

ما هذه الدنيا بدار قرار سير اخر سلام و غفران على ذلك الثرى وروح ورضوان وعلى ذلك

'То, что этот мир — последнее путешествие в обитель вечности. Мир и прощение этой могиле. Покой и благословение — над этим последним жилищем...'

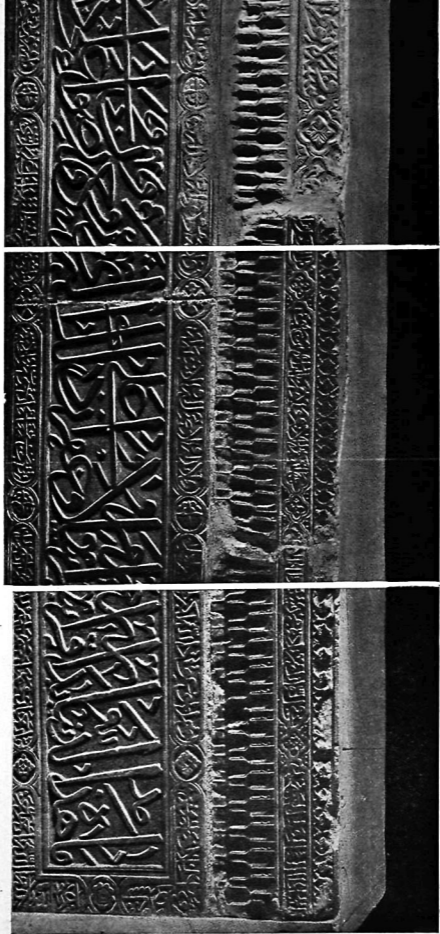
Вокруг этой крупной надписи, начиная с верхней части середины боковой правой перемычки, сохранились следующие строки (по-арабски). Сверху:

سیدی علی رؤس الخلائق خاصّةً في يوم الموعود الله اكبر لاضد له || ولا ندله ولا وصل له ولا شبه له || ولا وصف له ولا كفو له ولا حد له ولا حدود له ولا مثل له ولا شريك له || في الملك ولا وزر...

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимүра. ЗВО, т. XXII, 1915, стр. 31—32. — Он же. Улугбек и его время, стр. 135.

² См. подробности об убийстве Улуг-бека у В. В. Бартольда (Улугбек, стр. 131).

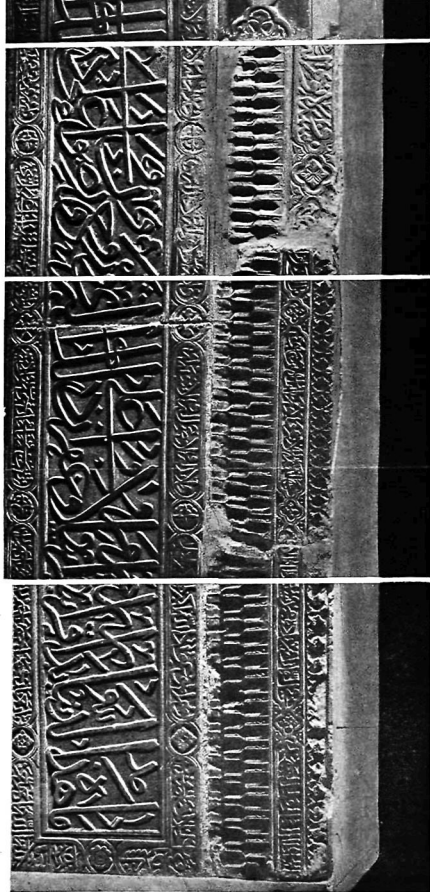

Рис. 3. Беломраморное надгробие на могиле Мухаммад Султана.

‘... [не постыди меня], мой владыка, пред вождями народов, особенно || в день Страшного Суда! Аллах велик! Нет ему противодействующего, || нет ему равного, нет у него [ни с кем] связи, нет ему подобия, || нет ему описания, нет ему ровни, нет ему предела, нет || ему границ, нет у него образа, нет у него сотоварища || в царстве [его], нет везира [у него]...’¹

Продолжение внизу, начиная с нижней части середины боковой правой перемычки.

ياعزيز ياالله ياالله ياالله يارحمن يارحيم || يارحمن يارحيم يارحمن يارحيم ياالله ياالله ياالله
منامى ما رجوت منك و اكرمتمنى || لمغفرتى خطيئتي انك على كل شئ قدير [опущено]
وارزقنى حفظ القران || و تحلتها...

‘О, могущественный, о, Аллах, Аллах, о, всемилосердый, о милостивый, || о, всемилосердый, о, милостивый, о, всемилосердый, о, милостивый, если бы ты показал мне во сне то, что я надеюсь [получить] от тебя! Ты оказал мне милость || прощением мне моего греха, поистине, ты — всемогущий! || Даруй мне сохранение [в памяти] Корана! || Ты смешал вместе мой ум...’²

От самой верхней надписи, идущей вдоль верхнего резного окаймления надгробия, сохранилась следующая лента арабско-персидских письмен, заключенных тоже в красивые картуши:

..السلطان العالى ولى العهد * فى الزمان اميرزاده محمد سلطان بن الـ [разрушено] || جهانگير
بن الامير تيمورگورگان بن الامير توغای || بن الامير بگل بن...

После этих слов вмазана резная плита, несомненно, потом, с остатками арабского выражения: ...شبه له ولا نوم له ولا ما...

‘...высокостепенного султāна, наследника престола || в [свое] время, царевича Мухаммед Султāна, сына... || Джехāнгира, сына амира Тимūra „гүргāна“, сына амира Гарагāя ||, сына амира Баргуля, сына...’

Прочие части надгробия замazаны алебастром.

Таким образом, судя по этим остаткам надписей гробницы любимого внука Тимūra, Мухаммед Султāна, которого дед при жизни назначил было наследником престола (по надписи (ولى العهد فى الزمان), но который безвременно умер в 1403 г. н. э., можно заключить, что содержание надписей составляли: прощальные приветствия, молитвенные воззвания и указание, чье это надгробие, с длинной родословной умершего, аналогичной с родословиями на других гробницах.

Повидимому, в свое время это пышное надгробие поражало богатством резной орнаментации, сделанной не только высокохудожественно, но и совершенно в стиле внутренней отделки мавзолея. Особенно это тожество бросается в глаза при взгляде на чудесный сталактитовый бордюр, выступающий над ониксовой панелью внутренности мавзолея: почти такой же бордюр мы видим

¹ См. аналогичные этим строки 31—34 надписи на надгробной плите Тимūra (Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948 стр. 56).

² См. аналогичные строки 35—38 в надписи на надгробной плите Тимūra.

чрезвычайно удачно отделяющим верхнюю часть гробницы. Ее надписи сделаны превосходно и в том же стиле, что и настенные надписи мавзолея. Никакое другое надгробие не может сравниться с этим по общей гармонии с внутренней декоративной отделкой. Если все другие гробницы носят характер как бы „случайных поступлений“, то надгробие Мухаммед Султана как бы говорит, что оно здесь хозяин, что для него был построен весь этот превосходный мавзолей, лишь потом презратившийся, по прихоти судьбы, в усыпальницу

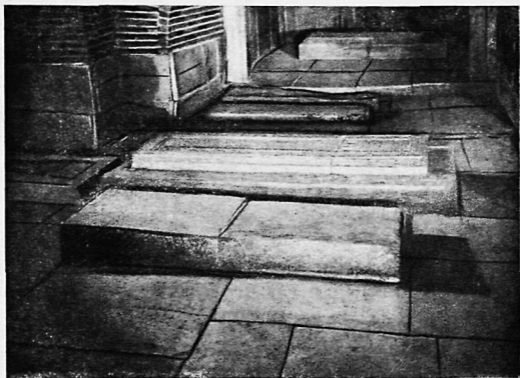

Рис. 4. Часть внутреннего склепа в Гур-и Эмире.

Тимұра и некоторых членов его семьи. И непонятным является лишь одно, когда и почему так неряшливо поставлено это превосходное надгробие с покосившимися, плохо пригнанными друг к другу частями, местами безобразно-замазанными штукатуркой, как будто его откуда-то наспех перевезли или передвинули и кое-как укрепили, чтобы оно лишь не распалось на свои составные части?

Другое, пожалуй, еще более великолепное надгробие, столь похожее на это надгробие, над погребением ученого Абū 'Абдулла Мухаммед бен 'Али Хаким-и Тирмизий (ум. в 255/869 г.), находится среди развалин г. Термеза. Оно даже в деталях сходно с надгробием Мухаммед Султана: та же внешняя форма с таким же точно распределением письмен, тот же трехъярусный пояс сталактитов, обрамляющий верхнюю часть надгробия, и такая же лента надписей над этим поясом, та же верхняя плоская поверхность, — с одной лишь разницей. На термезской гробнице возвышается меньших размеров другая мра-

Рис. 5. Сувенир для мусульман Мекки.

Рис. 5. Саркофаг над могилой Мираншаха.

морная гробница, напоминающая формую и детскую, под пологом, восточную колыбель (گهواره), и наземную среднеазиатскую могилу (سگانه). Но можем ли мы теперь поручиться, что подобным небольшим саркофагом не увенчивалось и надгробие Мухаммед Султāна?

На самой могиле Мухаммед Султāна, что в склепе под полом, лежит толстая мраморная плита без всяких надписей. Под нею — мраморное ложе совершенно такого же типа, как в могилах Тимūra, Шах-Роха и Улуг-бєка (рис. 4). В нем оказался плохо сохранившийся скелет, лежавший под остатками когда-то такого же роскошного черного шелкового покрывала, каким был покрыт деревянный гроб Тимūra. По этим фрагментам покрывала можно судить, что оно и у внука, и у деда было одинаковое или, по крайней мере, сделано из одной и той же материи.

Надпись на могиле Мираншаха, сына Тимūra, в мавзолее

По краям надгробия (рис. 5), начиная с верхней перемычки, читается справа налево по-арабски следующее:

هذا مرقد السلطان الاعظم || سلطان ميرانشاه بن الامير تمور گورگان بن الامير توفای بن
الامير برگل بن الامير ایلانگیر بن الامير ایجل بن الامير قراجار بن الامير سوغوجین بن الامير
اردچی برلاس بن الامير قاجولای بهادر بن الامير تومنای بن || جنگیزخان بن الامير يسوکای
|| بهادر بن الامير برقان بهادر بن الامير قبول خان بن الامير تومنای بن الامير بایسنغر
بن الامير قایدو بن الامير توتومتین بن الامير بوقا بن الامير بوذنجر ولم يعرف لهذا الماجد
والدًا الا ان امته الان قما وقد حملته و لم یک بغيًا بنور کاء من اسباط اسد الله الغالب
على بن ابی طالب

‘Это место [последнего] успокоения султāна величайшего, || султāна Мираншаха, сына амйра Тимūra „гүргāна“, сына амйра Тарагāя, сына амйра Баргуля, сына амйра Айлангйра, сына амйра Йджиля, сына амйра Қараджāра, сына амйра Сүгүджина, сына амйра Ирдамчи „барлāса“, сына амйра Қичүлāй бахāдура, сына амйра Туманāя, сына || Чингиз хāна, сына амйра Есүкāй || бахāдура, сына амйра Буртāн бахāдура, сына амйра Қабұл хāна, сына амйра Туманнāя, сына амйра Бāйсунгура, сына амйра Қāйдү, сына амйра Түтүмтиня, сына амйра Бүкā, сына амйра Бүзанджиря. И не был известен у сего благородного отца, а только его мать Алāн Кувā; она же понесла его — и не было [это] прелюбодеянием,¹ а [следствием] чистого света, — от потомства Льва [Асад] Аллаха, победителя, ‘Алйя, сына Абү Тāлиба’.

По середине плиты в 26 строках вырезано по-арабски следующее:

[1] هو الحق لا آله الا هو
[2] له الحكم واليه رجعون

¹ См. аналогичное этому выражение в Коране, сура XIX, ст. 29. Может быть на надгробии следовало правильное читать *ولم تک بغيا* ‘и не была она порочной женщиной’, но на камне вырезано *ولم یتک*

- [3] وله الحول و القوة
 [4] بسم الله الرحمن الرحيم
 [5] والهكم إله واحد
 [6] لا إله إلا هو الرحمن
 [7] الرحيم الله لا إله
 [8] إلا هو الحق القيوم
 [9] لا تأخذه سنة ولا
 [10] نوم له ما في السموات
 [11] و ما في الارض من ذا
 [12] الذي يشفقُ عنده إلا
 [13] باذنه يعلم ما بين ايديهم
 [14] و ما خلفهم ولا يحيطون
 [15] بشئ من علمه إلا بما شاء
 [16] وسِعَ كرسيه السموات
 [17] والارض ولا يؤوده
 [18] حفظهما وهو العلي
 [19] العظيم ولا اكراه في
 [20] الدين قد تبين الرشد
 [21] من الغي فمن يكفر
 [22] بالتاغوت و يؤمن بالله
 [23] فقد استمسك بالعروة
 [24] الوثقى لا انفصام لها
 [25] والله سميعٌ عليم
 [-6] صدق الله العظيم

- [1] Он — бессмертный. Нет божества, кроме него!
 [2] Ему принадлежит господство и к нему [все] возвращаются;
 [3] у него могущество и сила.
 [4] Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
 [5] „Ваше божество — бог единый;
 [6] нет божества [иного], кроме него, милостивого и
 [7] милосердного!“ — „Аллах... Нет [другого] божества,
 [8] кроме него, бессмертного, присносущего!
 [9] Его не объемят ни дремота, ни
 [10] сон: в его власти все, что на небесах,
 [11] и все, что на земле. Кто может
 [12] ходатайствовать пред ним без
 [13] его позволения? Он знает, что пред ними и
 [14] что позади них; они же постигают

- [15] из его знания только то, что ему угодно.
 [16] Престол его обширнее небес
 [17] и земли и не бремя для него
 [18] хранение их обоих; он — высокий,
 [19] великий. — Нет принуждения в
 [20] религии. Ясно отмечается прямой путь
 [21] от кривой дороги и потому — кто отрицает
 [22] ложное вероучение и верит в Аллаха, —
 [23] тот держится за самую крепкую
 [24] вещь, которая несокрушима.
 [25] Аллах — слышащий, знающий“.
 [26] Правдив Аллах великий!

Текст строчек 5, 6, половины 7 является 158 стихом из II суры Корана; с половины 7 строки по 25 включительно текст представляет так называемый „престольный стих“ 256 и 257 из той же II суры Корана.

Могила сына Тимӯра, Мирәншāха, едва ли не самая запущенная из всех могил, которые находятся в центральной части Гур-и Эмира. Ее верхнее покрытие обрушилось и разрушило скелет покойника, положенный не в мраморную гробницу, как другие его родственники, а просто в вырытую в земле могилу, с легкой кирпичной облицовкой; никакой плиты над этой могилой не было. Но надгробие Мирәншāха за мраморной решеткой, в верхнем помещении мавзолея Гур-и Эмира, — весьма не плохое и по материалу (черный мрамор), и по резьбе, и представляет собою хороший образец подобного рода надгробных памятников XV в. Надписи, вырезанные только на верхней поверхности надгробия, как мы видели, не дают ни дат, ни исторических сведений. Лишь по краям надгробия надпись заключает сведения, что эта гробница — принца Мирәншāха, сына амира Тимӯра, с перечислением его предков до легендарной Алан Қувā, с подчеркиванием, что ее мужем был Алид — „чистый свет, [проистекший] от потомков Льва Аллаха, победителя ‘Алия, сына Аб7 Тāлиба“.

Что Мирәншāх погиб в Азербайджане от руки воевавшего с ним Қара Йўсуф туркмена в 810/1407—1408 гг. или, по другой версии, 14 рамадāна 809 (22 февраля 1407 г.), что потом кости его были перенесены из Азербайджана неким „Шамс-и Гўрй‘ем“ („Могильным солнцем“) в Мāверāннахр и похоронены в Шахрисябзе, — об этом на надгробии нет ни слова. „О перенесении их впоследствии из Шахрисябза в Самарканд ничего не сообщается“, — замечает акад. Бартольд.¹ Не сообщается об этом и в надгробной надписи. Загадочным является и то, кто и когда соорудил это надгробие Мирәншāха?

Давая все эти надписи в оригиналах и переводах, я не касался тех погрешностей, которые допустили в их разборе С. А. Лапин и М. Э. Блоше (М. Е. Влю-

¹ تاريخ سيد راقم, принадлежащая мне рукопись, повидимому, XVII в., лл. 60—61. — В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 30.

chet),¹ ибо полагал, что даваемые здесь фотографические снимки с этих надписей нагляднее всего показывают, как их следует читать, тем более что у С. А. Лапина не дано ни одного снимка с надписей. У Блоше к его работе хотя и приложена таблица с четырьмя надписями (на нефритовом надгробии Тимūra, на неизвестно откуда взятой плите, на надгробии Мйрāншāха и на плите Улуг-бека), но первые три представляют собою фотокопии только с письмен, вне всякого их отношения к материалу и фону, на которых они возникли; отсюда, естественно, все вышло подчищенным, подретушированным; четвертая надпись, несомненно, воспроизводит не эстампаж, а копию с надписи, воспроизведенную Абū Са'ид Ма'сūмом или кем-либо другим, поэтому-то в этой надписи есть значительные погрешности против подлинника. Особенно бросается в глаза неумело скопированная (и, разумеется, не путем снятия эстампажей) самая крупная и прекрасная надпись в верхней части плиты с мусульманским символом, в которой резчик допустил ошибку в выражении, сделанном в верху этой надписи: для заполнения свободного поля он вырезал куфическим письмом الله الله, но пропустил мйм, и получилось الله الله.

¹ Приношу искреннюю благодарность профессору А. Ю. Якубовскому за присылку мне отдельного оттиска вышеупомянутой работы М. Э. Блоше, которой не было в библиотеках Средней Азии, и М. А. Салье за оказанную мне помощь в расшифровке некоторых слов и речений в приведенных надписях.

А. Н. БЕРНШТАМ

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Наконечник дротика с китайской надписью из Казахстана

В Отделе первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится под № 14051 бронзовый наконечник копья из Казахстана (коллекция Чудинова Б. М., сбор 1936 г.) с небольшой китайской надписью. Наконечник был найден в местности Бестюбе, в районе Степняк. Фотография с предмета была мне любезно предоставлена С. С. Черниковым.

Бронзовый наконечник копья имеет длину 22 см. Он представляет типичный для андроновского круга памятников II тысячелетия до н. э. листовидный наконечник в виде вытянутого овала длиной в 18 см с жилкой посередине. Внизу перо сильно сужается и переходит в уступчик, который заканчивается черенком в 4,3 см длиной (рис. 1, а и б).

В правой нижней половине пера расположены два четко выгравированных китайских иероглифа; они затянута патиной такой же интенсивности, какой покрыт и весь предмет. Нет никакого сомнения в том, что знаки представляют собой иероглифы, а не тамги. Для последних прежде всего характерна связанность образующих тамгу черт.

Иероглифы читаются легко, особенно второй (сверху). В первом иероглифе мы допускаем в чтении дополнительный штрих, второй исполнен абсолютно точно. Читается надпись следующим образом: 全 𠄎 тун и. Знак 全 является разновидностью знака 同. Знак 同 известен на наконечнике стрелы, изданной в Цзиньши Су. Значение его в Цзиньши Су не объяснено.

Иероглиф 𠄎 имеет два рода значений как имени существительного — 'дротик' и 'метательное копьё'. Васильев¹ и Куврэр² сообщают наиболее распространенное значение как вид копья, который метается в цель с помощью шнура для возвращения копья обратно стрелку. Это специфический вид метательного копья типа своеобразного гарпуна. "Тун и" можно переводить 'в соответствии с и', 'одинаковое и', т. е. 'наконечник типа „и“'.

¹ В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. СПб., 1867, стр. 393 'бросать стрелу с бичевой'.

² F. S. Couvreur. Dictionnaire Classique, стр. 237: "Flèche munie d'un long fil par lequel on la retenait pour la ramener à soi après l'avoir lancée".

Палеографические особенности букв сравнительно поздние, быть может второй половины Чжоу (скифское время), а всего вероятней даже не раньше ханьской эпохи (II в. до н. э.), т. е. гуннского времени.

Из этого явствует, что надпись нанесена позднее изготовления предмета и не может, очевидно, датировать сам предмет (но, судя по патине, надпись древняя). Остается предположить, что она нанесена в гуннское время владельцем этого предмета, сведущим в китайском языке. Когда он владел этим предметом и как он попал в район Степняка — на сей счет можно высказать разные догадки.

Академик В. М. Алексеев любезно указал нам на возможность читать в этой надписи, особенно в первых начертаниях, числительные как своеобразную нумерацию ценного для владельца оружия. Тогда верхний знак можно читать как цифру 82, в которой опущена десятка. Подобного типа написания известны. В том и другом случае несомненно чтение второго знака, обозначающего предмет как наконечник дротика определенного типа.

а

б

Рис. 1. Наконечник копья-дротика (а) с китайской надписью (б). Казахстан. Степняк, ур. Бестюбе.

Попутно хочется обратить внимание на все большее и большее появление фактов, указывающих на распространение в древности на территории СССР вещей не только китайского происхождения с китайскими надписями,¹ но вещей

¹ См., например, заметку А. Маракуева: Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета. Ученые записки Томского Гос. пед. института, т. III, 1946, стр. 145—152 и сл.; ВДИ, I, 1948, стр. 102.

местного изготовления с китайскими надписями, сделанными на вещах вероятней всего в областях находок этих предметов. Такой пример уже отмечен в археологических находках Семиречья.¹

В 1947 г. в Абакане были найдены в комплексе вещей таштыкского времени (первые века н. э.) альчики барана, использованные как игральные кости, на которых были нанесены китайские знаки 大 — „да“, 'большой' и числительные 十 'десять', 八 'восемь' и другие. С этими материалами мы лично ознакомились во время доклада автора раскопок А. Н. Липского в марте 1948 г. в Москве на пленуме Института истории материальной культуры, посвященном итогам экспедиционных работ за 1947 г.

2. Даршайская надпись почерком карошты

Летом 1947 г. во время работ руководимой нами Памиро-Алайской археологической экспедиции мы занимались археологическим обследованием Вахана. Во время фиксации многочисленных наскальных изображений в урочище Даршай (к западу от районного центра Шитхарв в Ваханском районе) обнаружена на отдельном камне надпись почерком карошты (рис. 2). Надпись высечена

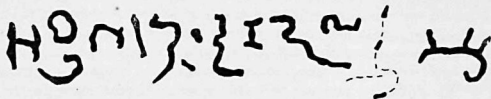

Рис. 2. Надпись карошты. Южный Памир, Вахан, ур. Даршай.

на отдельном камне, явно упавшем сюда с другого места, так как она сейчас находится в перевернутом виде. Надпись сильно затянута пустынным загаром темнокоричневого цвета и очень плохо поддается фотографированию, но все же достаточно четко различимы восемь букв и, очевидно, тамга.

Среди окружающих камней с наскальными изображениями имеется большое количество рисунков сакского времени (VI—III вв. до н. э.), часть, очевидно, кушанского (первые века н. э.), к которому относится и отмеченная надпись карошты. Много рисунков и более позднего времени, вплоть до недавнего прошлого, о чем свидетельствуют многочисленные арабские надписи, в основном имена: محمد, علي и т. п.

Район Даршай с его наскальными изображениями, которые неоднократно отмечались путешественниками (Бобринской, Олуфсен, Стайн), был, несомненно, издавна культовым местом. Без мостов и современной дороги он был сравнительно неприступным. Снизу и сверху он ограничен обрывистыми уступами скал, с востока и запада глубокими и узкими ущельями (Даршай I и Даршай II), в глубине которых с грохотом несутся горные потоки, впадающие в Пандж

¹ А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью. КСИИМК, XIX.

На верхней террасе над этой культовой площадкой расположена постройка, типичная для древнего Вахана, т. е. кушано-эфталитского времени. Даршайская надпись, наряду с надписью карошти из Термеза,¹ является самой северной из известных надписей этого типа.² Перевод надписи и уточнение датировки имели бы важное значение для историко-археологического изучения памятников Памира.

3. Печать из Тараза

В 1938 г. в стратиграфическом раскопе древнего города Тараза, в V слое, датируемом нами V—VIII вв. н. э., около очага в завале домашней утвари была

Рис. 3. Пастовая печать с надписью уйгурским шрифтом. Казахстан, г. Джамбул (древний город Тараз).

найдена печатка с надписью, из плотной пасты бледно-голубого цвета. Четырехугольная сторона печати с надписью имеет размер $9,5 \times 12,5$ мм. С обратной стороны она срезана и имеет вид пирамиды (рис. 3). Если сделать оттиск этой печати, то получится совершенно точное воспроизведение слова $\text{cuj} = \text{cuj}$ — уйгурскими буквами. Это слово мы неоднократно наблюдали как первое слово надписей на хумах, найденных в Чуйской долине в Сарыге.³ Любопытно, что клеймо cuj имело какое-то особое значение, и не только в Чуйской долине, но и к западу — на Таласе.

Быть может, печатка была утеряна в этих местах жителем Чуйской долины. Печатка подтверждает ранее нами высказанное предположение, что термин cuj имеет этногеографическое значение и связан с именем племен Чуйской долины.⁴

¹ М. М а с с о н. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1938 г., Ташкент, 1940, стр. 81.

² Sten K o n o v. Kharoshthi Inscriptions with Exception of those of Aśoka. Corpus Inscriptionum Indicarum, т. II, ч. I, Calcutta, 1929, см. карту, где самая северная надпись отмечена на реке Сват (Swat) в местности Тирас (Tirath).

³ А. Н. Б е р н ш т а м. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947. С термина cuj начинаются и остальные надписи на хумах, подготавливаемые нами к печати.

⁴ А. Н. Б е р н ш т а м, ук. соч., стр. 35.

Г. В. ЦЕРТЕЛИ

АРМАЗСКОЕ ПИСЬМО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО АЛФАВИТА. II¹

Открытие армазского письма выдвигает вопрос: в каком отношении находится это письмо с алфавитом того народа, для которого Мцхета-Армази на протяжении веков являлся центром политической и культурной жизни, именно с грузинским. Выяснение этого вопроса тем более важно, что при археологических раскопках в Мцхета найдены были греческие, еврейские, персидские и арамейские надписи, а грузинских пока не видно. Значит ли это, что в ту эпоху грузинское письмо еще не существовало и что, таким образом, оправдывается предположение о создании грузинского алфавита в V в. н. э. или, быть может, это объясняется другими причинами и, несмотря на отсутствие памятников с грузинскими надписями армазской эпохи, мы все же имеем основания предполагать существование в это время грузинского письма? Решение этой проблемы полностью связано с вопросом о взаимоотношениях армазского и грузинского письмен. Если выяснится, что грузинское письмо связано с армазским, и, вместе с тем, удастся показать, что отдельные грузинские буквы обнаруживают большую архаичность, чем армазские, то предположение о существовании грузинского письма в армазскую эпоху сделается более убедительным; и наоборот, если выяснится, что грузинское письмо не имеет никакой генетической связи с армазским, то вопрос о происхождении грузинского письма попрежнему будет оставаться открытым.

При изучении вопросов о связи грузинского алфавита с армазским мы всегда должны учитывать различный характер взаимоотношений между алфавитами и не делать поспешных выводов на основании лишь внешнего сходства между ними. Сходство между двумя алфавитами еще не значит, что один из них происходит от другого. Иногда это объясняется тем, что оба они имеют один общий источник, или же тем, что форма и начертание той или иной буквы меняется под влиянием другого алфавита. При изучении языковых взаимоотношений ведь не придают никакого значения простому сходству слов, пока не будут установлены закономерные соответствия между ними и не будет выяснена история этих слов. Всем известны случаи, когда два слова, внешне ничего общего между собою не имеющие, оказываются родственными при

¹ См.: Эпиграфика Востока, II, М. — Л., 1948, стр. 90—101.

изучении истории их развития.¹ Кроме того, мы располагаем достаточным количеством примеров, когда слова, похожие друг на друга и фонетически и семасиологически, генетически ничего общего между собой не имеют. То же самое касается алфавитов, и при изучении их родственных отношений должны быть применены те же методы, как и при выяснения генетических связей между разными языками. К сожалению, при изучении вопроса о происхождении грузинского алфавита пренебрегали этой истиной, и часто установление существования одинаковых букв в грузинском и в греческом было достаточным для появления различных теорий относительно греческого происхождения грузинского письма. При этом не пытались выяснить, оправдывается ли сходство отдельных букв их закономерным развитием, в чем заключается разница в начертании других букв и чем она вызвана. Без учета истории отдельной формы буквы, ее развития и изменения отдельных штрихов, даже при наличии сходства между буквами вряд ли можно делать соответствующие выводы относительно генетических связей алфавитов. Так, например, утверждения о том, что грузинское *d* (рис. 1) представляет

Рис. 1—61. Сравнительная таблица алфавитов.

зинского алфавита пренебрегали этой истиной, и часто установление существования одинаковых букв в грузинском и в греческом было достаточным для появления различных теорий относительно греческого происхождения грузинского письма. При этом не пытались выяснить, оправдывается ли сходство отдельных букв их закономерным развитием, в чем заключается разница в начертании других букв и чем она вызвана. Без учета истории отдельной формы буквы, ее развития и изменения отдельных штрихов, даже при наличии сходства между буквами вряд ли можно делать соответствующие выводы относительно генетических связей алфавитов. Так, например, утверждения о том, что грузинское *d* (рис. 1) представляет

¹ Классическим примером являются персидские слова *vard* и *gül*, происходящие от одного и того же слова.

собой обратное, зеркальное отображение греческого Г (рис. 2), имеют мало цены, ибо для „поворота“ буквы требуются определенные условия и если этих условий не имеется, то сходство придется объяснить другими причинами. Другое дело, если речь идет о „перевертывании“ буквы в том случае, когда она взята из того языка, где письмо идет в противоположном направлении, и впоследствии, при изменении направления письма, буква принимает обратное, зеркальное отображение своего прототипа. Или, например, трудно объяснить характерные для тех или иных букв загибы влево (например грузинские *в*, *д*, и т. д., рис. 3—4) в письме, которое идет слева направо, иначе как пережитком той эпохи, когда текст писался в противоположном направлении. Поэтому нельзя связать эти буквы с таким письмом, которое пишется в том же направлении, что и грузинское, и у которого загибы стволы изменены в соответствии с новым направлением письма.

Сходство между отдельными грузинскими и греческими буквами нередко приводило исследователей к выводу о родстве грузинского алфавита с греческим. Еще в 1876 г. Гардтхаузен создал теорию о греческом происхождении грузинского и армянского алфавитов.¹ Впоследствии он повторил то же самое в вышедшей в 1913 г. своей капитальной работе „Греческая палеография“.² В 1921 г. он третий раз коснулся этого вопроса с попыткой возобновить выдвинутую в 80-х годах прошлого столетия свою теорию, которую поддерживали и некоторые другие. Потом Фр. Мюллер,³ а затем Тейлор⁴ выдвинули предположение о происхождении грузинского и армянского от персидско-арамейского. Кроме того, И. Маркварт⁵ в своей работе, вышедшей в 1917 г., высказывается против теории Гардтхаузена и, несмотря на то, что проявляет слишком большое доверие к некоторым источникам об изобретении грузинского, армянского и албанского шрифтов, предполагает, что до V в. н. э. в Иверии для официальных документов должна была существовать какая-то разновидность пехлевийского письма. Против теории о греческом происхождении грузинского письма резко выступил Х. Юнкер в своей специальной работе „Алфавит Авесты и происхождение армянского и грузинского письма“.⁶ По словам Юнкера, то, что Хюбшманну и Де Лагарду могло казаться обоснованным в 80-х годах прошлого столетия, когда многие памятники персидско-арамейской письменности еще не были известны и когда не было ясного представления о развитии этого письма, сегодня вряд ли может выдержать критику. Но и сам Юнкер под влиянием Маркварта тоже придает слишком много значения сведениям об изобретении алфавитов Маштоцем. Несмотря на это, при сравнительном изучении грузино-армянских и персид-

¹ W. Gardthausen. *Über den Griechischen Ursprung der armenischen Schrift*. ZDMG, XXX, 1876, стр. 79 и сл.

² W. Gardthausen. *Griechische Paläographie*, 2-изд., Leipzig, 1913, т. II, стр. 47.

³ Fr. Müller. *Über den Ursprung der armenischen Schrift*. SB AW, 43.

⁴ I. Taylor. *The Alphabet*, т. II, 1883, стр. 268 и сл.

⁵ J. Marquart. *Über den Ursprung des armenischen Alphabets in Verbindung mit der Biographie des Heiligen Mästoc*. Wien, 1917.

⁶ Junker. *Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift*. Caucasia, 1925, 2, стр. 1—92; 3, стр. 82—139.

ско-арамейских шрифтов он приходит к выводу, что в целом ряде случаев грузинский обнаруживает определенные родственные связи с персидско-арамейским. Но так как происхождение грузинского и армянского алфавитов для него связано с именем Маштоца и этот последний является деятелем V в., то датой изобретения¹ грузинского алфавита он считает V век, именно 402-403 гг. А к этому времени Маштоц мог взять в качестве образца три системы персидско-арамейского письма: 1) пахлавйк; 2) пәрси́к; 3) „смешанную“ систему Авесты. Но поскольку и Авесту и армянское письмо одинаково характеризует „неповоротливость“ знаков, то автор считает естественным, чтобы в армянском алфавите мы встречали следы третьей, „смешанной“ системы, тем более, что состав знаков первых двух систем не был достаточен для передачи армянских звуков.¹

Ввиду того, что, по его мнению, грузинский алфавит создан тем же Маштоцем, то и в нем должны мы видеть следы иранской основы.² Для нас в настоящее время соображения относительно Маштоца и изобретения им грузинского³ и даже армянского письма имеют мало значения.

Трудно также согласиться с выводом Юнкера о том, что прототипом грузинского алфавита является иранское письмо. Соображения Юнкера важны в том отношении, что при изучении грузинско-армянского сравнительно с иранским для него стало очевидным родство между грузинским и иранским. А это естественно, если исходить из точки зрения, что грузинское и иранское письмена происходят от одного общего источника, и понятно, что в них обнаруживаются родственные связи друг с другом, так же как и с другими письменами арамейского происхождения. Характерно также, что Юнкер, который придает слишком много значения роли Маштоца в деле создания грузинского алфавита, в результате изучения материала вынужден заключить, что в грузинских буквах обнаруживаются такие формы, которые могут быть понятны только как более древняя, переходная ступень между армянским и персидско-арамейским.⁴ Важно также то, что больше всего параллелей автор находит в Авесте, письмо которой он считает „смешанным“. Теперь у нас имеется в центре древней грузинской культуры своеобразная система письма, тоже „смешанная“, если исходить из пехлевийского и парсийского, и это обязывает нас искать в другом направлении путей для разрешения одной из кардинальных проблем истории грузинской культуры — происхождения грузинского алфавита.

Еще в 1926 г. покойный академик И. А. Джавахишвили, касаясь вопросов происхождения грузинского письма, обратил внимание на исключительное сходство грузинских букв с финикийско-арамейскими и другими восточными письменами семитического происхождения.⁵ В связи с этим он выдвинул теорию

¹ Юнкер, ук. соч., стр. 17.

² Юнкер, ук. соч., стр. 17.

³ Об этом см.: И. А. Джавахишвили. Грузинская палеография. Тбилиси, 1926, стр. 189 и сл.

⁴ „Грузинское письмо поэтому имеет для наших наблюдений особую ценность, ибо в отдельных случаях оно обнаруживает такие начертания, которые могут быть понятны как более древние и промежуточные между персидско-арамейскими основными формами и армянскими знаками“ (Юнкер, ук. соч., стр. 8).

⁵ И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 190 и сл.

о происхождении грузинского письма от финикийско-арамейского. Но главное затруднение при решении вопроса он видел в хронологической и, отчасти, территориальной отдаленности сравниваемых материалов. Теперь это затруднение устранено, ибо появилось в виде армазского письма промежуточное звено, к которому в хронологическом отношении непосредственно примыкают древнейшие памятники грузинского письма. Устранено также затруднение иного порядка. В Мцхета, древней столице Грузии, открыто своеобразное письмо, отличное от всех известных до сих пор других алфавитов. Уже сам этот факт дает возможность предположить существование какой-либо связи этого алфавита с грузинским. Поэтому при установлении сходства той или иной буквы этого алфавита с грузинским будем иметь больше оснований для утверждения о родстве между ними. Если бы указанный алфавит был найден где-нибудь в Южной Аравии или Абиссинии, то мы эти сходства могли бы объяснить как результат случайных совпадений, но наличие в одном и том же месте двух систем письма и определенное сходство между ними поневоле выдвигает вопрос о генетических связях.

Указанное сходство между отдельными грузинскими и армазскими буквами не так уж незначительно. Общий стиль армазского письма, загибы створок и добавочные элементы букв значительно приближаются к грузинскому. Проявляется сходство и в начертании отдельных букв. Уже при издании билингвы было отмечено близкое сходство армазского ρ (рис. 5) с грузинским ρ (рис. 6).¹ Это явление имеет исключительное значение, ибо для знака, обозначающего губной спирант, до сих пор параллели находились только в греческом, что и служило одним из самых главных доказательств в пользу теории о родстве грузинского с греческим, тем более, что начертание самого греческого φ было специфически греческим и его параллели в памятниках семитической письменности не были найдены.² В надписи царя Митридата из Армази мы имеем единственный случай написания в семитическом письме этой буквы подобно греческому φ и грузинскому ρ , и после этого нечего искать аналогию грузинскому ρ где-нибудь в другом месте, в то время как мы сами имели такой знак.

Весьма интересен также вопрос о грузинском \succ (рис. 7). В данном случае важно не только сходство между грузинским \succ и армазским \succ (рис. 8), а то обстоятельство, что этот знак в армазском имеет определенную тенденцию к уподоблению грузинскому.

В целом ряде древнейших памятников арамейской письменности правый длинный ствол буквы проявляет склонность к загибанию влево.³ В пальмирском эта часть буквы уже сильно загнута влево (рис. 9), а в еврейском квадратном шрифте образует почти уже замкнутый круг (рис. 10)⁴. В армазской надписи

¹ АБ, русск. изд., стр. 15; груз. изд., стр. 11.

² W. Larfeld. Griechische Epigraphik. 1914, стр. 230 и сл.; И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 218.

³ M. Lidzbarsky. Handbuch d. nordsemitischen Epigraphik, II. 1898, табл. XXXVII и сл.; также табл. XLV.

⁴ См. NE, II, табл. XLIV, XLV, XLVI; также: Д. А. Хвольсон. Сборник еврейских надписей, Пб., 1884, таблица, составленная Ю. Эйтингом.

Митридата буква имеет такую форму, как в среднеиранском, и оба вертикальных ствола имеют почти одинаковую длину (рис. 11). При этом у правого ствола заметна незначительная тенденция загнуться вправо. Уже в билингве левый ствол стоит на пути сокращения и вырождения. Он уменьшился до такой степени, что вместе с надстрочным коротким штрихом образует дугу, направленную влево (рис. 8); правый ствол сильно загнут вправо, совершенно так, как это характерно для грузинского (рис. 7).

Сходство этих букв между собою тем более характерно, что начертание самех билингвы является специфически армазским и существенно отличается от всех известных начертаний этой буквы. Именно то, что отличает самех от начертания соответствующей буквы в других письменах, сближает его с грузинским, и это является для нас наиболее интересным.

Но важнее всего сходство между грузинским ς (рис. 12) и армазским $\varsigma\grave{a}d\grave{e}$ (рис. 13). При издании билингвы¹ было указано, что армазское $\varsigma\grave{a}d\grave{e}$ почти идентично, с одной стороны, с средне-финикийским ς (рис. 14), а с другой — грузинским нухури ς (рис. 12). От финикийского буква отличается только тем, что у нее отсутствует надстрочный короткий штрих.² Для связи указанных знаков армазского и грузинского алфавитов важно также фонетическое соответствие между грузинским ς и семитическим ς . Этот последний, как известно, передается в грузинском и армянском через ς .³ Но возникает вопрос: что лежит в основе знаков, обозначающих родственные с ς звуки? Для этого не лишне уяснить себе, как выражены аналогичные звуки в других языках.

В пехлевийском существовало две шипящих аффрикаты $\check{\varsigma}$ и \check{j} и два шипящих спиранта $\check{\varsigma}$ и \check{j} .⁴ При образовании пехлевийской азбуки на основе арамейского для $\check{\varsigma}$, как это следовало ожидать, был использован $\check{\varsigma}$, но так как для звонкого шипящего звука \check{j} , а также для аффрикат $\check{\varsigma}$ и \check{j} , кроме $\varsigma\grave{a}d\grave{e}$ ($\check{\varsigma}$), другого знака не оставалось, именно этот знак был использован для обозначения всех этих трех звуков ($\check{\varsigma}$, \check{j} , \check{j}).⁵

Для этого было достаточно основания, тем более что сами семиты с помощью $\check{\varsigma}$ передавали иностранные (китайские, персидские) аффрикаты. В парсийском также тот же знак был использован для обозначения аффрикат $\check{\varsigma}$ и \check{j} . Таким образом, арамейское $\check{\varsigma}$ в персидском было многозначным.

В грузинском и армянском мы имели значительно большее количество аналогичных звуков, именно: придыхательные ς (рис. 15) и $\check{\varsigma}$ (рис. 16); резкие эйективные ς (рис. 12) и $\check{\varsigma}$ (рис. 17); и кроме того звонкие ς (рис. 18) и \check{j} (рис. 19). Каким образом должны были передаваться указанные грузинские звуки с помощью арамейских знаков? Для передачи глухих аффрикат был единственный способ: использовать $\check{\varsigma}$, которым в самом семитическом обыкновенно передавались иностранные аффрикаты и который персами был использован для тех

¹ АБ, стр. 16, прим. 3; стр. 11, прим. 10.

² Например: Д. А. Хвольсон, ук. соч., табл.; NE, II, № 6, строка 3, табл. VIII.

³ АБ, стр. 16, прим. 3.

⁴ Junker, ук. соч., стр. 9.

⁵ Junker, ук. соч., стр. 9 и сл.

же целей. Надо думать, что и грузины избрали этот путь для передачи с, ś, ç, ç̣, используя один и тот же знак Ψ и с помощью его модификации создав разные буквы. Возможно, что эта модификация произошла не в грузинском, а с самого начала в качестве прототипа всех четырех аффрикат были взяты модифицированные варианты арамейского Ψ , существующие в самом семитическом (рис. 20).¹ Это станет очевидным, если учесть развитие в семитических письменах старого çādē .

В древнейших памятниках финикийской и арамейской письменности Ψ представляет собою вертикальный ствол, от которого идет вправо горизонтальный штрих. К этому штриху с правой стороны присоединен угол, обращенный вверх (рис. 21).² Из этой первоначальной формы буквы впоследствии развиваются ее многочисленные варианты.

Один из них вызван тем, что буквы, оканчивающиеся идущими вправо штрихами, делающими необходимым отрыв руки, чтобы знаки не слились с соседними буквами, загибаются в этих концах влево, и таким образом $f > t$; $\iota > l$; $\Psi > \Omega$, а первоначальный $|\prime > |\prime^{\text{M}}$.³ Эта форма, засвидетельствованная еще в среднефиникийском (рис. 14),⁴ легла в основу армасского ç (рис. 13) и грузинского ç̣ (рис. 12). Разница заключается только в том, что в армасском надстрочный короткий ствол уже исчез — явление встречающееся и в некоторых других буквах, полученных от того же знака.⁵ Сходство между грузинским ç̣ и семитическим ç Ψ можно было бы заметить и раньше, но тогда это могло быть недостаточным для утверждений об их родственных связях, из-за большой хронологической отдаленности. А теперь появился армасский посредник между ними, и думаю, что вопрос о ç̣ можно считать решенным.

Кроме указанного варианта Ψ , от которого получен груз. ç̣, встречаются и другие разновидности буквы. Еще в финикийском, а затем в целом ряде памятников арамейской письменности вместо появления добавочного штриха, придающего верхней части буквы зигзагообразную форму, исчезает крайний правый ствол, и буква принимает форму вертикального ствола, с коротким горизонтальным штрихом, загнутым вниз (рис. 22).⁶ Этот вид буквы идентичен с грузинским нусхури ç̣ (рис. 16), и надо думать, что этот последний происходит от указанного вида Ψ . Совершенно незначительная разница между ними заключается в том, что в грузинском верхняя часть вертикального ствола загнута несколько вправо, соответственно с направлением письма.

Повидимому, от этого же знака (рис. 22) происходит и грузинский нусхури с (рис. 15). В данном случае надстрочный короткий ствол значительно уменьшен, подобно тому, как это случилось с ç̣, но его следы можно еще заметить

¹ NE, II, табл. XLVI.

² См., например, известную надпись Мешы (NE, II, табл. I.).

³ NE, I, стр. 179; AB, стр. 8.

⁴ Ср., например, надпись 96 г. до н. э. (NE, II, табл. VIII, 6).

⁵ NE, I, стр. 179.

⁶ NE, II, табл. VI, 2, 3; XLV.

в ранних списках нуска — хуцури и мтаврული рукописей.¹ Главная разница между \check{c} (рис. 16) и c (рис. 15) заключается именно в величине надстрочного штриха. Кроме того, для c характерен более сильный загиб (вплоть до того, что в месте загиба образуется угол) нижней части вертикального ствола вправо, сравнительно с более прямой линией \check{c} , но в отдельных случаях (например в рукописи 1081 г. Афонского монастыря) мы встречаем довольно сильный загиб указанной части вертикального ствола вправо (рис. 23).²

Кроме того, в набатейском,³ а также в еврейском квадратном шрифте⁴ мы встречаем другой вариант \check{y} : 1) правый косой ствол совершенно исчез; 2) надстрочный короткий штрих значительно сокращен и стоит на пути вырождения, как в вышеуказанных случаях; 3) нижняя часть вертикального ствола загнута влево (рис. 24), после чего буква становится почти идентичной с грузинским \acute{e} (25). Характерно, что при грузинском \check{c} (25), а также как и при \check{c} (12) и \check{c} (15) в целом ряде случаев мы встречаем следы надстрочного короткого штриха.⁵ Кроме того, в грамоте 1058 г., пожалованной Багатом IV Шио-Мгвимскому монастырю,⁶ мы встречаем такое написание \check{c} , где появляется добавочный знак, придающий верхней части буквы зигзагообразную форму (рис. 26). Возможно, что это — след того добавочного штриха, который характерен для армазского \check{c} и грузинского \check{c} и который развился еще в финикийском и арамейском. Эта деталь определенно указывает на генетическое родство между грузинским \check{c} и грузинским же \check{c} .

Весьма вероятно, что c с указанным знаком (\check{y}) связан генетически также грузинский \check{z} (27), как это утверждал в свое время Юнкер.⁷ В таком случае мы имеем бы пример обратного, зеркального отображения буквы при изменении направления письма.⁸

Таким образом, тот факт, что буквы c , \check{c} , \check{c} , \check{c} и возможно \check{z} в отношении начертания обнаруживают исключительное сходство с разными вариантами семитического \check{y} , а также то обстоятельство, что персы для обозначения переднеязычных аффрикат употребляли \check{y} и что сами семиты для передачи иноязычных аффрикат пользовались тем же \check{y} , дает нам основание думать, что указанные грузинские буквы происходят от \check{y} . Характерно также, что все эти четыре аффрикаты в грузинском алфавите расположены вместе: \check{c} in, \check{c} an, [zil], \check{c} il, \check{c} ar. Их разъединяет только \check{z} , который, кстати, по Юнкеру,⁸ тоже происходит от \check{y} .

¹ Например, пергаментно-папирусная рукопись 981 г. Иоанна Зосима из Синайского монастыря, рукопись 1002 г. Афонского монастыря; грамота 1058 г. Баграта IV и множество других (И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I).

² И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I; ср. рис. 15 и 23.

³ Д. А. Хвольсон, ук. соч., табл. шрифтов Ю. Эйтинга; NE, II, табл. XXIIX, 2; XXX, 1.

⁴ Д. А. Хвольсон, ук. соч., ук. табл.; NE, II, табл. XLII, 5. — И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I.

⁵ Ср., например, рукопись 981—982 гг. Иоанна Зосима из Синайского монастыря, № 6.

⁶ И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I.

⁷ Junker, ук. соч., Caucasica, 1926, Fasc. 3, стр. 117 сл.; ср. также И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 216 сл.

⁸ Junker, ук. соч., табл. 7, стр. 119.

Сходство указанных букв с семитическим письмом имеет исключительное значение. Это как раз те буквы, которые отсутствуют в греческом, и поэтому они не могли быть заимствованы из греческого. Каково бы ни было решение вопроса о происхождении грузинского алфавита, прототипы указанных грузинских букв мы должны искать в семитическом.

Кроме указанных букв, ряд других знаков также обнаруживает сходство между армазским и семитическим письмом. Размеры статьи не позволяют коснуться всех случаев сходства между отдельными знаками. Отметим только некоторые из них, наиболее важные для изучения истории грузинского письма, в частности *в* и *д*.

Для всякого, знакомого с историей развития семитического бета, станет очевидным, что между армазским *в* (рис. 28) и грузинским *в* существует закономерное соответствие, хотя с первого взгляда как будто между ними нет ничего общего. Армазское *в*, как уже было отмечено,¹ обнаруживает родство с парсайским (рис. 29).² Аналогичную форму имеет также набатейское z (рис. 30),³ разившееся из той формы буквы, которая полностью сохранилась в грузинском. Грузинское нусхури *в* (рис. 31), можно сказать, идентично со староарамейским z (рис. 32, 1).⁴ Только в мтаврули характеризуется он загибом вертикального ствола вправо (рис. 33), что является результатом изменения первоначального семитического направления письма, когда стали писать слева направо. Несмотря на это, если верно предположение И. А. Джавахишвили⁵ о том, что замкнутость верхней части буквы является пережитком первоначального положения, и если это не вторичное явление, то мы имели бы любопытный случай, когда верхняя часть буквы сохраняет архаичную форму в мтаврули, а нижняя — в нусхури. Старо-арамейское *в* (рис. 32) впоследствии теряет левый вертикальный ствол, а верхний горизонтальный штрих соединяется с вертикальным в его верхней части, вследствие чего буква приобретает форму двух горизонтальных линий, объединенных между собою вертикальным стволом, так, например, в пальмирском, сирийском и еврейском квадратном шрифте (рис. 34). Впоследствии верхний горизонтальный штрих сокращается, после чего буква принимает форму, засвидетельствованную в набатейском, парсийском и армазском (рис. 30, 35). Отсюда ясно, что груз. *в* не может быть рассматриваемо как дальнейшее развитие армазского *в*. Наоборот, армазское *в* представляет собою развитие той формы буквы, которая сохранилась в идентичной с древнейшим арамейским типом грузинской буквы.⁶

То же самое касается *д*. В то время как в довольно древних греческих надписях старая семитическая *д* (рис. 37) уже повернута вправо, в грузинском

¹ АБ, стр. 9.

² См., например, надпись Шанюра на Ка'ба-и Зардушт (M. Sprengling. Zur Parsik-Inschrift an der 'Kaaba des Zoroaster'. ZDMG, V. 91, № 3, 1937, фотография; также последний номер AJSL, 1940).

³ NE, II, табл. XXIX, I; XXIX, 2 и др.

⁴ См., например, надпись V—IV вв. до н. э., NE, II, табл. XXVI, 3.

⁵ И. Джавахишвили, ук. соч., стр. 199 сл.

⁶ Ср. АБ, стр. 49.

она сохранила первоначальное направление. Древнейший семитический тип гимеля, как известно, состоит из двух линий, соединенных в верхнем углу (рис. 36).¹ Впоследствии левый ствол несколько укорачивается и принимает горизонтальное направление (рис. 37),² между прочим, в самаританском (рис. 38). В более поздних памятниках арамейской письменности место слияния левого ствола с правым опускается вниз, как, например, в пальмирском (рис. 39, П)³ и еврейском квадратном шрифте (рис. 40).⁴ В армазском (рис. 41),⁵ сирийском (рис. 42)⁶ и парсийском (рис. 43)⁷ место слияния этих двух стволов сдвинулось еще ниже. В грузинском мтаврули (рис. 44), подобно самаританскому (рис. 38), сохранилась первоначальная форма, но там появился добавочный элемент в виде загнутого вправо штриха, который мог развиваться в результате изменения направления письма. Противоположное направление того же штриха в нусхури. (рис. 45) свидетельствует о том, что еще в ту эпоху, когда текст писался справа налево, в грузинском курсиве успел появиться в соответствии с тогдашним направлением письма загиб влево, который в качестве пережитка, подобно *в*, сохранился и в *д*.

Начертания *в* и *д* имеют исключительное значение для изучения истории грузинского письма. Эти буквы обнаруживают значительно большую архаичность, чем армазские знаки, и сами представляют собою прототипы, от которых произошли соответствующие армазские знаки. Поэтому мы не можем рассматривать грузинское письмо как дальнейшее развитие армазского письма. Оно только является родственным с ним и вместе с ним происходит от одного общего источника — арамейского.⁸ Этим объясняется, что в армазском мы не найдем прототипов для всех грузинских букв.⁹ Если исходить из древнеарамейского, в одних случаях грузинские буквы обнаруживают большую архаичность, в других — армазские.

В данном случае, наряду со сходством, мы встречаем и расхождения, как это наблюдается в двух родственных языках. С другой стороны, подобно тому как при сравнительном изучении языков мы встречаем родственные слова и формы в таких языках, которые значительно отдалены друг от друга географически, в то время как в промежуточных языках подходящие соответствия отсутствуют, точно так же для того или другого грузинского знака мы можем найти аналогии не только в таких близких по географическому распространению алфавитах, как армянский, но даже и в таких отдаленных письменах, как фини-

¹ NE, I, стр. 182.

² NE, II, табл. XLVI.

³ NE, II, табл. XXX, 3; XXXIX, 5 и др.

⁴ NE, II, табл. XLXI.

⁵ AB, табл. I, П.

⁶ NE, I, стр. 192.

⁷ См. надписи Шапюра: M. Sprengling, ук. соч.

⁸ AB, стр. 19.

⁹ Хотя случаи сходства между грузинскими и армазскими буквами не исчерпываются лишь указанными примерами; см. ниже, стр. 71.

кийское,¹ парсийское, пехлевийское, Авеста, согдийское и даже хараошти.² Этой же причиною можно объяснить некоторое сходство грузинского с греческим. В конце концов греческое письмо ведь тоже происходит от семитического.

Но с греческим грузинское письмо связывает еще другое обстоятельство. Нельзя пройти мимо факта исключительного сходства, в некоторых случаях даже идентичности, грузинской системы письма с греческим. Чем это объяснить?

В специальной литературе уже делались попытки объяснить это сходство следствием сближения грузинского и армянского³ письмен с греческим в процессе культурно-исторических связей. Это сходство заключается в следующем: 1) изменение направления письма (направление письма — слева направо, вместо первоначального семитического направления — справа налево); 2) совпадения в порядке букв; 3) общие дуктус, стиль и манера письма; и, наконец, к этому следует добавить 4) применение специальных знаков для обозначения гласных.

Действительно, достаточно сравнить грузинские (и армянские) заглавные (мтаврული) буквы с греческими, чтобы сразу убедиться в их исключительном сходстве. Даже в тех случаях, когда отдельные буквы имеют совершенно различные начертания, общий характер знаков одинаковый. Важно также, что это сходство в буквах мтаврული сказывается в гораздо большей степени, чем в строчном мхедули. Объясняется это, повидимому, тем, что, являясь орнаментальным шрифтом и шрифтом официальных документов, мтаврული больше подвергалось изменениям, чем нухури, употреблявшееся на первых порах в частном обиходе.

Еще больше сказывается близость с греческим в обозначении гласных. В данном случае аналогию мы имеем и в других письменах. Так, например, письмо Авесты, повидимому, обязано греческому введению системы обозначения гласных.⁴ Такое письмо арамейского происхождения, как эстрангело, в котором по обычному семитическому правилу гласные буквы отсутствуют, даже самые знаки, обозначающие гласные, прямо взяты из греческого.⁵ Под влиянием греческого письма намечается, по нашему мнению, развитие системы гласных в армзском письме. Так, например, в борийской надписи *ა*, *ი*, *ი* просто употребляются для обозначения *а*, *и*, *и*.⁶ Греческому обязано, по всей вероятности, грузинское письмо введением системы гласных. Даже самые знаки, обозначающие некоторые гласные,⁷ просто взяты из греческого, вследствие чего они и идентичны с греческим письмом. Это касается, прежде всего, мтаврული *ო* (рис. 46),

¹ См. выше, относительно *ϕ*.

² В алфавите *Khoroṣṭhi* Юнкер неоднократно находит параллели для некоторых армянских и грузинских букв (Caucasica, 1925, Fasc. 2, стр. 1 сл.; 1926, Fasc. 3, стр. 82 и сл.).

³ Taylor. The Alphabet. An account of the Origin and Development of Letters. London, v. II, 1883, стр. 268 и сл. — Junker, ук. соч., стр. 5.

⁴ Ср.: Junker, ук. соч., стр. 10 и сл.

⁵ Th. Nöldcke. Kurzgefasste Syrische Grammatik. 2-е изд., Leipzig, 1898, стр. 8.

⁶ А. Я. Борисов. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). Сообщения Государственного Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 8 и сл.

⁷ Но не все, например, буквы для *а* и *и*, повидимому, представляют собою продолжение старой арамейской традиции. Ср.: Junker, ук. соч., стр. 75 и сл.

которое мало чем отличается от соответствующего греческого знака \circ (рис. 47).¹ Почти прямым указанием на греческое заимствование является способ написания u с помощью комбинации двух букв o и v (рис. 48) подобно греч. ou (рис. 49). Греческому влиянию обязано также существование так называемого восьмого ξ (рис. 50). Древнейшее начертание этой буквы в греческом (рис. 51) почти идентично с грузинским мтавули ξ .

Больше того, как выяснило специальное исследование,² в древнегрузинском эта буква, собственно, даже не имеет строго разграниченной функции. Объясняется это, по нашему мнению, тем, что она не представляла собою соответствия реально существующему звуку живой грузинской речи, а введена под влиянием греческого: в классическую эпоху в греческом было два знака для обозначения e , и при приспособлении грузинского алфавита к греческому было создано тоже два знака (рис. 52, 53); и для обозначения o , подобно двум греческим буквам \circ (рис. 54) и ω (рис. 55), тоже ввели два знака (рис. 56, 57), из которых последний также вряд ли отражал звук живой речи.

Любопытно еще то обстоятельство, что буква \bar{e} занимает восьмое место в алфавите. Тот факт, что для обозначения числа 8 в древнегреческом часто употребляется буква h ,³ свидетельствует о том, что первоначально на восьмом месте стояла именно h , которая впоследствии была вытеснена буквой \bar{e} . На этом примере можно убедиться, что даже некоторое сходство в порядке букв между грузинским и греческим является результатом позднейшего изменения и свидетельством о греческом происхождении грузинского алфавита служить не может. Этим объясняется также то, что при наличии этих совпадений в целом ряде случаев порядок грузинских букв расходится с греческим и примыкает к семитическому.

Все эти факты говорят о сильном влиянии греческого письма на грузинское, которое особенно могло усилиться при христианизации Грузии,⁴ когда появилась

¹ См., например, надпись Сахадухта, где грузинское o пишется совершенно так же, как греческое (Г. Бочоридзе. Памятник Джвариси. Архив Грузии, кп. III, Тбилиси, 1927, стр. 206—208, рис. I—III—Ш. Амيرانашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, табл. 116).

² М. Каучишвили. Материалы для истории древнегрузинского \bar{e} . (Тезисы диссертации). Изд. Акад. Наук Груз. ССР, Тбилиси, 1945.

³ Следует отметить, что вместо \bar{e} часто употребляется h и таким образом $h = 8$, а \bar{e} обозначает 8000. Читатель должен помнить, что в таких случаях нет никакой ошибки, а совершенно сознательно применяемое правило. В надписи, содержащей приказ картлийского католикоса г. Ани, Епифания, дата — хороинок 438 — обозначена буквами $\text{ჰ} \text{წ} \text{წ}$ (Н. Марр. Надпись Епифания, Католикоса Грузии, ИАН, 1910, стр. 1436—1439), и здесь вместо \bar{e} употреблено h . (И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 147).

⁴ Об этом больше всего свидетельствует начертание грузинского k . В армазском письме, а также в некоторых поздних памятниках арамейской письменности, эта буква состоит из двух линий, одной вертикальной и одной горизонтальной (рис. 58). Впоследствии в месте пересечения этих стволков появляются выступающие штрихи и буква принимает форму (рис. 59), легшую в основу груз. k . Но так как с этой буквы „ k “ начиналось слово „Христос“ (Кристе) и она стояла в начале почти каждой грузинской надписи в качестве символа Христа и Креста (так называемое $\text{kap} = \text{cill}$), то буква принимает форму настоящего креста, как это имеем в древнейших памятниках грузинской эпиграфики, например в надписях V—VI вв.

необходимость в приспособлении грузинского письма к греческому. Возможно, что в армянских сообщениях о деятельности Месропа Маштоца сохранились отголоски того события, которое произошло при реформе письма в связи с христианизацией Грузии. Основной же материал, из которого состоит грузинская азбука, по всей вероятности восходит к арамейскому, легшему в основу целого ряда восточных шрифтов. В связи с этим нельзя связывать возникновение грузинского письма с эпохой христианизации,¹ ибо в таком случае не стали бы брать в качестве его основы дохристианскую языческую азбуку, а использовали бы греческое письмо, которое, кстати, имело продолжительные традиции развития и распространения на территории Грузии.

При сравнении армазского письма с грузинским мы часто находим параллели в строчном письме нусхури. Значит ли это, что мы рассматриваем нусхури как более древнее письмо сравнительно с мтаврული, вопреки мнению большинства исследователей? Возникает вопрос: какая из этих двух разновидностей грузинского письма появилась раньше: мтаврული или нусхури? По нашему мнению, такую постановку вопроса едва ли можно считать оправданной. Развитие грузинского письма не представляется нам по библейской схеме: мтаврული породило нусхури, нусхури породило мхедрули и т. д. Действительность значительно сложнее. Трудно допустить мысль, что письмо нусхури создано именно в той эпохе, в которой оно впервые встречается. Вероятнее всего, оно имеет значительно более длительную историю. Но если даже согласиться с мнением, что нусхури произошло от мтаврული, мало вероятно, чтобы это последнее (мтаврული) оставалось без изменения. Скорее всего оба типа грузинского письма развивались и отделялись от первоначального оригинала, и этим объясняется, что в одних случаях нусхури сохранило более архаические начертания, а в других мтаврული. Даже в одной и той же букве наблюдаются случаи, когда одна часть буквы сохранилась в более архаической форме в нусхури, а другая часть — в мтаврული, как это показано на примере *ვ*. Это обстоятельство должно всегда иметь в виду при сравнении грузинского алфавита с другими письменами.

В настоящей статье указаны только некоторые случаи сходства грузинских букв с армазскими. Детальное сравнительное изучение грузинского и армазско-арамейских письмен покажет, что это сходство проявляется и в других случаях, несмотря на то, что некоторые первоначальные черты грузинского алфавита значительно изменены благодаря греческому.

Болнисского сина Мцхетского крестного монастыря или в надписи VI—VII вв. Мцхетского крестного монастыря. См.: Л. Мухелишвили. Болниси. Известия ИЯИМК III, Тбилиси, 1938, стр. 325, рис. 10, 11; Г. Чубинашвили. Болниси. Известия ИЯИМК, Тбилиси, 1940, стр. 64, 70, также 183 (см. рис. 60); И. А. Джавахишвили. Труды Тбилисского Гос. университета им. Сталина, II, 1922; Ш. Амирашвили. История грузинского искусства, Тбилиси, 1944, табл. 89 и др.

¹ А. А. Фрейман. Несколько замечаний к „Армазской бидинге“ Г. В. Церетели. ИАН, Отд. языка и литературы, т. V, 1946, стр. 160.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ФРИЗОВЫЕ ИЗРАЗЦЫ XIII в. С ПОЭТИЧЕСКИМИ ФРАГМЕНТАМИ

К числу наиболее известных средневековых изделий из глины, представленных архитектурными памятниками Ирана, Азербайджанской ССР, а также обнаруженных раскопками в Армянской ССР, и в последнее время приобретенных случайно в южной части Туркменской ССР,¹ могут быть отнесены разнообразие по типам, многокрасочные с люстром или чисто люстровые фигурные изразцы, в росписях которых одним из наиболее часто повторяющихся мотивов являются надписи. Эти надписи, встречающиеся изредка и на внутренних полях изразцов, неся при этом почти исключительно декоративную роль или служа для пояснения изображенных на них сюжетов, обычно заполняют собой ломаные бордюры на наружных краях изразцов и по своему содержанию никакого отношения к основным росписям не имеют.

Содержание этих надписей различно в зависимости от того, для облицовки каких зданий, — культовых или светских, — они предназначались. В первом случае встречаются стихи из Корана, реже — хадисы, во втором — поэтические образцы, реже — поучения и наставления, не всегда укладывающиеся в стихотворные размеры.

Поэтические образцы могут быть разделены на две основные группы: на руба'й и на выдержки из больших поэтических произведений. Среднее положение между ними занимают отдельные бейты, встречающиеся и в больших поэтических произведениях, но сохраняющие независимое существование благодаря содержащимся в них законченным афоризмам, поучениям или сентенциям.

Значение этих поэтических образцов, встречающихся и на разного рода других изделиях из глины, не оценено еще должным образом, и подход к ним очень односторонен. Если тексты руба'й воспроизводились в ряде музейных бюллетеней, в периодических и специальных изданиях и послужили даже материалом для опыта датировки некоторых групп изразцов,² то тексты поэтических выдержек вовсе не воспроизводились, если не считать крайне редких случаев переводов без указания на источники, откуда тексты взяты. Между тем все

¹ Южнотуркменская археологическая экспедиция 1946 г., городище Ниса.

² М. Bahrami. Le problème des ateliers d'étoiles de faïence lustrée. *Revue des Arts Asiatiques*, t. X, n° 4, Paris, Décembre 1936, стр. 130—191.

эти тексты — как рубā'й, так и поэтические выдержки — представляют ценный материал не только как вспомогательный момент для изучения изразцов и изразцового производства, но и сами по себе как фиксации литературных памятников, предшествующие в массе своей на одно — три столетия самым древним из дошедших до нас рукописей, за исключением двух из них: неполной рукописи Шахнамэ 1276 г. Британского музея и также недостаточно полной рукописи той же поэмы 1333 г. Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹ Разумеется, что в связи с этим встают и другие вопросы историко-культурного характера, которые выходят за пределы чисто историко-литературных интересов. Освещение этих вопросов требует привлечения значительного материала, что исключается размерами настоящей статьи. Последняя преследует значительно более скромную цель — осветить в пределах возможного один из частных вопросов, тесно увязанный с другими, возникающими в связи с надписями на фигурных изразцах, и могущий способствовать более всестороннему их изучению.

Среди фигурных расписанных в несколько красок или чисто люстровых изразцов наиболее распространенными являются восьмилучевые звезды и равноконечные кресты, из которых составлялись сплошные наборы, и в большей степени звезды, поскольку из соображений цветной гаммы расписные кресты иногда заменялись одноцветными поливными крестами без надписей. Поскольку такими наборами облицовывались исключительно стены, надписи, идущие по краям изразцов, не могли предназначаться для чтения. Если бы даже изразцы помещались на уровне человеческого глаза, что отнюдь не обязательно, то вертикальное положение их на стене исключало возможность нормального рассмотрения всей надписи. Чтобы прочесть надпись полностью, любопытствующему пришлось бы принимать перед стеной очень неудобные позы, возможность чего почти полностью отпадает, если вспомнить, что такими изразцами облицовывались культовые и дворцовые сооружения, внешняя благопристойность в которых была обязательной. Не способствовало чтению надписей и то, что начало их не всегда оказывалось на том месте, откуда нормальнее было бы начинать разбор, тем более что на изразцах, роспись которых требовала определенного положения на стенах, начало надписи не всегда согласовывалось с их росписью.

Но даже при том условии, что при укладке изразцов на стену могли бы приниматься в расчет удобства чтения надписей, все же часть надписи на любом из них оставалась бы недоступной и о ней можно было бы лишь догадываться. В тех случаях, когда это бывал связанный текст, к тому же и знакомый читающему, вопрос обстоял бы проще, но если на изразце было записано, как это часто встречается, два рубā'й, то одно из них неизбежно оставалось бы непрочитанным.

Возникает вопрос: какой же имело смысл записывать на изразцах стихи, не связанные по своему содержанию с их росписями и не могущие быть

¹ Автору не известно, развил ли М. Бахрами (M. Bahrami) свою мысль о важности для истории литературы воспроизведенных им рубā'й, о чем он замечает попутно в указанной выше статье (см. стр. 182, прим. 4).

прочитанными полностью, а то и вовсе, если положение изразца на стене делало надпись его неразборчивой для глаза человека, стоящего в нормальной позе перед стеной.

Когда мы имеем дело со стихами из Корана, небольшими по размеру, хорошо знакомыми каждому, которые бесконечное количество раз повторяются на изразцах, изготовленных для мечетей, мавзолеев и иных мест культа, то это понятно. Эти стихи и не предназначались для чтения, точно так же как не всякий Коран предназначен для чтения, если вспомнить, что имеются экземпляры, письмо которых может быть разобрано лишь с помощью увеличительного стекла. Не менее понятно, когда мы встречаемся с любовными или винными стихами, начертанными на стенках сосудов, служивших для распивания напитков. Они тут уместны, и чтение их не представляет трудностей. Менее понятно, когда стихи из Шахнаме, рассказывающие об охоте Рустема на онагров, появляются на кувшине вместе с любовными четверостишиями и поучениями, причем ни между собой, ни тем более с назначением кувшина эти стихи никак не увязываются. Однако кувшин можно взять в руки, повертеть в нужном направлении и прочитать записанные на нем, пусть даже в ненормальном положении, стихи.¹ Но с изразцами можно поступать таким же образом только до того, как они попали на стену, и в таком случае читателями надписей на них могли бы являться или ремесленники, работавшие на укладке и облицовке стен, или носильщики и перевозчики, транспортировавшие их, грамотность которых может быть более чем подвергнута сомнению. Помимо этого требуется, чтобы у этих людей могли явиться досуг и охота заниматься чтением надписей во время работы, что тоже мало вероятно.

Что же заставляло в таком случае художников-керамистов украшать стихами изразцы?

Не исключена возможность, что в надписях на изразцах нашел в известном смысле отражение производственный процесс. Ремесленники часто поют за работой и очень вероятно, что стихи на изразцах и других изделиях фиксируют те мотивы, которые были наиболее распространены среди ремесленников и распевались ими за работой. Тематика стихов, психология и настроение, отраженные в них, не исключают вовсе этого, тем более что в надписях наблюдается частое повторение одних и тех же мотивов. Однако не все записанные тексты могли распеваться. Выше указывалось, что на изразцах встречаются поучения и афоризмы, не всегда укладывающиеся в стихотворные размеры, что же касается стихов из Корана, то трудно допустить, чтобы они были переложены на мелодии. Кроме того, художник мог записывать то, что он при этом пел, лишь в том случае, если он начертывал стихи скорописью. Между

¹ См. широко известный, выставлявшийся многократно на выставках, датированный люстровый кувшин из коллекции Годман (Godman), о котором имеется столько упоминаний в литературе, но ни слова не сказано о записанных на нем стихах. Часть стихов читается при опрокинутом положении кувшина. Последнее по времени упоминание с воспроизведением см.: Survey of Persian Art, vol. II, London — New York, 1938, стр. 1584, 1587, 1674; vol. V, 1939, pl. 718 B.

тем многие надписи исполнялись сложным путем в два приема, при первоначальной поливке (резервом) и при покрытии люстром (обводкой контуров), что никак нельзя увязать непосредственно с пенем за работой.

Некоторый свет на поставленный выше вопрос могут пролить не фигурные, а прямоугольные изразцы, из которых укладывались на стенах не панно, а фризы. В отличие от более обычных фризов со строительными, посвятельными или благословительными надписями, приводимые ниже изразцы являются звеньями от фризов с поэтическими текстами. Все эти тексты относятся к Шахнаме, что объясняется не намеренным их подбором, а характером имеющегося в наличии материала. Последний расположен по ходу поэмы.

1. Изразец из альбома фотографий, случайно приобретенного сотрудником Государственного Эрмитажа профессором Э. К. Кверфельдом (рис. 1). Надпись рельефная, в эпиграфически-строгом стиле, с диакритическими точками и оглазовками. Характер надписи, так же как рельефный орнамент в бордюре, являющийся подражанием почти квадратному кувическому письму, и несколько реалистическая трактовка фона (растущие вверх побеги и фигура птицы в центре) дают основание отнести изразец к концу XIII в.

Текст: ...خداوند رُو.

Это начало второй мисры второго бейта из „Вступления“ к поэме, два начальных бейта которого приводятся полностью:

بنام خداوند جان و خرد * کزین برتر اندیشه بر نگذرد
خداوند نام و خداوند جای * خداوند روزی ده رهنمای

‘Во имя владыки души и разума, выше [представления] о чем
не поднимается мысль,
Владыки имени и владыки места, владыки, дарующего дневное
пропитание и указующего путь’.

2. Нижняя часть изразца из собрания Музея восточных культур в Москве (рис. 2). Надпись рельефная, несколько манерного характера, с верхними диакритическими точками. Распространенный для третьей четверти XIII в. тип.

Текст: ز کور دند...

Это окончание одного из первых бейтов (пятого или шестого, в зависимости от варианта) первой главы из сказания о Сохрабе. Начало главы приводится по наиболее краткому варианту, часто повторяющемуся на фигурных изразцах и на других глиняных изделиях и представляющему более надежную редакцию.¹

¹ Отрывком из этой главы, как и из других мест сказания о Сохрабе, записанным на изразцах и на других глиняных изделиях, в дальнейшем будет посвящена специальная статья. — Слячте: Вуллерс (J. A. Vullers. *Firdussi liber regum... Schahname*, Leyden, 1877) — I (или тегеранское переиздание Ferdowsi's *Shahnameh*, Teheran, 1934 г. — II), стр. 434; Мольт (J. M o l t. *Le livre des rois par Abou'l-Kasim Firdousi*, Paris, 1838) — т. II, стр. 74; Масап (T. M a s a p. *The Shah Nameh... by Aboul Kasim Firdousee*. Calcutta, 1829) — т. I, стр. 316.

ز موبد برین گونه داریم یاد * کی رستم بر آراست از بامداد
 غمی بد دلش ساز نخچیر کرد * کمر بست و ترکش پر از تیر کرد
 سوی مرز توران پیمود راه * چو شیری کی باشد دژه کینه خواه
 چو نزدیکی مرز توران رسید * بیابان سراسر پر از گور دید

‘Так храним мы в памяти со [слов] мобеда, что Рустем [однажды]
 поднялся поутру
 С огорченным сердцем [и] собрался на охоту; надел пояс
 и наполнил колчан стрелами.
 В сторону туранской земли направил [свой] путь, подобно льву,
 когда тот бывает разъярен и ищет мести.
 Когда он достиг пределов туранской земли, увидел, [что] степь
 от края до края полна онагров.’

3. Правая часть изразца из Музея керамики в Кускове под Москвой (рис. 3).
 Надпись рельефная, характера скорописи, с диакритическими точками и огла-
 совками. Орнаментовка, характерная для третьей четверти XIII в.

Текст: ... تني ه

Это фрагмент из продолжения той же главы. Текст, как и в первом случае,
 восполняется согласно варианту, обычно повторяющемуся на фигурных израз-
 цах и на других глиняных изделиях:

بتیر و کمان و بگوز و کمند * بیفکند بر دشت نخچیر چند
 زخاشاک وز خار و شاخ درخت * یکی آتشی بر فروزید سخت
 چو آتشی پراگنده شد پیلتن * درختی بجست از در باب زن
 یکی نره گوری بزد بر درخت * کی درچنگ او پر مرغی نسخت
 چو بریان شد از هم بکند و بخورد * ز مغز استخوانش بر آورد گرد
 بخفت و بر آسود از روزگار * چمان و چران رخسار نر مرغزار
 سواران ترکان تني هفت هشت * برین دشت نخچیرگان بر گذشت

‘С помощью лука со стрелами, палицы и аркана он повалил
 в степи некоторое [количество] дичи
 [И] развел из хвороста, терновника и валежника [большой]
 костер.
 Когда пламя рассеялось, Слопотелый отыскал дерево для вертела
 [И] насадил на него целого онагра-самца, который в его руке
 не весил и птичьего пера.
 Когда [онагр] прожарился, богатырь разорвал его [на куски]
 и съел, извлеки [даже] мозг его костей.
 [Потом] прилег и предался отдыху от [превратностей] судьбы,
 [оставив] Рахша пасущимся на лугу.
 Турецкие всадники, семь-восемь душ, проезжали по тому [же]
 полю охоты...’

Рис. 1. Израец из альбома фотографий Государственного Эрмитажа.

Рис. 2. Обломок израца из Музея восточных культур (Москва).

Рис. 3. Обломок израца из Музея керамики в Кускове (под Москвой).

Рис. 4. Иаразец из коллекции Келекиани.

Рис. 5. Изразец
из собрания
Британского
музея.

Рис. 6. Изразец
из коллекции
Годман.

Рис. 7. Ифраец без верхней части (отбита) из коллекции Годман.

Как видно по этим двум разнотипным изразцам, надписи содержали не только сцену охоты Рустема, но и сцену похищения Рахша турецкими всадниками. Трудно допустить, чтоб они не имели дальнейшего продолжения, как это наблюдается на фигурных изразцах, и обрывались на моменте, когда проснувшийся Рустем оказался один в степи без коня, под тяжестью доспеха. Это может дать представление о том, каких размеров могли достигать фризы с поэтическими отрывками.

4. Изразец из коллекции Келекиан (Kelekian), воспроизведенный в каталоге Мюнхенской выставки 1910 г. (рис. 4).¹ Сюжет на изразце представляет своеобразное преломление легенды о Феридуне. Последний изображен со своей бычголовою будавой в руке отправляющимся верхом на вскормившей его пятнистой корове, повидимому, войной на Зоухака, хотя к тому времени, согласно легенде, корова-кормилица была уже убита. Надпись исполнена калемом, снабжена диакритическими точками и местами также «огласована». Характер письма ранний. Известная реалистичность в передаче росписи и отдельные ее детали дают основание отнести изразец, более точно, чем это указано в каталоге выставки (13 Jahrhundert), к третьей четверти XIII в.

Текст:

سبهر اندر ان چادر قمرگون * تو گفتی شدستی بخواب اندرون
زمین را دل از خویشتن پر هراس * چرس بر کشیده نگهبان پاس

Это бейты из вступления к сказанию о Бижане и Маниже (по порядку 11-й и 12-й). Поскольку в них имеются небольшие расхождения с обычным текстом, последний приводится в несколько расширенном виде по изданию Вуллера (вып. III; тегеранское переиздание, вып. IV, стр. 1065—1066), со сличениями, отмеченными ниже:

- [10] فرو مانده گردون گردان بجای * شده سست خورشید را دسیب و پای
[11] زمین² زیر آن³ چادر قمرگون * تو گفتی شدستی بخواب اندرون
[12] جهانرا دل از خویشتن پر هراس * چرس بر گرفته⁴ نگهبان پاس
[13] نه آوای مرغ و نه هسرای دد * زمانه زبان بسته⁵ از نیک و بد
[14] نبد هیچ پیدا نشیب و فراز * دلم تنگ شد زمین⁷ درنگ دراز

Сличение с рукописями и изданиями

Рукописи: Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, датированная 1333 г. Д 329—л. 128 об. (I); Института востоковедения Академии Наук СССР: начала XV в. С 52—л. 36 об. (II); датированная 1445 г. С 1654—л. 131 об. (IV); середины XV в. D 14—л. 90 об. (V);

¹ Die Ausstellung von Meisterwerken Muhammedanischer Kunst in München 1910, München, II B., 1912, Tafel 110.

² V, VI, VII так же, как на изразце — سپهر. ³ II — آن. ⁴ I, V, VI, VII так же, как на изразце — کشیده. ⁵ C — بست. ⁶ I, IV, VI, VII — از. ⁷ I, II, IV, V, VI — زان.

середины XV в. С 822—л. 184 об. (VI) и датированная 1524 г. D 184—л. 222 об. (VII).

Издания: Моль—т. III, 292 (P), Макан—т. II, 754 (C).

Сличение показывает, что рукописи V, VI и VII приближаются к записи на изразце, но полного совпадения между ними нет.

Перевод:

[10] 'Застыл на месте вращающийся свод [и] ослабли у солища
руки и ноги.

[11] Земля (на изразце: небесная твердь) под тем покрывалом
цвета смолы, ты сказал бы, погрузилась в сон.

[12] У мира (на изразце: у земли) сердце преисполнилось ужаса
за себя [самое] и ночной страж схватился за (на изразце: извлек)
колокольчик.

[13] [Не слышно стало вокруг] ни птичьих голосов, ни криков
зверей. Судьба сомкнула уста [и не предвещала] ни доброго,
ни злого.

[14] Не различить было низин от высот [и] сердце мое сжалось
от этого долгого оцепенения'.

В описании картины замершей вселенной есть определенная последовательность, которая прослеживается в постепенном переходе от высшей сферы до непосредственного окружения поэта. Эта последовательность сохранена в записи на изразце (высший свод, небесная сфера, земля), но нарушается в других вариантах (высший свод, небесная сфера, мир—по рукописям V, VI и VII; высший свод, земля, мир—по остальным спискам). В последних двух вариантах 12-й бейт вообще неубедителен; картина мира, пришедшего в ужас за свою судьбу, не внушает доверия в данном контексте, и непосредственный переход от мира к ночному сторожу не представляется последовательным. Между тем в записи на изразце картина приобретает ясность: земля под застывшим небесным покровом пришла в ужас за самое себя, и находящийся на ней сторож взял в руки колокольчик.

Высказанные соображения дают основание видеть в записи на изразце более надежный текст, чем во всех привлеченных для сличения списках, несмотря на их очень солидный возраст.

5. Изразец из собрания Британского музея, воспроизведен в каталоге коллекции Годман (рис. 5).¹ Он датируется XIII веком. Неясность воспроизведения, скрывающая детали, лишает возможности судить уверенно о времени его изготовления. Покрывающие изразец орнаменты имеют близкие параллели на бронзовых кувшинах второй половины XII в., однако могут быть сопоставлены также и с каменными рельефами XIV в. Надпись с редкими диакритическими

¹ H. Wallis. *Persian Ceramic Art*. London, 1894, стр. 5, рис. 11, описание на стр. XXVI.

точками скорее раннего характера. Как и все орнаменты, она рельефная и заключена в фигурную арочку.

Текст: رکنون خورد باید می خوشکوار

Это начало лирического отступления, предшествующего повествованию о борьбе Исфендиара с Рустемом (Тегеранское переиздание — VI, 1630; Моль — IV, 560; Маган — III, 1159):

رکنون خورد باید می خوشکوار * که می بوی مشک آید از جویبار

‘Теперь [настала пора, когда] нужно пить приятное на вкус вино, так как от берега ручья доносится запах мускуса’.

6. Изречение из коллекции Годман (рис. 6).¹ Надпись рельефная, с диакритическими точками и декоративными огласовками. Тип распространенного в третьей четверти XIII в. изречения.

Текст: ... ذکیر هشیوار و سا ...

Это отрывок из окончания шестого собеседования Ануширвана с Бузурджмихром, который в целом имеет следующий вид (тегеранское переиздание — VIII, 2338; Моль — VI, 286; Маган — IV, 1676):

خردمند باید که باشد دبیر * همان بردبار و سخن یناگیر

هشیوار و سازنده پادشا * زبان خامش از بد بتن پارسا

‘Дебир должен быть разумным, терпеливым и памятливым, Внимательным и угодным царю, молчаливым относительно дурного и телом воздержанным’.

7. Фрагментированный изречение из коллекции Годман (рис. 7).² Датируется XIII веком, однако возможность отнесения его к концу XII в. не исключается. Надпись рельефная, с верхними диакритическими точками.

Текст: خورشید روشن

Это сочетание, укладывающееся в размер мутакāриб, с достаточной долей вероятности может быть отнесено к тому же Шахнамэ, в котором оно встречается три раза.

Первый случай: Вуллерс — II (Тегеранское переиздание — III), стр. 793; Моль — II, 592; Маган — II, 566:

برفتند یکسر چوکوه سیاه * نتابید خورشید روشن نه ماه

‘Они отправились вместе подобно черной горе, [так что не стало видно] ни сияния ясного солнца, ни луны’.

Второй случай: Тегеранское переиздание — IX, 2695; Моль — VII, 32; Маган — IV, 1878:

گر ایزد بخواهد من از کین شاه * کنم بر تو خورشید روشن سیاه

¹ Воспроизведен в том же каталоге, стр. XVI, табл. V. См. также: Survey of Persian Art, vol. V, London and New York, 1939, табл. 725 A.

² Воспроизведен в том же каталоге, стр. XVII, табл. IX.

‘Если Изад захочет, я в отместку за шаха зачерню над тобой
ясное солнце’.

Третий случай: Тегеранское переиздание — IX, 2787; Моль — VII, 170; Маган — IV, 1941:

چو خورشید روشن بیاراست گاه * طلایه بیامد ز ندیدک شاه

‘Когда ясное солнце расцветило [свой] трон, Тилайэ явился
от шаха’.

В отличие от надписей на фигурных звездообразных и крестовидных изразцах, не могущих быть предназначенными непосредственно для чтения, рассмотренные образцы, напротив, созданы специально для чтения. Это подтверждается не только нормальным положением их на изразцах, но и тем, что в пяти из рассмотренных семи случаев (1, 2, 3, 6 и 7) надписи играют главенствующую роль, и изразцы существуют лишь постольку, поскольку они служат основой и фоном для них. В двух остальных случаях значение надписей несколько иное: на 5-м изразце надпись своим положением и размером как бы равнозначна орнаментам, так же рельефно выполненным, как и она, и, наконец, на 4-м она выделена в узкий пояс в нижней его части и очень напоминает как своим положением на изразце, так и графически надписи, исполненные по краям фигурных изразцов.

Не имеем ли мы тут, если говорить о преемственности явления, а не о хронологической последовательности рассмотренных образцов, общей линии постепенного перехода надписей, содержащих литературные отрывки, от прямоугольных фризовых изразцов к фигурным изразцам, предназначенным для облицовки стен сплошными панно.¹ Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что тексты, записанные на четырех изразцах из рассмотренных семи (1, 2, 3 и 5), неоднократно повторяются в записях на разнотипных в отношении росписей фигурных изразцах и, если судить по аналогиям, возможность обнаружения на них остальных трех выдержек вполне вероятна. Последовательность перехода надписей, содержащих поэтические отрывки, с прямоугольных изразцов на фигурные можно проследить и в том, что последние часто напоминают собой отдельные звенья фриза; известно много случаев, когда надпись, представляющая связный текст, не обрывается бесследно на первом изразце, а продолжается последовательно на втором, третьем и следующих экземплярах. Такое явление не могло бы возникнуть непосредственно на фигурных изразцах, если бы соответствующая традиция не была выработана на фризовых надписях.

¹ Датировка рассмотренных образцов как будто противоречит этому предположению. Все они отнесены к XIII в., а часть из них (2, 3, 4 и 6) более точно — к третьей его четверти. Однако эта датировка в известной мере условна. Не следует ли впредь при датировке изразцов считаться также с наблюдаемым явлением? Если принять во внимание, что, повидимому, некоторые типы изразцов проявляют известную устойчивость во времени, не исключена возможность того, что часть рассмотренных образцов может быть отнесена к более раннему периоду, тем более, что рельефные изразцы отливались в формах и многократно повторялись.

Каковы же могли быть причины, способствовавшие возникновению этой традиции? Наличествующий материал недостаточно освещает этот вопрос, но, тем не менее, дает основание наметить путь к его разрешению.

Появление изразцовых фризоз с надписями как повторение фризоз, вырезавшихся первоначально в камне или выкладывавшихся в кирпиче, едва ли может подвергаться сомнению. Однако появление поэтических надписей на фризоз должно быть объяснено как параллель к этой же традиции. В отличие от каменных и кирпичных фризоз, которые содержали преимущественно официальные надписи и помещались на наружных стенах зданий, изразцовые фризоз служили также для украшения внутренних стен и могли носить на себе менее официальные и более бытовые и интимные надписи. Поэтому вовсе не исключается возможность того, что фризоз с популярными поэтическими отрывками могли появиться впервые в виде наборов изразцов в дворцовых постройках или в жилых помещениях привилегированных кругов и, входя в практику, постепенно сложиться в распространенный обычай. И только как дальнейшее развитие этого обычая прием украшения изразцов надписями, содержащими поэтические отрывки, мог быть перенесен в упрощенном виде, уже не в технике рельефа, а в технике росписи, с фризоз на панно.¹

Надписи на изразцах, предназначавшихся для панно, двоякого рода: одни, исполнявшиеся, как было отмечено выше, более сложным приемом, — крупного размера и напоминают собой рельефные надписи на фризозных изразцах, другие, более упрощенные, наносились просто калемами и представляют обычную скоропись с несколько своеобразными лигатурами. И те и другие появляются почти одновременно на рубеже XII и XIII вв. и продолжают существовать параллельно друг другу в основном до середины XIV в. Ни те, ни другие не предназначались непосредственно для чтения и могли являться лишь пережитком традиции, идущей с фризоз. Таким представляется путь появления надписей с поэтическими отрывками на фигурных изразцах.

Что же касается вопроса о появлении на тех же фигурных изразцах других поэтических текстов, в частности рубайи, то он не может быть объяснен только как прямой результат той же самой традиции и должен решаться также в другой связи, прежде всего в связи с надписями на глиняных сосудах. Тогда выяснится место и тех надписей на этих сосудах, которые содержат или одни поэтические отрывки, как это наблюдается на люстровом кувшине из собрания Музея Грузии, или же поэтические отрывки в сочетании с рубайи и с отдельными бейтами, как это было отмечено выше в отношении датированного люстрового кувшина из коллекции Годман. Одновременно может быть поставлен вопрос и о стиле рассматриваемых надписей, который остался незатронутым в настоящей статье.

¹ Из этого соображения не следует делать прямого заключения о том, что фигурные изразцы вообще появились после прямоугольных изразцов.

И. М. ЛУРЬЕ

ПОУЧЕНИЕ АМЕНЕМХЕТА I В ОСТРАКОНАХ МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Среди неопубликованных остраконов Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, происходящих из коллекции В. С. Голенищева, мне удалось обнаружить два фрагмента, содержащих отрывки из так называемого „Поучения царя Аменемхета I“. Несмотря на незначительный размер этих остраконов, сам факт появления новых экземпляров одного из интереснейших произведений древнеегипетской литературы представляет такой несомненный интерес, что делает необходимым их опубликование.

Первый фрагмент — это глиняный черепок (по Голенищевской описи он имеет № 4468), имеющий в высоту 10,8 см и в ширину 13,5 см. Иератическая надпись на одной стороне остракона настолько выцвела, что уже не читается; на другой стороне сохранились части четырех строк, из которых две нижних написаны более крупным почерком (рис. 1а). К сожалению, в первых и в последних строках этой надписи имеются только два одинаковых знака, поэтому представляется затруднительным решить вопрос, была ли она выполнена одним или же двумя писцами. Впрочем, поскольку по своему содержанию надпись едина, более вероятно предположение, что она написана одной рукой, но, может быть, не в одно время.

Вот ее перевод:¹

[Я совершил поход] до Элефантины, я прошел до Дельты.

[Я стоял на] границах земли и наблюдал² ее объем.³

[Я завоевал (ее)] целиком силой и моим оружием³ [и своим образом].

[Я создающий] зерно, как⁴ возлюбленный Неп[ери].⁵

¹ Надпись соответствует строкам II₁₀₋₁₁ папируса Миллинген. Отсутствующие в данном остраконе части строк переведены по другим экземплярам текста; они заключены в квадратные скобки. Весьма любопытно, что только слова, отсутствующие в первых двух строках этого остракона, сохранились на остраконе Каирского музея 25233 (G. Dargessy, *Ostraca, Catalogue général du Musée du Caire*, 1901, стр. 51). Поэтому невольно возникает вопрос, нет ли ошибки в указании Дарессе о том, что каирский фрагмент написан на известняке и не имеем ли мы дело с двумя частями одного текста?

² Орфография слова совпадает с той, что в папирусе Саллае.

³ Орфография совпадает с той, которая встречается в папирусах Саллае и в берлинском.

⁴ Имеющийся здесь предлог *т* отсутствует во всех основных списках „Поучения“.

⁵ Бог зерна.

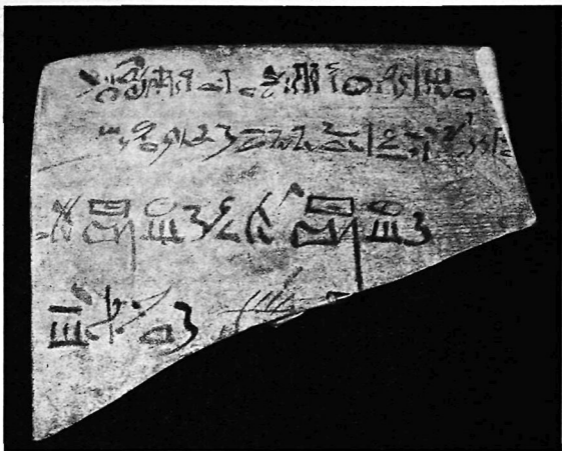

Рис. 1а. Остракон Музея изобразительных искусств, № 4468.

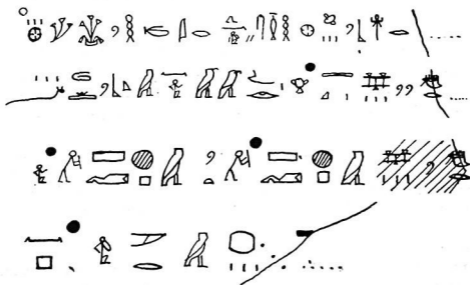

Рис. 1б. Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 4468.

Этот отрывок, следовательно, относится к той части „Поучения Аменемхета I“, в которой восхваляется фараон как восстановитель единства страны и как устроитель ее внутреннего благополучия.

Палеографически почерк публикуемого остракона ближе всего к почерку известных писцов Инена и Пентаура и, следовательно, датируется временем Мернептаха-Сети II: в этом не оставляют сомнений формы знаков и .

Рис. 2а. Остракон Музея изобразительных искусств, № 5518.

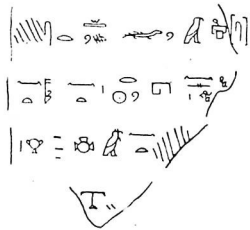

Рис. 2б. Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 5518.

Вместе с тем написание знаков и несколько отличается от их нормального очертания; мне кажется, что это выдает неумелую руку ученика, не привычную еще к правильному написанию этих сравнительно редких знаков.

Эти особенности почерка, равно как совершенно произвольное размещение красных точек, не оставляют никаких сомнений в том, что данный остракон является образцом школьного упражнения, а отмеченные выше орфографические особенности текста говорят, что в основе данной записи лежит список, близкий к той версии, что отражена в папирусе Салле. Заметим, что точка поставлена правильно только в конце 1-й строки. Особенно странно она помещена в 3-й строке, где она отделяет слово от поясняющего его детерминатива. Нельзя ли объяснить это странное размещение точек, не раз встречающееся и во многих других памятниках, для которого еще не было предложено какого-либо толкования, тем, что их употребляют и для обозначения конца строки в том оригинале, откуда списано упражнение?

Второй остракон (по Голенищевской описи 5518) представляет собой обломок известняка шириной в 12,5 см и высотой в 7,3 см, на котором сохранились незначительные части четырех строк иератической надписи, размещенных между красными линиями (рис. 2а и 2б).

Сравнение надписи этого остракона со списками папирусов Миллинген и Саллье¹ показывает, что каждая его строчка вмещала не менее двух строк нормального папирусного столбца и, следовательно, в целом виде остракон имел в ширину около 70 см.²

Ниже дается перевод той части „Поучения Аменемхета“, к которой относятся сохранившиеся слова публикуемого остракона (в переводе они выделены курсивом).

Начало наставления, которое сделало величество царя Верхнего и Нижнего Египтов Схотепибра, сын Ра, Аменемхет, правогласный, которое он сказал как послание истинное своему сыну, владыке всего. Говорит он:

„Воссияй как бог! Слушай то, что я сказал тебе:
Когда ты будешь царствовать (над) землей, когда ты будешь управ-
лять берегами,

Да будешь ты счастливее (чем я).

Остерегайся подданных, чтобы не случилось того, о подготовке
чего не думали.

Не приближайся к ним один, не доверяй своему брату,
Не знай друга, не делай себе наперсников — это бесполезно!
Когда ты спишь, береги себе сам твое сердце (т. е. жизнь),
Ибо нет подчиненных человека в день несчастья.

Я давал бедняку, я возвеличивал малого.

Я давал достигать меня (т. е. принимал) ничтожному, подобно тому,
кто есть (ничто).

И вот тот, кто вкушал мою пищу, сделал возмущение;

Тот, кому я давал руку, учинил заговор против меня;

Тот, кто надевал мои лучшие одеяния, посмотрел на меня как
на тень;

Тот, кто умащался моей *мисрой*, возлил мне из-за этого воду
(т. е. как покойнику).

Изображения мои и ожерелья делились меж людей,

Обещавших мне верность (букв. „память“), о которой еще не слы-
хивали,

¹ Слова, сохранившиеся на этом остраконе, соответствуют следующим строкам папирусов Миллинген (М) и Саллье (С)

1 = М I₃ и С II, 10₂

2 = М I₅₋₆ и С II, 10₄₋₅

3 = М I₈ и С II, 10₈

4 = М I₁₁ и С II, 10₉

² Напомню, что остракон с текстом приключений Синухета, найденный в гробнице Сеннеджема, имеет в ширину 1 м 06 см, а в высоту 22 см. См.: G. Daressy. Ostraca, стр. 46—47.

И такое большое сражение, которое еще не видывали.

Когда же сразились на поле боя, то позабыли вчерашнее,

Не оплатили (за) добро, забыли (о чем должны были) помнить.

Это (было) после ужина, когда настала *ночь*; взял я себе час
отдохновения

И лежал я на ложе своем, (ибо) я устал, и начало мое сердце
следовать сну,

Когда зазвенело оружие. Позаботился обо мне начальник (стражи),

Другие же поступили подобно змеям пустыни...'

Таким образом, этот фрагмент является частью остракона, на котором было записано не менее $\frac{1}{3}$ текста „Поучения“, а если предположить, что ниже шло еще 7—8 строк, то остракон содержал, может быть, весь текст.

Других примеров аналогичного размещения горизонтальных строк иератического текста между красными линиями мне не припоминается. Объясняются они, я думаю, тем, что остракон предназначался для школьника, еще не научившегося правильно располагать строки на гладком поле остракона.

Судя по почерку, и эту надпись следует датировать временем второй половины XIX династии.

Таковы два остракона Музея изобразительных искусств, содержащие отрывки из „Поучения Аменемхета I“. Они умножают уже известное и притом весьма большое число фрагментов этого текста „самого распространенного после книги Мертвых памятника“¹ и заставляют задуматься над причиной той огромной популярности, которой пользовалось это произведение во времена Нового Царства. Насколько эта популярность была действительно велика, показывает не только количество дошедших до нас копий, но и то, что во времена XX династии ее автор — им был писец Ахтой, написавший это поучение от имени царя, „когда он (т. е. фараон Аменемхет I) упокоился и воссоединился с небом“² — причислялся к прославленнейшим мудрецам, чьи творения лучше увековечили их имена, чем „постройка дома, чем молельня на Западе (т. е. в некрополе), ... чем учреждение крепости, чем стела в храм“³. Дать исчерпывающее объяснение этой популярности может, пожалуй, только специальное изучение всей идеологии того времени. Могут поэтому лишь высказать самые предварительные соображения.

Повидимому, деяния фараона — основателя XII династии — периода, когда Египет достиг небывалого ранее расцвета и могущества, излагались в „Поуче-

¹ Б. А. Гурьев. Египетская литература. т. I. М., 1920, стр. 77—78. В настоящее время число известных копий этого текста еще возросло. См. об этом в литературе, указанной в последнем критическом издании текста (E. Volten. Zwei altägyptische politische Schriften. København, 1945, стр. 101 и сл.), а также оставшиеся ему не известными остраконы, найденные в гробнице Сенмута: W. Hayes. Ostraca and Name Stones from the tomb of Sen-Mut. New York, 1942, стр. 28.

² Папирус Честер-Бити, IV, 6. Повидимому, это то же лицо, которому принадлежит дошедшее до нас также в большом количестве списков „Поучение Ахтой, сына Дуау“.

³ Папирус Честер-Бити, IV, 3₁₋₅.

нии" так, что они были созвучны настроениям, царившим в правивших слоях египетского общества времени Нового Царства, когда в результате царских походов утверждалось египетское господство над соседними странами, а знать и храмы богатели. И, может быть, слова концовки поучения „Вот, сделал я начало, тыкрепишь конец“, сказанные собственно по адресу Сенусерта I, могли, в эти времена, восприниматься как прорицание о деятельности царей-воителей Нового Царства.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

**ТРИ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ
ИЗ ТЕЙШЕБАИНИ (КАРМИР-БЛУР)**

При раскопках развалин древнего урартского города Тейшебаини (Кармир-блур, около Еревана) в 1940, 1947 и 1948 гг. и исследовании дворца урартского правителя были найдены бронзовые предметы с посвященными надписями урартских царей VIII в. до н. э. Аргишти, сына Менуи, и Сардур, сына Аргишти.

Привожу текст и перевод этих надписей.

1. Двустрочная надпись на борту щита (найден в 1940 г., надпись обнаружена в 1946 г. после удаления коррозии):

(а) I -I->II-I -IIΔ =-II ->I< -II- =E=IIII=->II-I =-II -I-I >II -II- =E
I I- -I/> II Δ -II- =E =E -II- II * I -I->II-I -IIΔ =-II ->I< -II-
II- -I/> II Δ << =IIII -I/> << =I<I -<<II =E -II- << * =E=E II -I=IIII=-II
II =II -II -=II IIII -II- I I=- =-II

(б) >I- -> <I=I =-II =-II =IIII=->II-I =II =E -II- II * I -I->II-I -IIΔ
=-II ->I< * I I- -I/> II (Δ) -II- * -II- I I< -II- ->I- -> <I=I =-II-
-II- =I<I -<<II =E -II- I -I->II-I -IIΔ =-II ->I< -II- I I- -I/> II Δ
<< =IIII -I/> << =I<I -<<II =E -II- << * = II -I=IIII=-II II =II -II
=-II IIII -II- I I=- =-II

(а) ^mAr-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-i ^mMe-nu-a-ḥi-ni-i i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-ni
^mMe-nu-a-ḥi ŠARRU DANNU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-i-a-na-ú-e a-lu-si
^{lu}Tu-uš-pa patari

(б) ^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-(ḥi)-ni-še uš-tú-ni ^dHal-
di-ni-ni al-su-i-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḥi ŠARRU DANNU ŠARRU al-su-i-ni
ŠARRU ^{mat}Bi-i-a-na-ú-e a-lu-si ^{lu}Tu-uš-pa patari

(а) Из Аргишти оружия, сына Менуи, этот щит. Аргишти, сын Менуи, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы'.

(б) Богу Халду, владыке, этот щит Аргишти сын Менуи подарил. Бог Халд великий, Аргишти, сын Менуи, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы'.

Перевод надписи не представляет никаких затруднений, за исключением начальных слов надписи *a*, где слово *urīš* — *husini* стоит между именем и отчеством царя. Такая расстановка слов была, вероятно, вызвана желанием начать надпись именем Аргишти.

2. Надпись на нижней части бронзового шлема, украшенного изображениями священных деревьев, всадников и боевых колесниц (раскопки 1947 г.):

(→|← → ←|=|= =|| =|| =||| = |||← =|| = = ||← [←=||≠ (?) | →|←] →||← =|=| →||← ≠ | ←|→||←| =| →|← Δ →||← ≠ →||←| ≠ | →||← ←|=| |≠: ←|← =| =|| ←||← =|| ←|=|= →||←

⁴Hal-di-e e-ú-ri-e i-ni [KUBŠU? ^mSA]R₆-du-ri-še ^mAr-giš-ti-ḫi-ni-še uš-tú-ni ul-gu-ši-ia-ni e-di-ni

‘Богу Халду, владыке этот [шлем С]ардур, сын Аргишти, подарил благополучия ради’.

3. Надпись у верхнего края бронзового колчана, украшенного изображениями всадников и боевых колесниц (раскопки 1948 г.):

→|← → ←|=|= =|| > || | | →|← →||← =|=| →||← ≠ || ←|←

⁴ Hal-di-e EN-ŠÚ ^mSAR₆-du-ri-še NIG-BA

‘Богу Халду, владыке мира, Сардур подарил’.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Эпиграфика, наряду с другими вспомогательными историческими дисциплинами, до сих пор не всегда пользуется должным признанием со стороны историков, работающих преимущественно над повествовательными источниками. Иногда случается, что к эпиграфисту применяют другую мерку, чем к историку, так как и материал его в глазах некоторых является второстепенным.

Очень показательно для характеристики такого взгляда резкое замечание, которое делает известный историк, археолог и эпиграфист Жан Соважэ в рецензии на ценную работу молодого арабского историка Асада Таласа о дамасских мечетях (1943). Заканчивая свой обзор, он пишет:

„Имеется только один пункт, по которому я готов предъявить иск г. Талас, так как он обнаруживает ошибку метода: как большинство его соотечественников, он мало знаком с эпиграфикой, но не боится издавать надписи, хотя плохо подготовлен, чтобы их читать и правильно использовать. Этот недостаток обычен на Востоке, и поэтому я подчеркиваю его здесь: даже те, кто великолепно освоились с методами филологической критики, трактуют надписи с такой небрежностью, которая непременно скандализовала бы их самих, если бы ока-

залась примененной к литературному источнику; и все это лишь от недостаточно ясного понимания, что здесь мы стоим перед подлинными документами, настоящими первоисточниками, более заслуживающими доверия, чем лучшие авторы, текст которых мог быть жестоким образом искажен переписчиками рукописей. Среди надписей, которые опубликовал г. Т., очень мало таких, которые не требуют поправок: большинство обнаруживает небрежность дешифровки, допускает пропуски или исправления стила согласно обычным нормам литературного языка. Исторические документы, которые трактуются таким образом, теряют значительную часть своей ценности. Необходимо, чтобы молодые работники на Ближнем Востоке, усилия которых привели уже к стольким счастливым результатам и от которых мы столько ожидаем в будущем, хорошо прониклись той истиной, что история основывается не только на книгах, но также на документах и надписях, что им поэтому необходимо научиться пользоваться теми средствами, которые предоставляет археология и эпиграфика для освещения прошлого их страны“ (Journal Asiatique, t. CCCXXXIV, 1943—1945, стр. 321—322).

И. Кр.

ПАМЯТИ Ж.-Б. ШАБО

Седьмого января 1948 г. в почтенном возрасте 87 лет скончался в Париже крупнейший французский семитолог-эпиграфист Жан Батист Шабо, член-корреспондент на-

шей Академии Наук с 1924 г. (см. записку о его ученой деятельности, составленную акад. П. К. Кокощевым, в „Известиях Академии Наук“ за 1924 г., № 12—18, стр. 555—

556). В области семитологии его интересы направлялись, главным образом, в сторону сирийской литературы, в частности историографии. Благодаря его открытиям и изданиям, в настоящее время все известные исторические хроники доступны науке; за год до смерти в небольшой брошюре „Мои хроники“ (Луввн, 1947) Шабо как бы подвел итог своим работам в этой области, живо рассказав про сложные иногда обстоятельства, которые сопровождали его находки и издания. И в других областях сирийской литературы он сделал тоже немало, время от времени сводя воедино весь накопившийся материал. Его небольшая книжка — учебник „Сирийская литература“ (1934) — представляет полезное дополнение к известному своду Райта Коковцова (Краткий очерк сирийской литературы, СПб., 1902). Будучи первостепенным организатором, Шабо стал издавать с 1902 г. капитальную многотомную серию „Корпус христианских восточных писателей“, посвященную литературам сирийской, эфиопской, коптской и христиано-арабской. Он сумел объединить в этом предприятии крупнейших ориенталистов различных стран, и в издании памятников эфиопской литературы его энергичным сотрудником явился наш абиссинист академик Б. А. Тураев.

Еще значительнее заслуги Шабо в области эпиграфики. Уже с 90-х годов XIX в. он принял близкое участие в фундаментальном предприятии, составляющем славу французской науки, „Корпус семитических надписей“. Издание было начато по инициативе Ренана в 1867 г.; первый выпуск вышел

под его редакцией в 1881 г., и до конца своей жизни (1892) Ренан руководил всем предприятием. Показательно, что в одной из автобиографических заметок он писал: „Из всего, что мною создано, я больше всего люблю «Корпус»“. Его преемником явился археолог-эпиграфист де Вогюз, работавший над арамейской частью „Корпуса“ уже с 1882 г. Он привлек к участию в 90-х годах Шабо, который стал душой всего предприятия, а с 1916 г., после смерти де Вогюза, руководил изданием больше тридцати лет, в последние годы как старейший член Академии надписей. Его личным трудом особенно обязано опубликование арамейских, палмирских и финикийских надписей. Он сумел оживить, параллельно с „Корпусом“, издание „Репертуар семитской эпиграфики“, введя в него близкую теперь к завершению южно-арабскую часть, образцовую по выполнению, благодаря трудам бельгийца Рикманса. Еще более, чем во времена Ренана, „Корпус“ и „Репертуар“ в настоящее время являются необходимым „инструментом работы“ всякого семитолога и эпиграфиста. Близкими друзьями-современниками Шабо, поддерживавшими с ним научную связь до самой смерти, были наши академики П. К. Коковцов (ум. в 1942 г.) и Б. А. Тураев (ум. в 1920 г.). В сообщении о кончине Шабо один бельгийский ученый писал: „Он умер бедняком: его единственное богатство составляла библиотека, которую он завещал университету в Луввене, и его научные труды, которые принадлежат духовному наследию человечества“.

И. Кр.

АРАМЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ АХЕМЕНИДСКОГО ЕГИПТА

Известный шведский семитолог и иранист, профессор в Упсале, Г. С. Нюберг (H. S. Nyberg) во время пребывания летом 1947 г. в Оксфорде имел возможность познакомиться с новой коллекцией арамейски: документов на коже, издание которой подготавливается оксфордским семитологом Г. Р. Драйвером (G. R. Driver). Коллекция была приобретена у одного египетского антиквара швейцарским египтологом Борхардтом еще в начале 30-х годов и обрабатывалась семитологом Е. Миттвохом. Работа была прервана смер-

тью последнего в 1942 г. в Англии, куда он был вынужден переселиться из Германии. Собрание содержит 14 документов, в большинстве очень хорошей сохранности, и хронологически относится к концу V в. до н. э., примыкая непосредственно ко времени знаменитых арамейских папирусов иудейской колонии в Элефантинте, открытие которых в начале XX в. вызвало живой интерес в науке. Новые документы связаны с личностью бывшего персидского наместника в Египте Аршамы, имя которого изве-

ство по эфаятинским папирусам: они посвящены переписке по различным вопросам, касающимся его земельных владений в Египте. Обстоятельная статья Ньюберга в шведской газете „Свенска Дагбладет“ от 17 августа 1947 г. дает ясное представление о важности новой находки не только для семитского языкознания, но и вообще для всей культурной истории древнего Востока. Можно не сомневаться, что и в области

палеографии новое открытие составит такую же эпоху, как в свое время находка папирусов из Элефантины, на которую живо откликнулась русская наука: помимо ряда специальных исследований П. К. Коковцова и Л. З. Мсернанца, им была посвящена прекрасная по своему времени научно-популярная книжка И. М. Волкова (1915 г).

И. Кр.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хорезмийской археологической экспедицией АН СССР в 1940 г. были обнаружены на укреплениях Чильпык надписи арабским алфавитом; на соседней возвышенности Кара Тюбе в числе арабских надписей прочтено имя хэна XVII в. и другие имена. Кроме того, в данном районе найдены пиктографические знаки, особенно на Кара Тюбе, которые проф. С. П. Толстов связывает с местным заупокойным культом и относит к бронзовому веку, с III до начала I тысячелетия (С. П. Толстов. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 33—42, рис. 17—22, I табл.).

В. К.

В „Бюллетене турецкого исторического общества“ (Türk Tarih Kurumu) за июль 1947 (т. XI, вып. 43) в разделе „Информации“ (стр. 566—570) помещен реферат Абдулькадира Ивана статьи С. В. Киселева о раскопках на Алтае в 1935 г. (Советская археология, т. I). Особое внимание референт уделяет руническим надписям на вещах и дает турецкий перевод чтения С. Киселева.

В том же номере помещен перевод статьи Ив. Венедикова (Из „Бюллетеня болгарского Археологического института“, т. XV, София, 1946) по поводу протоболгарской надписи на гранитной плите, найденной в 1945 г. и имеющей ближайшее отношение к тюркологии.

А. Б — с.

Благодаря работам двух экспедиций, снаряженных Институтом истории языка и литературы Туркменского филиала АН СССР в январе и феврале 1942 г., около

средневекового пути из старого Мерва в Серахе, в Таш Рабате, были открыты руины города Данденакан. Вскрытые остатки соборной мечети дали разнообразную резную орнаментлику из алебастра и надписи, часть которых, по определению проф. Б. Н. Заходера, содержит цитаты из Корана. Иллюстрации к статье С. А. Ершова „Данденакан“ (КСИИМК, вып. XV, стр. 126—136, рис. 55—65), а именно рис. 59—62, выявляют богатство арабских декоративных алфавитов, позволяют уточнить датировку памятника V/XI в. и установить имя мастера. М. М. Дьяконов в заметке „О дате Данденаканской мечети“ (КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 108) предпочитает датировку 490/1096—1097 г.

В. К.

Летом 1947 г. во время работ Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством проф. М. Е. Массона на городище „Новая Ниса“ найдена „перламутровая раковина (с арабскими текстами). Напоминает гадательные приборы. В середине — магический квадрат с дифрами“ (письмо М. Е. Массона от 22 января 1948 г. из Ташкента).

В. К.

Доклад В. А. Крачковской на объединенном заседании ИИМК АН СССР и АГУ в десятую годовщину со дня смерти Н. Я. Марра был посвящен „Арабской надписи из раскопок Н. Я. Марра в Ани“ в 1907 г., найденной у ворот Вышгорода (напечатан в КСИИМК, вып. XV, М. — Л., 1947, стр. 15—26, рис. 2—3). В тексте обеих плит уста-

повлена родословная последнего представителя династии Шеддадидов, Кей Султана, имя которого в лапидарии Ани было зафиксировано только в указе на персидском языке с упавшего минарета.

В. К.

В статье Л. М. Меликсет-Бекова „Вишапы и вишаповды в Грузии“ (КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 27—37, с 15 рис.) опубликованы два вишапа, которые были использованы в качестве могильных плит. На одном вишапе (рис. 13) сохранилась часть грузинской надписи смешанным (церковным и гражданским) алфавитом, которая близка к надписи XII—XIII вв.; на другом вишапе — древнегрузинская надпись церковным алфавитом начала XIII в.

В. К.

Выпуск XV „Кратких сообщений ИИМК“ (М.—Л., 1947, стр. 7—14) открывается не опубликованным ранее докладом акад. Н. Я. Марра об албанской надписи из камня, найденном в селении Орода (Дагестан) Н. Ф. Яковлевым летом 1923 г. (рис. 1).

В предисловии к напечатанному докладу акад. И. И. Мещанинов отметил наличие аналогичных памятников XIII—XIV вв. со знаками древнегрузинского письма в Дагестане. По определению проф. Н. Ф. Яковлева, исследованная Н. Я. Марром надпись представляет образец древнеаварской письменности.

В. К.

Фрагмент донышка селадонного блюда с китайской надписью, найденный в Сталинградском районе, Фрунзенской области Киргизской ССР издал А. Н. Берштан (КСИИМК, XVII, 1947, стр. 12—13, рис. 7). По определению автора, фрагмент датируется XII—началом XIII вв. и происходит из района расселения китайцев на Беловодском городище.

В. К.

Селим Дж. Леви (Selim J. Levy) издал тексты двух цилиндров из музея в Ираке в журнале „Сумер“ („Sumer“), т. III, № 1, январь 1947 г., стр. 4—18. Тексты повествуют о сооружениях Небухаднассара II в

виде земляных насыпей и рвов, заполненных водой, с указанием протяжения валов, усиленных асфальтом и жжеными кирпичами. Валу были устроены от граници Вавилона до центра Киша и окружали город с крепкими набережными. Укрепления, согласно описанию, тянулись от берега Тигра до берега Ефрата, и издатель цилиндров предполагает, что они соответствуют „Мидийской стене“.

В. К.

Открытию Сольшого клинописного архива при раскопках в предместье Багдада посвящена заметка в „Вопросах истории“ (кн. XII, декабрь, 1947, стр. 154).

В. К.

В предварительных отчетах о V—VIII археологических кампаниях в Дуре Эзрупос, на данных в 1924—1939 г. (New Haven) под редакцией М. Ростовцева, некоторые главы посвящены восточной письменности, а именно: в „Отчете“ о V кампании (изд. 1934 г.) глава X посвящена папирусам, глава XI — монетным находкам; глава XII „Отчета“ о VI кампании трактует о пергаментах и папирусах, глава XIV — о монетах; глава X из „Отчета“ о VII и VIII кампаниях содержит анализ монетных находок за 1933—1935 гг. и сопровождается топографической картой мест чекана; глава XI посвящена семитическим надписям.

В. К.

* В 1939 г. совершено второе путешествие в Хадрамаут Д. ван дер Мейлен (D. van der Meulen); первое путешествие его имело место в 1931 г., описание было издано в 1932 г. На пространстве между Аденом и Хадрамаутом по сухому пути в непроданных европейцами ранее пунктах найдены доисламские надписи. Новая обширная монография Д. ван дер Мейлен „Aden to Hadhramaut. A Journey in South Arabia“ (London, 1946, XVI + 254 стр.) посвящена этим открытиям. В периодической печати появилось несколько отзывов об этом издании; краткая рецензия А. Дж. Арберри (Luzac's Oriental List and Book Review..., London, т. LVIII, № 2, апрель—июнь 1947 г., стр. 36); более обстоятельный обзор дал В. Тезигер (W. Thesiger. A New Journey in Southern Arabia, октябрь—декабрь, 1945, стр. 129—

145); краткие отзывы имеются в „Geographical Review“ (New York, январь, 1948, стр. 146—148).

В. К.

В журнале „Артибус Азия“ („Artibus Asiae“, т. IX, 1946, вып. 4, стр. 318—319) Эдуард Эркес (Eduard Erkes) опубликовал вотивную стелу с китайской надписью из собрания Леман (Lehmann), которую автор датирует 556 г.

В. К.

В 1939 г. в Амброзианской библиотеке города Милан д-р Оскар Лёфгрэн открыл отрывки весьма редкой арабской рукописи „Зоологии“ („Китаб ал-Хайаван“) ал-Джахиза, в количестве 87 листов крупного формата 4°, с 32 миниатюрами. Рукописи

посвящено обстоятельное исследование автора открытия, миниатюрам — дополнительная заметка Карла Иоганна Ламм (Ambrosian Fragments of an illuminated manuscript containing the Zoology of al-Gahiz... edited by Oscar Löfgren, Ph. D. With a Contribution. The Miniatures: their Origin and Style by Carl Johan Lamm, Ph. D. Uppsala Universitets Arsskrift. Uppsala — Leipzig, 1949, 5).

Все миниатюры тесно связаны с четко написанным арабским текстом трактата; по сюжету большая часть изображает сцены из жизни животных, пять миниатюр изображают только человеческие фигуры. Стиль миниатюр, по мнению К. И. Ламм, приближается к манере группы миниатюр XIII—начала XIV в.

В. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Дирхем, чеканенный в Мерве 76/695—596 г.	3
Письмо согдийца Дивасты 99—100/718—719 гг. Деталь	4
Шелко-льняная ткань с тирязом из Мерва 278/891 г.	4
Шелко-льняная ткань с тирязом 293/891 г.	4
Надписи на поливной керамике II—III/VIII—IX вв. Афраснаб	5
Надпись фаянсового каламдана III/IX в.	5
Дирхем Насра II, сына Ахмада, Нйшāпūr, 305/917—918 г.	8
Коран 869—874 гг. Вақф Амāджūra	9
Табл. I, а—г — обломки поливных чаш X в. Афраснаб	10
Табл. II, а — полихромное блюдо с эпитафическим узором; б — поливное блюдо X—сере- дины XI в. Афраснаб. Фото А. И. Тереножкина	10
Чаша из Нйшāпūra, середины III/IX в.	11
Поливная чаша IX в. Лувр	12
Табл. III, а — лист Корана X в.; б — рукопись сочинения ас-Сйрафй 373/933 г.	12
Табл. IV, а—б — автограф ал-Бирūнй 416/1025 г.; в — фармакология Муваффақа 447/1065 г.	13
Фрагмент поливного блюда IX в.	13
Два фрагмента поливной керамики X в. „Ал-юми“	14
Буква алиф VIII—X вв.	15
Блюдо с надписью XI в.	15
Надпись минарета 401/1010—1011 г. Ургēнч	16
Минарет в Термезе 423/1032 г. Деталь надписи	16
Алфавит башни в Радкāне 401—411/1016—1021 гг. по С. Флюри	16
Сайрам. Каменная колонна мечети. Фото А. Ю. Якубовского	17
Сайрам. Верхняя надпись каменной колонны мечети, 404/март—апрель 1014 г.	17
Узловидные плетения из алфавита 411/1021 г. Радкāн	17
Детали надписей и алфавитов в Данденакане, Газне и Мешхеде	18
Рабāt-и Малик 460—472/1068—1080 гг. Деталь надписи арки	19
Надпись мавзолея Муҳаммад Ханāпья 506/1112—1113 г. По фото Н. М. Бачинского	19
Ўзгенд, мавзолей 547/1152 г. Деталь надписи арки	20
Ўзгенд, южный мавзолей, деталь фриза насъй	20
Ўзгенд, деталь фриза южного мавзолея 581/1183 г.	21
Надпись портала мечети Месторнан, 1200—1220 гг. Деталь.	22
Мавзолей Наджм ад-дин Кубра. Бордюр ирраца	22
Табл. V, а — деталь бронзового каламдана Маджд ал-Мулка 607/1210 г.; б — Ургēнч. Деталь надписи минарета. Фото А. Ю. Якубовского; в — подражание куфической надписи. Мавзолей № 3. Шāх-и Зинда	22
Табл. VI, Ургēнч. Портал мавзолея Наджм ад-дин Кубра	23
Панно мавзолея Муҳаммада Башāра 743/1342—1343 г.	23
Шāх-и Зинда. Панно мавзолея Қутлуғ Ага	23
Мавзолей Қутлуғ Ага. „Ал-мулк ли-Алла“	24
Мавзолей Амйр заде. „Ал-мулк ли-Алла“. Шāх-и Зинде	24

Мавзолей Туркян Ага. „Ал-мулк ли-Лай“	24
Деталь надписи бронзового котла Теймүра. „Ал-мулк ли-Лай“	25
Два фрагмента полевой керамики. „Ал-мулк“	25
Эпиграфические орнаменты мавзолеев Шайх-и Зинда	26
Мотивы ковра по миниатюре начала XVI в.	26
Платька с надписью „власть“ с мавзолея „Гумбез Манаса“	29
„Гумбез Манаса“. Начало главной надписи на портале	32
„Гумбез Манаса“. Середина главной надписи на портале	32
„Гумбез Манаса“. Конец главной надписи на портале	32
Мавзолей Сырлытам	34
Кайрак амира Люли 726 г. х.	35
Надгробная плита на могиле Шайх-Роха	46
Надгробная плита на могиле Улуг-бека	46
Беломраморное надгробие на могиле Мухаммад Султана	48
Часть внутреннего склепа в Гур-и Эмире	50
Саркофаг над могилой Мйраишаха	52
Наконечник копья-дротика с китайской надписью. Казахстан. Стелняк, ур. Бестюбе.	56
Надпись карошти. Южный Памир, Вахан, ур. Даршай.	57
Пастовая печать с надписью уйгурским шрифтом. Казахстан, г. Джамбул (древний Тараз).	58
Сравнительная таблица алфавитов	60
Изразец из альбома фотографий Государственного Эрмитажа	76—77
Обломок изразца из Музея восточных культур (Москва)	76—77
Обломок изразца из Музея керамики в Кускове (под Москвой)	76—77
Изразец из коллекции Келекиана	76—77
Изразец из собрания Британского музея	76—77
Изразец из коллекции Годман	76—77
Изразец без верхней части (отбита) из коллекции Годман	76—77
Остракон Музея изобразительных искусств, № 4468	83
Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 4468	83
Остракон Музея изобразительных искусств, № 5518	84
Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 5518	84

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБ — Г. В. Ц е р е т е л и. Армазская билингва.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР — серия общественных наук.
 ЗАН — Записки Академии Наук.
 ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
 ЗРАН — Записки Российской Академии Наук.
 ИАН — Известия Академии Наук СССР.
 Изв АН Арм. ССР — Известия Академии Наук Армянской ССР.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры.
 ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры (Тбилиси).
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
 Летопись Сардури — Н. Я. М а р р и И. А. О р б е л и. Археологическая экспедиция в Ван 1916 г. Пгр., 1922.
 Ник. — М. В. Н и к о л ь с к и й. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, V, 1896.
 Ц. — Г. В. Ц е р е т е л и. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
 AJSL — American Journal for Semitic Languages.
 AOF — H. W i n c k l e r. Altorientalische Forschungen.
 ARAB — D. D. L u e c k e n b i l l. Ancient Records of Assyria and Babylonia. 1925—1927.
 СИСч — С. F. L e h m a n n - H a u p t. Corpus Inscriptionum Chaldaicarum. [Не относится к перечню текстов, помещенному в I. Textband].
 EI — Enzyklopaedie des Islam.
 HABL — R. F. H a r p e r. Assyrian and Babylonian Letters; та же нумерация в издании транскрипций и перевода: L. W a t e r m a n n. Royal Correspondence of the assyrian Empire.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
 NE — M. L i d z b a r s k y. Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik.
 SBAW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Wien.
 SPA — A Survey of Persian Art from prehistoric times to the present. London and New York.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
 Z. f. Ethn. — Zeitschrift für Ethnologie.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии	3
М. Е. Массон. Время и история сооружения „Гумбеза Манаса“	28
А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимүра и его потомков в Гур-и Эмире (Окончание)	45
А. Н. Бернштам. Новые надписи из Средней Азии	55
Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфа- вита. II	59
Л. Т. Гюзальян. Фризвые изразцы XIII в. с поэтическими фрагментами	72
И. М. Лурье. Поучение Аменемхета I в остраконах Музея изобразительных искусств	82
Б. Б. Пиотровский. Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейше- бани (Кармир-блур)	88
Краткие сообщения и заметки	90
Хроника и библиография	93
Список иллюстраций	96
Список сокращений	98

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

•

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Н. А. Малевич*

•

РИСО АН СССР № 3433. М-28969. Подписано
к печати 17/X 1949 г. Печ. л. $6\frac{1}{4}$ + 12 вкл.
Уч.-изд. л. 8,66. Тираж 1500. Заказ № 1414.

1-я типография Издательства Академии Наук
СССР Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.